ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ.
Выпускъ XVI, т. I, № 2-ой (стр. 63-196).

А. Крымскій.

Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи.

Т. I, № 2 (стр. 63-196).

III. Появленіе тюрковъ. Государство Махмуда Газневидскаго.
IV. Великая сельджукская имперія XI вѣка.
V. Очеркъ блестящаго періода персидской литературы.

— „Говорятъ, что персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ;— а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня".

Гёте.

Новое, обширно переработанное изданіе.

Москва—1914.
Типографія А. Я. Ширсберга въ Звенигородкѣ Кіевской губ.
и „Крестнаго Календаря А. Гатцука" въ Москвѣ, Долгоруковская, 33.

Труды по востоковѣдѣнію,

издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Вост. Яз., въ Москвѣ.

Выпускъ 0. Древнеармянское Евангеліе 887 г. (фототип.) М. 1899. Цѣна **20** р.

Выпускъ I. *Книги Паралипоменонъ* въ древнѣйшемъ армянскомъ переводѣ. Подъ редакціей и съ предисловіемъ *Г. Халатьянца*. (М. 1899). Цѣна **2** р.

Выпускъ II: Матеріалы по казакъ-киргизскому языку, собр. *И. Лаптевымъ*. М. 1900. Ц. **1** р.

Выпускъ III: Фонетика еврейско-татскаго нарѣчія, *Всев. Миллера*, М. 1900. Ц. **60** к.

Выпускъ IV: Очеркъ литературной дѣятельности казанскихъ татаръ, *Н. Ашмарина* подъ редакціей *А. Крымскаго*. Москва, 1901, Цѣна **75** к.

Выпускъ V: Семитскіе языки и народы, *Т. Нельдеке*, въ обработкѣ *А. Крымскаго*. Ч. I. a) О семитскихъ языкахъ вообще. b) Языки еврейскій и арамейскій. Москва 1903. Цѣна 1 р. **50** к.—Ч. II. c) Очеркъ сирской литературы; d) Вавилоно-ассирійская исторія и черты языка (М. 1910), Ц. **1** р.—Ч. III: Южно-семитскіе языки и подробная исторія языка арабскаго, съ приложеніемъ перевода двухъ главъ изъ ибнъ-Акыля и таблицей поправокъ къ „Руководству" М. Аттая. М. 1912. Ц. **2** р. Изд. 2-ое.

Выпускъ VI: Грамматика персидскаго языка, сост. *Мирзою-Джафаромъ* при участіи академика *Ѳ. Корша*. М. 1901. Ц. **2** р. **50** к. (складъ въ словолитнѣ О. Гербека).

Выпускъ VII: Морфологія еврейско-татскаго нарѣчія. *В. Миллера*. М. 1901. Ц. **50** к.

Выпускъ VIII: Изслѣдованіе о 1001 ночи, *І. Эструпа*, и *А. Крымскаго*. М. 1905. Распродано. Продолженіе=вып. XXXVII.

Выпускъ IX: Балһваръ и Іодасафъ. Грузинскій текстъ по рукопис. XI-XII вв., съ переводомъ и предисловіемъ издалъ *А. Хахановъ*. М. 1902. Цѣна **60** к.

Выпускъ X и **XXV**: Образчики персидской письменности съ X в. до нашего времени. Сост. *Мирза Абдулла Гаффаровъ*. Часть I. Проза. М. 1913. (печатается) Часть II: Поэзія. М. 1906. Цѣна **3** р. **50** к.

Выпускъ XI: Дигорскія сказанія съ перев. и примѣчаніями *Вс. Миллера*. М. 1902.Ц. **1** р.

Выпускъ XII и **XVIII**: Исторія мусульманства, *А. Крымскаго*. Части I и II распроданы (М. 1904), но все существенное изъ нихъ вошло въ вып. XV. Отдѣльно: вып. XVIII (=ч. IIб и вступл.)—**75** к. Ч. III: Новѣйшій исламъ. М. 1912. Ц. **60** к.

Выпускъ XIII: Источники для исторіи Мохаммеда и литература о немъ. *А. Крымскаго*. a) Отъ Орвы до ибнъ-Исхака съ ибнъ-Хишâмомъ. М. 1902. Ц. **50** к., б) Арабскій текстъ ибнъ-Хишама. М. 1906. Цѣна **50** к. Литограф. русскій переводъ ибнъ-Хишâма, съ изслѣд., изд. студентами. М. 1910. Ц. **2** р.

Выпускъ XIV: Армянскіе Аршакиды въ „Исторіи Арменіи" Моисея Хоренскаго. Опытъ критики источниковъ. *Г. Халатьянца*. М. 1903. Цѣна **3** р. *Его же*: Армянскій эпосъ у Моисея Хоренскаго. М. 1896. Ц. **3** р.

Выпускъ XV: Исторія арабовъ и арабской литературы, свѣтской и духовной. Изд. 3-е. *А. Крымскаго*. Часть I-III. М. 1914. Цѣна **3** р. **30** к. Продолженіе=вып. XXXV.

Выпускъ XVI: Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи, 3-е изд. съ прилож. многочисленныхъ литературныхъ образцовъ въ русскомъ переводѣ, *А. Крымскаго*. Т. I. Отъ эпохи халифовъ до сельджукскихъ междоусобій; золотой вѣкъ перс. литературы. Вып. 1—2 (1909, 1914). Ц. **1** р. **85** к. (отдѣльно вып. 2, стр. 63—196, ц. **1** р. **10** к.).—т. II (лит.): Отъ сельджуковъ до монголовъ, съ общимъ очеркомъ исторіи суфійства. М. 1912. Ц. **2** р.—т. III. Отъ монголовъ до настоящаго времени (печатается изд. 3-ье).

Выпускъ XVII: Турецкія народныя пѣсни. Музыкальные тексты съ переводомъ и объясненіями, *Бор. Миллера*, и вступительнымъ критико-библіографическимъ обзоромъ литературы предмета, *А. Крымскаго*. М. 1903. Цѣна **1** рубль.

Выпускъ XIX: Багратъ, епископъ Тавроменійскій, грузинскій текстъ по рукописямъ XI в., издалъ *А. Хахановъ*. М. 1904 г. Ц. **1** рубль.

Выпускъ XX: Ossetica, *Всев. Миллера*. М. 1904. Ц. **75** к.

Продолж. см. на 3-й стр. обложки.

ТРУДЫ ПО ВОСТОКОВѢДѢНІЮ,
издаваемые Лазаревскимъ Институтомъ Восточныхъ Языковъ.
Выпускъ XVI, т. I, № 2-ой (стр. 63-196).

А. Крымскій.

Исторія Персіи, ея литературы и дервишеской теософіи.

Т. I, № 2 (стр. 63-196).

III. Появленіе тюрковъ. Государство Махмуда Газневидскаго.
IV. Великая сельджукская имперія XI вѣка.
V. Очеркъ блестящаго періода персидской литературы.

— „Говорятъ, что персы изъ всѣхъ своихъ поэтовъ, за пять столѣтій, признали достойными только семерыхъ; — а вѣдь и среди прочихъ, забракованныхъ ими, многіе будутъ почище меня“.

Гёте.

Новое, обширно переработанное изданіе.

Москва — 1914.
Типографія А. Я. Ниренберга въ Звенигородкѣ Кіевской губ.
и „Крестнаго Календаря А. Гатцука“ въ Москвѣ, Долгоруковская, 33.

Появленіе тюрковъ. Государство Махмуда Газневидскаго.

Появленіе тюрковъ. Газневидское государство.

Основатели газневидскаго государства:

962-963. Алпъ-тегинъ, саманидскій рабъ-гвардеецъ.
963-966. Исхакъ, сынъ Алпъ-тегина.
966-972. Бильгя-тегинъ, рабъ.
972-977. Пири, рабъ.
977-997. Себоктегинъ, зять Алпъ-тегина.
997. Исмаилъ, сынъ Себоктегина.
998-1030. Махмудъ, завоеватель Индіи, сынъ Себоктегина.

Цитируемыя у насъ изданія источниковъ:

1) 'Отбій (ум. ок. 1036), придворный историкъ Махмуда Газневидскаго, довелъ исторію газневидовъ: «Ат-târîx аль-Иäмінî» (араб.) до 410=1020 г. Цитируется по каирскому изданію 1290=1873 г. на поляхъ X-XII тт. ибнъ-аль-Асира. Въ иныхъ случаяхъ дѣлаются ссылки на сокращенное изложеніе Сильв. де-Саси (съ персид. передѣлки 1205 г. по Р. X.) въ «Notices et extraits», т. IV (an VII=1798-1799) [1].

2) аль-Бируній (973-1048), сопровождавшій войско Махмуда Газневидскаго въ Индію, изданъ и переведенъ по англійски Эдв. Захау: а) «Хронологія» (1878 по араб., 1879 англ.), б) «India» (1887 араб., 1888 англ.; англ. переводъ буквально переизданъ 1910).

3) Гярдизій (ок. 1050) изъ крѣпости Гярдиза недалеко отъ Газны. Его персидская «Краса исторій» цитируется по «Текстамъ» при диссертаціи В. Бартольда: «Туркестанъ», ч. I (1899).

4) Бейhекый (ок. 996-1077), газневидскій дипломатъ. Его персидская «Târîx-и Мес'удî», писанная ок. 1058-1059, цитируется по литогр. теhран. изданію 1307=1890 г. (иногда параллельно указываются страницы калькуттскаго изданія Морли 1862 и французскаго краткаго изложенія Биберштейна-Казимірскаго въ введеніи къ «Menoutchehri» 1886).

---

[1]) На англійскій переводъ Рейнольдса (Лонд. 1858), произведенный съ персидской обработки 'Отбія, я къ сожалѣнію не могъ дѣлать ссылокъ, потому что этого рѣдкаго изданія не могъ достать.

Многія цитируемыя мною мѣста включилъ, по моей просьбѣ, Мирза Абд. Гаффаровъ въ печатающееся новое изданіе своей персидской хрестоматіи: «Образцы персид. письменности», ч. I (проза, стр. 126-150).

5) «Сіясéт-нáмé»=«Книга политики» сельджукскаго везиря Низамольмолька (1018-1092). Изд. и перев. Шеферъ (1891 перс., 1893 франц.). Въ печатающуюся хрестоматію М. Абд. Гаффарова (I, 150-178) войдутъ многія изъ цитируемыхъ мною главъ.

6) «Чеһáр меqáлé»=«Четыре трактата» Низáмія ʻАрýзія Самаркандскаго (пис. ок. 1110-1155). Цитируется по изданію въ Gibb Series (1910); англ. пер. Эдв. Брауна 1899 (отт. изъ «Journ. of the R. Asiat. Soc.»).

7) ʻОвфій (до 1236), старѣйшій сохранившійся персидскій историкъ литературы: а) «Собраніе [историческихъ] разсказовъ»=«Джáмиʻ эль-хикáйáт», (перс.), не издано, цитируется по «Текстамъ» В. Бартольда въ I ч. Туркестана» (1899), по англ. извлеченіямъ въ «History of India» Элліота т. II (1869, стр. 155-203) и иногда изъ вторыхъ рукъ—по выпискамъ у Фериштé XVII в.;—б) «Лобáб эль-эльбáб»=«Сердцевина талантовъ», перс., изд. Эдв. Браунъ (т. I, Лейд. 1907; т. II, 1903).

8) Ибнъ-аль-Асиръ (ум. 1232), месопотамецъ: «Всеобщая исторія», егип. изд. 1290=1873, тт. VIII-XII.

9) Мирхондъ (1433-1498). Отдѣлъ о газневидахъ цитируется нами по изд. Ф. Вилькена: «Historia Gasnevidarum» (Берл. 1832, по-перс. и по-лат.).

10) Фериштé (1606; род. 1553): Исторія Индіи, кн. I. Вмѣсто бомбейскаго изданія 1247=1831 (или плохого англ. перевода Бриггса 1829) позволяю себѣ цитировать приложенія къ вышеотмѣченному Вилькенову изданію и переводу Мирхондовской «Historia Gasnevidarum» (1832), гдѣ всѣ маломальски интересныя свѣдѣнія, какія есть у Фериште и какихъ нѣтъ у Мирхонда, извлечены и переведены.

Что касается европейскихъ обработокъ въ видѣ общихъ сводовъ, то въ нач. XIX вѣка Малькомъ въ IX главѣ своей «History of Persia» (=по франц. перев. т. II, 1821, стр. 1-51) съ путанной подробностью излагаетъ исторію Газневидовъ на основаніи новѣйшей компиляціи «Зінет эттеварíх» нач. XIX вѣка и Фериште XVII в.; Вейль въ «Geschichte der Chalifen», т. III (1851, стр. 60 и слѣд.) очень кратко резюмируетъ свѣдѣнія, почерпнутыя имъ изъ ибнъ-аль-Асира XIII в. и Мирхонда XV в.; гораздо обстоятельнѣе—Авг. Мюллеръ въ серіи Онкена 1887 (=русск. пер. «Исторія ислама», т. III, Спб. 1896, стр. 41-42 и 51-76), который пользуется Вейлемъ и его обоими пособіями и дѣлаетъ ссылку также

на аль-Бирунія XI в. Возможно, что Авг. Мюллеръ уже былъ знакомъ съ работою E. B. Oliver'a: «The decline of the Sâmânis and the rise of the Ghaznavis in Mâwarâ-un-nahr and part of Khurâsân»—въ бенг. «Journ. of the Asiat. Soc.», т. 55 (1886, стр. 89 и сл.).—Въ высшей степени кратко резюмировалъ исторію газневидовъ ирановѣдный справочникъ «Grundriss der iran. Philologie», т. II, вып. 4 (1900, стр. 566-567), гдѣ авторъ П. Хорнъ отводитъ газневидамъ менѣе страницы (въ сущности—лишь нѣсколько строкъ!).

Въ XX вѣкѣ, когда авторитетные первоисточники XI-XII вв. оказались научно опубликованы, обыкновенно въ сопровожденіи критическихъ изслѣдованій (частію даже впервые найдены),—изученіе газневидской исторіи приняло другой характеръ. Цѣнны соотвѣтствующія страницы въ «Туркестанѣ» В. Бартольда (Спб. 1900), гдѣ многіе историческіе вопросы (напр. экономическіе) подняты и освѣщены лишь первый разъ. Полна рельефныхъ культурныхъ подробностей историко-литературная глава «The Ghaznavi period» во II томѣ Edw. Browne: «A literary history of Persia» (Л. 1906, стр. 90-164). Оба изслѣдователя — не только знатоки первоисточниковъ, но и издатели ихъ.

ОСНОВАНІЕ ГАЗНЕВИДСКАГО ГОСУДАРСТВА.

Во второй половинѣ X вѣка, въ то время, какъ восточный Иранъ составлялъ собою культурную державу просвѣщенныхъ персовъ-Саманидовъ, а южный и западный Иранъ—тоже очень культурную державу персовъ-шіитовъ Бовейһидовъ, въ плѣну у которыхъ находился и багдадскій «глава правовѣрныхъ» халифъ,—на юго-восточной окраинѣ Ирана, у границъ Индіи, въ нынѣшнемъ Афганистанѣ, возникло государство одного опальнаго тюрка-гвардейца, раба по происхожденію. Государство это къ концу вѣка сломило державу Саманидовъ и затѣмъ подломило державу Бовейһидовъ.

Замѣчаніе о рабахъ-гвардейцахъ.

Обычай, чтобы при государѣ состояла преторіанская гвардія изъ вольноотпущенныхъ рабовъ, начался повидимому съ первыхъ же халифовъ-аббасидовъ, а рѣшительно введенъ былъ въ халифатъ сыномъ знаменитаго халифа Хāрӯна ар-Рашӣда, братомъ и преемникомъ не менѣе знаменитаго халифа аль-Ма'мӯна халифомъ Мо'тасымомъ (833-842) [1]. Чувствуя

[1]) См. подробнѣе въ нашей „Исторіи Арабовъ“ ч. II (1912), стр. 160-161.

ослабленіе халифата и не особенно довѣряя своимъ «вѣрноподданнымъ» багдадцамъ, халифъ Мо'тасымъ создалъ себѣ миль за пятнадцать къ сѣверу отъ Багдада нѣчто вродѣ позднѣйшаго Версаля Людовика XIV подъ Парижемъ, т. е. устроилъ государеву слободу [1]), съ дворцомъ-замкомъ для себя, съ постройками-помѣщеніями для вельможъ и для военныхъ чиновъ и съ гвардейскими казармами, рядомъ со дворцомъ; а гвардію, которую Мо'тасымъ помѣстилъ въ казармахъ, онъ набралъ изъ вольноотпущенныхъ рабовъ, частію родомъ изъ Туркестана, частію изъ берберской Африки. Предполагалось, что такое лейбъ-гвардейское войско, чуждое интересамъ мѣстнаго населенія багдадскаго, легко будетъ подавлять среди него всякую попытку смуты и будетъ безусловно предано интересамъ только своего повелителя. Такъ оно, въ началѣ, и было,—и халифъ эту свою гвардію ласкалъ и осыпалъ милостями, а офицерамъ ея предоставлялъ важныя придворныя и государственныя должности.

Плачевные для дальнѣйшихъ халифовъ результаты этой системы—извѣстны. И казалось бы, что кому-кому, а ужъ всѣмъ государямъ тѣхъ владѣній, на которыя распался къ началу X в. багдадскій халифатъ, не могла бы не быть слишкомъ поучительно-памятной опасность преторіанскаго войска.

Тѣмъ не менѣе Саманиды, въ Бухарѣ, какъ-разъ въ началѣ X в. [2]), желая обезопасить высоту своего авторитета передъ подданными, послѣдовали гибельному обычаю халифовъ-аббасидовъ, ввели преторіанскую гвардію и довели у себя дѣло до такихъ же послѣдствій, какъ и аббасиды въ Багдадѣ [3]).

Карьера тюркскаго раба-«голяма», попавшаго въ саманидскую гвардію, обстоятельно очерчена въ XXVII главѣ «Сіясет-наме» везиря Низамольмолька [4]).

Новый г о л я м ъ долженъ былъ служить первый годъ при своемъ (ближайшемъ) начальникѣ въ качествѣ стре-

---

1) подъ затѣйливымъ именемъ: „Сорра ман раа" (=„Кто посмотритъ—возрадуется").

2) и притомъ самый могущественный изъ нихъ—Исмаилъ (892-907).

3) Срв. у насъ „Исторію Персіи" вып. I (1909), стр. 54.

4) „Сіясет-наме", стр. 95 (=франц. перев. 139-140); по перс. перепечатано въ „Образцахъ" Абд. Гаффарова I, 166. Срв. у В. Бартольда: „Туркестанъ", т. II, стр. 236.

мянного-пажа, обязательно пѣшаго: если бъ онъ посмѣлъ—даже не при публикѣ—сѣсть на коня, его бы наказали. Шесть дальнѣйшихъ лѣтъ службы голямъ отбывалъ ужъ какъ конный гвардеецъ, и выслуга каждаго года обозначалась у него какимъ-нибудь грибаночнымъ отличіемъ или нашивкой въ сбруѣ или обмундировкѣ. На седьмой годъ голямъ производился въ низшій офицерскій чинъ: «в и с а к ъ - б а ш ы», что съ вольностью можно бы перевести козацкимъ терминомъ «куренный отаманъ», или (такъ-какъ курень былъ палаткой)—«начальникъ палатки». Въ палаткѣ, кромѣ самого висакъ-башы, было еще три подначальныхъ ему голяма; висакъ-башы отъ нихъ отличался и своей обмундировкой: на немъ была одежда изъ гянджійской шелковой матеріи [1]), а на головѣ—шитая серебряными позументами черная войлочная шапка.

Послѣ того ему открывались въ перспективѣ и дальнѣйшія офицерско-гвардейскія степени: «х и л ь - б а ш ы» (=начальникъ дружины) [2]) и «х á д ж и б ъ» (=спальникъ, камергеръ). «Старшій хаджибъ» или «великій спальникъ» (х á д ж и б-и б о з о р г), или еще иначе «хаджибъ надъ хаджибами» (ḥ á д ж и б аль-ḥ о д д ж á б), т. е. оберъ-камергеръ)—это былъ глава всего придворнаго штата, одна изъ первыхъ должностей въ саманидской державѣ.

До нея дослужиться, конечно, могъ разсчитывать не каждый голямъ, но за то его честолюбію открывались другія перспективы. Такъ, онъ могъ,—съ титуломъ «ç á ḥ ы б а ш - ш ю р а т», что по-латыни приблизительно значило бы «преторъ»,—сдѣлаться военнымъ оберполицмейстеромъ города, могъ при этомъ имѣть свой штатъ канцелярскихъ чиновниковъ («диванъ») и полицейскихъ исполнителей, могъ всегда ходить съ ликторами-«чýбдáрами», изъ которыхъ одни имѣли палки золотыя, другіе—серебряныя, третьи—деревянныя.

Хорошо выслужившагося и произведеннаго въ старшіе чины тюркскаго раба-гвардейца саманиды, по достиженіи имъ однако возраста не менѣе 35 лѣтъ, охотно назначали также на должность если не такую высокую, какъ «великаго хаджиба», то все же на очень важную: н а м ѣ с т н и к а какой-нибудь провинціи.

---

[1]) Такъ понимаетъ это мѣсто Шеферъ (фр. пер., стр. 140, сноска). По персидски просто сказано: „гянджійская одежда", безъ указаній на шелкъ. Извѣстно, что г. Гянджа—это нынѣшній Елисаветполь въ Закавказьи. Не была ли „гянджійская одежда" родъ черкески?

[2]) Думается, что чтеніе „хиль"—по тюркски будетъ правильнѣе, чѣмъ „хейль", принятое словаремъ Вуллерса (I, 775), Шеферомъ (фр. пер. 140) и В. Бартольдомъ („Туркестанъ", II, стр. 236), вѣроятно подъ арабскимъ вліяніемъ

Среди намѣстниковъ наиболѣе значительнымъ былъ Хорасанскій, резидировавшій въ Нишапурѣ; онъ титуловался «сипеhса́ла́ръ», т. е. «воевода» [1]). Подъ его правленіемъ находилась обширнѣйшая территорія—всѣ саманидскія земли къ югу отъ Аму-Дарьи, потому-что предѣлы «Хорасана» понимались въ тѣ времена гораздо шире, чѣмъ теперь; теперь напр. Мервъ, входящій въ составъ русскаго Закаспійскаго края, и Хератъ. принадлежащій афганскому эмиру, не причисляются къ Хорасану, а тогда – причислялись; и Хератъ у Бейhекы́я не разъ называется «середина Хорасана» («ва́сите-и Хора́са́н») [2]).

Алптегинъ (ум. 963). Первые газневиды.

Въ серединѣ 3-ей четверти X вѣка, при царствующемъ саманидѣ эмирѣ Абдель-меликѣ (954-961), намѣстникомъ широко раскинувшагося Хорасанскаго воеводства оказался выслужившійся рабъ-тюркъ Алпъ-тегинъ [3]). Помимо того, что значеніе давалось Алпъ-тегину его вліяніемъ въ гвардіи и его новой должностью хорасанскаго воеводы, выдавался онъ и своимъ далеко не зауряднымъ богатствомъ. Если положиться на точность цифръ Низамольмолька [4]), то Алпъ-тегинъ успѣлъ на своей службѣ пріобрѣсти до 500 сельскихъ имѣній, какъ въ Хорасанскомъ воеводствѣ, куда онъ теперь былъ назначенъ, такъ и въ Бухарскомъ Мавераннаhрѣ; однихъ барановъ насчитывалъ онъ до милліона головъ; а въ городахъ—у него въ каждомъ былъ собственный дворецъ, садъ, караванъ-сарай, да баня.

Не успѣлъ Алпъ-тегинъ и года побыть на воеводствѣ, какъ внезапно, въ концѣ 961 г., умеръ эмиръ.

Начались дворцовыя распри и волненія по поводу назначенія ему наслѣдника. Тотъ царевичъ, возведенія котораго требовалъ Алпъ-тегинъ,

---

[1]) или на арабскій ладъ: „çа̤ыб аль-джейш".

[2]) И Мервъ тоже иногда титулуется у Бейhекыя „серединою Хорасана". См. изд. теhр., стр. 450.

[3]) Незадолго передъ тѣмъ былъ онъ въ Бухарѣ оберполицмейстеромъ и „великимъ хаджибомъ" (Бейhекый, теhр. изд. 89). Эмиру-саманиду Абдель-мелику Алпъ-тегинъ, въ Бухарѣ, показался слишкомъ опасенъ,—и, стремясь избавиться отъ господства военной партіи, эмиръ назначилъ Алпъ-тегина воеводою въ Хорасанъ. Срв. В. Бартольдъ: „Туркестанъ", т. II, 261-262.

[4]) „Сіясет-наме; стр. 101-102; франц. пер. 149-150.

былъ низвергнутъ противной партіей, и на престолѣ бухарскихъ эмировъ оказался братъ покойнаго эмира (Мансу́ръ I, 961-976), противъ кандидатуры котораго стоялъ Алпъ-тегинъ. Сразу же Алпъ-тегинъ потерялъ все значеніе; у него было отнято и воеводство Хорасанское; съ увѣренностью, конечно, можно было ждать и конфискаціи земельныхъ имѣній.

Среди тюркской гвардіи Алпъ-тегинъ однако нашелъ нѣсколько тысячъ преданныхъ приверженцевъ, которые всецѣло раздѣляли съ нимъ негодованіе на «неблагодарность» саманидской династіи къ своему многолѣтнему вѣрному служакѣ [1]) и готовы были пойти на смерть за своего полководца. Съ ними Алпъ-тегинъ бѣжалъ черезъ Кабульскіе проходы за Хиндукушъ, въ недоступныя Афганскія горы, въ г. Газну (или, какъ иначе говорится, Газни́нъ), низложилъ тамъ мѣстнаго князька и основалъ свое собственное тюркское независимое владѣніе Газневидское (962) [2]).

Горное положеніе Газны служитъ для нея очень недурнымъ природнымъ укрѣпленіемъ, и потому Алпъ-тегинъ могъ не бояться саманидскаго войска, тѣмъ болѣе, что оно не привыкло дѣйствовать въ горахъ. Но и расширить предѣлы захваченной области ему не удалось; да онъ черезъ годъ и умеръ (963).

Сыну его, въ борьбѣ съ прежнимъ владѣтелемъ Газны, пришлось бѣжать въ Бухару́, чтобы просить помощи у саманидовъ, и, понятно, признать себя саманидскимъ вассаломъ [3]).

---

[1]) На такой точкѣ зрѣнія („неблагодарность саманидовъ") стоитъ и везирь Низамольмолькъ въ своемъ (не слишкомъ точномъ) разсказѣ про Алпъ-тегина. См. „Сіясет-наме́", глава XXVII, стр. 97 и слѣд.; (=франц. перев. 143 слѣд.; и въ хрест. Гаффарова I, 165 сл.), гдѣ Алпъ-тегинъ изображенъ въ преувеличенно благородномъ видѣ, согласно съ морализаторской тенденціей XXVII-ой главы.

[2]) По-арабски относительное прилагательное отъ имени „Газна́" звучитъ „Газн*аві*". Оттого и европейцы употребляютъ терминъ: „газн*ев*идъ", „газн*ев*идскій", со вставочнымъ слогомъ *ев*.

[3]) Разумѣется, болѣе чѣмъ очевидно, что эта газневидская вассальная зависимость была лишь номинальною; но, во всякомъ случаѣ, на монетахъ чеканившихся въ Газнѣ (и Алпъ-тегинова сына, и его преемниковъ изъ рабовъ), чеканилось не только имя правящаго газневида, но и саманидскаго государя, какъ сюзерена.—Тексты, содержащіе свѣдѣнія объ этихъ событіяхъ, изданы В. Бартольдомъ въ его „Туркестанѣ", т. I. Срв. и т. II, 263, гдѣ они систематизированы.

Два его слѣдующихъ преемника, изъ рабовъ-тюрковъ, тоже ни въ чемъ не измѣнили положенія дѣлъ, пока наконецъ (977) власть въ Газнѣ не досталась зятю Алпъ-тегина, опять-таки изъ купленныхъ тюркскихъ рабовъ, женатому на дочери покойнаго и имѣвшему отъ нея сына-Махмуда. Этотъ тюркъ, отецъ Махмуда, назывался Себоктегинъ (977-997) [1].

Себоктегинъ, 977-997. Расширеніе газнинскаго эмирства въ область афганцевъ и индусовъ.

Себоктегинъ былъ купленъ Алптегиномъ еще тогда, когда тотъ былъ воеводою въ Хорасанѣ. Родомъ Себоктегинъ—тюркъ-язычникъ [2], самого простого происхожденія [3]. Захваченный въ Туркестанѣ не то враждебнымъ сосѣднимъ тюркскимъ же племенемъ, не то саманидскими любителями «повоевать за вѣру», т. е. совершить грабительскій набѣгъ на языческую территорію, онъ вмѣстѣ съ партіей другихъ плѣнныхъ попалъ къ купцу-работорговцу. Тотъ пригналъ гуртъ своего живого товара въ Хорасанъ. Въ Нишапурѣ воевода Алптегинъ купилъ этого молодого раба, своего соплеменника, въ свою собственность и зачислилъ въ свою голямскую гвардію (причемъ, конечно, голямъ долженъ былъ сдѣлаться мусульманиномъ). Еще раньше, чѣмъ саманидская опала постигла воеводу-Алптегина, голямъ-Себоктегинъ успѣлъ заслужить у своего господина довѣріе [4].

---

[1]) Выставлено соображеніе, кажется, по догадкѣ Т. Нёльдеке (въ письмѣ къ В. Бартольду, см. „Туркестанъ“ II, 273), что это тюркское имя „Себоктегинъ“ можетъ состоять изъ сю (=войско) и бег-тегін (=князь). Такое толкованіе идетъ, конечно, въ разрѣзъ съ обыкновенной этимологіей, согласно которой въ первой половинѣ имени заключается слово себок (=быстрый, легкій, расторопный) Судя по разсказамъ Бейһекыя (напр. 201 теһр. изд.), Себоктегинъ носилъ такое имя раньше своего возвышенія.

[2]) „Богъ, своимъ изволеніемъ, возвелъ эмира Себоктегина изъ степени гяурства („кофр“) на степень вѣры“, говоритъ вполнѣ надежный свидѣтель Бейһекый (теһр. изд. стр. 93=калькутт. 107), членъ придворнаго газневидскаго круга.

[3]) Срв. у Бейһекыя, теһр. изд. стр. 91 и слѣд.; стр. 199. Никакой достовѣрности не имѣютъ позднія легенды о якобы царственныхъ (да еще сасанидскихъ!) предкахъ тюрка-Себоктегина,—напр. у Фериште XVII в., почерпнувшаго изъ Джозджанія XIII в. (см. Wilken: „Hist. Gasn.“ 1832, стр 141), и у мн. др.

[4]) Наиболѣе достовѣрныя и притомъ характерныя свѣдѣнія о молодыхъ годахъ Себоктегина даны у газневидскаго историка Бейһекыя, теһр изд. стр. 197 и слѣд. (=калькутт. 235 и сл.; въ „Образцахъ“ Абд Гаффарова I, 130-133). Еще см. негазневидскую „Сіясет-наме“ XI в., стр. 96 сл. (=франц. перев. 140 сл.), переизд. въ „Образцахъ“ Абд. Гаффарова I, 167 сл.; но тамъ сообщаемыя свѣдѣнія надо принимать, конечно, съ большей осмотрительностью.

Нѣкоторое представленіе о духовномъ обликѣ Себоктегина въ періодъ его голямства, или правильнѣе—о томъ обликѣ, какой впослѣдствіи представлялся его газневидскимъ приближеннымъ, дается намъ разсказомъ Бейһекыя.

—«Былъ со мною замѣчательный случай»,—повѣствовалъ впослѣдствіи Себоктегинъ одному приближенному старому вельможѣ, отъ котораго свѣдѣніе объ этомъ случаѣ дошло до Бейһекыя черезъ лицо «удивительно честное и заслуживавшее самого полнаго довѣрія» [1]:—«Выѣхалъ я за городъ поохотиться. Попадается дикая коза съ дѣтенышемъ. Мать я вспугнулъ, и она скрылась, а дѣтеныша удалось поймать живымъ; я его помѣстилъ на сѣдло [2]) и повезъ. Вотъ день склонился уже къ вечеру. Я ѣду,—вдругъ слышу за собою жалобный крикъ. Оказывается, старая коза бѣжитъ по моимъ слѣдамъ и неутѣшно кричитъ.—Постой-ка, поймаю я и тебя!—подумалъ я; скорѣе сѣлъ на коня и въ догонку за нею. Она, какъ вѣтеръ, умчалась. Я поѣхалъ назадъ,—и опять слышу ея печальный крикъ, и—опять мнѣ та же неудача съ погонею. И еще два-три раза повторилось то же, пока я не доѣхалъ до города. Слышу, старая коза и тутъ съ тоскливымъ крикомъ слѣдуетъ за мною! Сердце у меня сжалось отъ ея материнскаго горя,—отъѣхалъ я назадъ въ чистое поле, выпустилъ я козленка, и онъ съ матерью побѣжали въ пустыню; а я только поздней ночью могъ вернуться домой, въ висáкъ (палатку). Весь ячмень былъ уже съѣденъ, и мой истомленный конь остался на ночь некормленный. Я заснулъ въ палаткѣ, съ грустной думой про бѣднаго голоднаго коня, и вижу сонъ. Является мнѣ старецъ и говоритъ: «Себоктегинъ! въ награду за то, что ты пожалѣлъ дикую козу и выпустилъ ея дѣтеныша и оставилъ коня некормленнымъ, мы даруемъ тебѣ и твоему потомству нѣкій городъ, по имени Газну. А я—посланникъ Творца». Я проснулся, съ вѣрою въ непреложность Божіихъ словъ [3]).—

Въ этомъ вѣщемъ снѣ подробность, содержащая точное предсказаніе о «нѣкомъ городѣ Газнá», вставлена, разумѣется,

---

[1]) Аттестація эта, сама по себѣ, конечно, не гарантируетъ точности сообщенія.—„Въ благочестивыхъ разсказахъ люди любятъ приврать!", жалуется уроженецъ того же Нишапура, гдѣ происходило дѣло, именно собиратель мусульманскихъ преданій Мюслимъ Нишапурскій (ум. 875); см. его сборникъ „Сахыхъ", калькутт. изд. 1265=1849, ч. I, 12. Точнѣе его слова (и другія аналогичныя сообщенія) см. у меня въ „Исторіи мусульманства" I (1904), 148.

[2]) Напечатано „би-земін" (стр. 200 теһр. изд.); но, конечно, надо исправить на „бер зін"

[3]) Бейһекый, теһр изд. 200-201; перепеч. въ „Образцахъ" Абд. Гаффарова I, 132-133.

заднимъ числомъ. Вполнѣ возможно, что самъ Себоктегинъ подъ старость набожно вставилъ эту подробность. для вящшей славы Божіей.

Когда со вступленіемъ бухарскаго эмира Мансура I на саманидскій престолъ (961) у Алптегина было отнято Хорасанское воеводство и онъ долженъ былъ бѣжать въ Газну, Себоктегинъ безъ колебаній послѣдовалъ за своимъ опальнымъ господиномъ-соплеменникомъ. Въ Газнѣ онъ окончательно выдвинулся, тѣмъ болѣе, что Алптегинъ далъ ему въ жены свою дочь. Правда, когда тесть, черезъ годъ послѣ прибытія въ Газну умеръ, наслѣдовалъ ему не зять, а сынъ (что впрочемъ естественно), а потóмъ другіе рабы. Но въ концѣ концовъ, въ 977 году, т. е. уже черезъ 15 лѣтъ послѣ основанія Газневидскаго княжества, Себоктегину удалось свергнуть того раба (Пири), который былъ третьимъ преемникомъ Алпъ-тегина,—и княземъ Газны былъ провозглашенъ онъ (977-997).

Какъ и его предшественники, Себоктегинъ признавалъ себя в а с с а л о м ъ с а м а н и д о в ъ, чеканилъ на монетахъ сверхъ своего имени имя саманидскаго государя и поминалъ его имя въ мечетяхъ на ектеніи (хутбѣ).

Событія показали, что власть въ Газнѣ попала въ талантливыя руки. Себоктегину понемногу удалось раздвинуть предѣлы Газнинскаго княжества и на юго-западъ—въ область Систана и Белучистана [1]), и на юго-востокъ—въ глубь области афганцевъ, платившихъ дань Лаһорскому раджѣ, а оттуда—и въ область самого раджи, т. е. въ сѣверныя окраины И н д і и; въ Пешаверѣ онъ оставилъ намѣстника.

Набѣги на Индію сулили солдатамъ добычу, и Себоктегинъ нашелъ сочувственную помощь какъ въ афганцахъ, этихъ природныхъ разбойникахъ, такъ и въ новоприбывавшихъ отрядахъ тюрковъ. Да и мѣстные хищные афгано-индійскіе тюрки охотно примкнули къ своему вторгшемуся соплеменнику [2]). Отмѣтимъ, что, хотя Себоктегинъ давно ужъ былъ про-

---

[1]) Въ Систанѣ—г. Бостъ; въ нын. Белучистанѣ—г. Косдаръ (это ужъ не очень далеко отъ низовьевъ р. Инда).

[2]) Дѣло въ томъ, что одно тюркское племя, хильджъ, успѣло забрести въ мѣстность къ ю. отъ Кабула къ Кандаһару, между Систаномъ и Лаһорской Индіей, задолго до Себоктегина и раскинулось здѣсь кочевьями. Истахри въ X в. (изд. де-Гуе, стр. 245) даетъ о хильджахъ свѣдѣнія какъ о чистѣйшихъ тюркахъ, совершенно еще не афганизовавшихся Когда сюда явился Себоктегинъ, хильджи пла-

свѣщенъ истиной ислама, но, грабя Индію, онъ повидимому оставлялъ въ покоѣ религіозныя убѣжденія индійцевъ и ихъ храмы: того святого мусульманскаго пыла, которымъ впослѣдствіи прославился на этотъ счетъ его сынъ Махмудъ, Себоктегинъ не имѣлъ [1]).

Смуты у саманидовъ, 994, и вмѣшательство Себоктегина. Присоединеніе Хорасанскаго воеводства къ его областямъ.

Округляя предѣлы своего газнинскаго княжества, Себоктегинъ на монетахъ и въ хутбахъ не забывалъ своимъ сюзереномъ признавать бухарскаго эмира-саманида Нýха II ибнъ-Мансýра (976-997) [2]).

Прошло 17 лѣтъ княженія Себоктегина,—и наступилъ моментъ, когда бухарскому эмиру понадобилась реальная помощь своего газневидскаго номинальнаго вассала (994). Столица-Бухара только что испытала разорительное нашествіе тюрковъ съ сѣвера, вездѣ въ Мавераннаһрѣ шла внутренняя смута, а въ Хорасанѣ съ Мервомъ два могущественныхъ вассала вступили въ союзъ и подняли возстаніе противъ эмира.

Саманидское правительство, для усмиренія двухъ этихъ мятежныхъ вассаловъ, себѣ на помощь призвало третьяго—Себоктегина.

Тотъ со своими храбрыми турками и афганцами охотно явился и повелъ успѣшно дѣйствія. Гдѣ недостаточна была открытая храбрость, тамъ онъ умѣлъ дѣйствовать коварною хитростью [3]). Въ результатѣ ока-

тили данъ Лаһорскому раджѣ, такъ же какъ и мѣстные афганцы. Примкнувши къ войску Себоктегина, они оказали ему существенную помощь противъ индійцевъ и усердно помогали ихъ грабить. По словамъ ʻОтбія (срв. въ Notices et extraits, т. IV, стр. 334-335) хильджи и афганцы обязались, въ случаѣ нужды, выставлять Себоктегину 100.000 всадниковъ на войну.—Впослѣдствіи, съ теченіемъ времени, хильджи совершенно афганизовались, и теперь они по языку чистѣйшіе афганцы. Называются они теперь гальджаями (со звукомъ г вм. х) или гильзаями,—что вполнѣ въ духѣ афганской фонетики. См. введеніе Дж. Дармстетера къ его Chants populaires des Afghans (Пар. 1888-1890), § 122 и § 119; Бартольдъ: „Ист.-геогр. обзоръ Ирана“ [1903], стр. 49.

1] A. Dozy: Essai sur l'histoire de l'islamisme, Лейд. 1879, стр. 383.

2] Годы царствованія этого эмира Нуха II ибнъ-Мансура [976-997] всецѣло совпадаютъ съ Себоктегиновыми [977-997].—Это тотъ эмиръ Нухъ, который поручилъ рано погибшему поэту-зороастрійцу Дакыкыю обработать „Шаһ-намé“,—задача, блестяще затѣмъ исполненная другимъ саманидскимъ подданнымъ—Фирдовсіемъ.

3] Гярдизій, напр., передаетъ: Себоктегинъ, зная, что въ его присутствіи находится шпіонъ союзниковъ, нарочно наговорилъ разныхъ вещей о якобы предполагаемыхъ измѣнахъ въ ихъ лагерѣ,—послѣ чего союзники перестали довѣрять другъ другу. См. у В. Бартольда: „Туркестанъ“, [1900], 274.

залось, что непокорные вассалы бухарскаго эмира побѣждены, и въ награду эмиръ предоставилъ усмиренное Хорасанское воеводство въ намѣстническое управленіе газневидамъ, именно сыну Себоктегина Махмуду; а какъ извѣстно, хорасанскій воевода былъ въ саманидской державѣ очень независимымъ отъ центральнаго бухарскаго правительства.

Юноша Махмудъ остался править въ Хорасанѣ. Отецъ вернулся княжить въ свою Газну.

Теперь, когда предѣлы газневидскихъ областей простирались отъ границъ сѣв. Индіи до зап. границъ Хорасана включительно, газневидскій государь-вассалъ оказывался могущественнѣе, чѣмъ его саманидскій государь-сюзеренъ, и тотъ не разъ долженъ былъ считаться съ настроеніемъ Себоктегина даже въ дѣлахъ внутренняго бухарскаго управленія. Типично, что даже въ такомъ субъективно-щекотливомъ пунктѣ, какъ выборъ себѣ новаго везиря, эмиръ Нухъ II не захотѣлъ предпринимать рѣшительнаго шага безъ соглашенія съ Себоктегиномъ [1]). Подобное ненормальное отношеніе сюзерена и вассала могло не приводить къ катастрофѣ лишь до тѣхъ поръ, пока государемъ и вассаломъ были пожилые, опытные и осмотрительные люди, Нухъ II въ Бухарѣ и Себоктегинъ въ Газнѣ. Въ 977-мъ году оба они одинъ вскорѣ послѣ другого умерли. Ихъ мѣсто заняли молодые повелители, не желавшіе излишне дипломатничать: легкомысленный эмиръ-саманидъ Мансуръ II въ Бухарѣ (997-999) и неспокойный честолюбецъ Махмудъ Газневидъ въ Газнѣ (998-1030).

Столкновеніе дѣлалось неизбѣжнымъ.

У Бейһекыя XI в. мы находимъ очень характерный разсказъ, относящійся къ этому моменту [2]).

---

[1]] См. у В. Бартольда: „Туркестанъ", II, [1900], 277 [по Отбію XI в. и передѣлкѣ XII вѣка „Исторіи Бухары" Нершахія саманидскаго]

[2]] В. Бартольдъ въ „Туркестанѣ" [1900], стр. 277-278, больше держится версіи Отбія [тоже XI в.], которая подробно останавливается на политическихъ тогдашнихъ мелочахъ [по печатн. каир. изд. 1290=1873 на поляхъ ибнъ-аль-Асира см. конецъ X тома]; но въ культурно-бытовомъ отношеніи для насъ интереснѣе версія Бейһекыя. См. по теһран. изд. стр. 363-366 [=по калькутт. 442-445]; въ „Образцахъ" Абд. Гаффарова I, 134-136.

Тотъ саманидскій везирь (онъ назывался аль-Баргашій), который былъ назначенъ съ согласія Себоктегина, понималъ политику лучше, чѣмъ кто иной. Онъ очень охотно велъ саманидское везирство, пока были живы старики, причемъ за это недолгое время успѣлъ и свои дѣла обдѣлать (купилъ очень хорошее имѣніе), но когда на бухарскомъ и газнинскомъ престолѣ оказались пылкіе молодые люди, везирь сталъ задумываться: какъ бы уйти по добру-по здорову.

Но какъ уйти? Просто пойти и объявить эмиру о своемъ отказѣ отъ службы?—въ такомъ случаѣ завистники (а какой же везирь не имѣетъ ихъ?) дадутъ эмиру благой совѣтъ: конфисковать, согласно обычаю, имѣніе, которое везирь стяжалъ едва ли отъ трудовъ праведныхъ. Оставаться же на везирствѣ и ждать пока придетъ государственная катастрофа со стороны Газны—это еще рискованнѣе.

И умный саманидскій везирь надумался.

Наступили въ Бухарѣ морозы съ гололедицей. Везирь аль-Баргашій поѣхалъ верхомъ на конѣ, поскользнулся, упалъ съ коня, вскрикнулъ—и лишился чувствъ. Его внесли въ домъ. Подкупленный врачъ констатировалъ переломъ ноги и постоянно сообщалъ эмиру объ ухудшеніи въ ходѣ болѣзни. Пришлось молодому эмиру взять себѣ другого везиря, а этого уволить въ отставку и пустить на покой, для поправки здоровья, въ его помѣстье.

«Больной» отставленный визирь не счелъ нужнымъ долго поправляться въ своихъ благопріобрѣтенныхъ деревняхъ, постарался поскорѣе ихъ продать и—по юмористическому выраженію Бейһекыя: «бá дилі шáд о пáі дорост»=«съ радостнымъ сердцемъ и здоровою ногою»—переѣхалъ жить въ Хорасанское воеводство, въ Нишапуръ, гдѣ и зажилъ при Газневидахъ припѣваючи. Бейһекый прибавляетъ, что любо-дорого было посмотрѣть, какъ этотъ почтенный человѣкъ и въ глубокой старости, съ волосами бѣлыми что твоя камфора, молодецки гарцовалъ на конѣ.

А тѣмъ временемъ воинственный сынъ Себоктегина, знаменитый Махмудъ Газневидскій, явился творцомъ новыхъ судебъ востока.

Махмудъ Газневидскій

998-1030 (род. 971).

Водворившись на отцовскомъ престолѣ, Махмудъ вскорѣ же обнаружилъ самую живую воинственную дѣятельность.

Дѣятельность эта (въ значительной степени уже намѣченная и хорошо подготовленная всѣмъ ходомъ предыдущаго княженія, т. е. Себоктегинова) естественно развивалась по тремъ направленіямъ: на сѣверъ, на юго-востокъ и на западъ отъ Газны.

Напомнимъ же, какія страны лежали въ этихъ трехъ направленіяхъ; какая была ихъ политическая географія?

Во первыхъ страна. на сѣверъ отъ Газны. Здѣсь простиралось обширное, но ослабѣвшее государство Саманидское. Рѣкою Аму-Дарьéю (Оксусомъ) оно разграничивалось на Лѣвобережье и Правобережье, или, какъ говорилось по арабски: Мадунаннаhръ=Предрѣчье и Мавераннаhръ=Зарѣчье. Въ Лѣвобережьи главная область была Хорасанское воеводство; а отъ него къ западу выдѣлялись въ политическомъ отношеніи два владѣнія саманидскихъ вассаловъ: княжество Харезмское (нын. Хивá) и княжество Горганское (Зіяридскій Прикаспій). Правобережье (иначе Мавераннаhръ, Трансоксанія)—это была коренная саманидская область, со столицей Бухарóй. Всецѣло преобладающее населеніе здѣсь было тогда, конечно, еще персидское, иранское. А по сѣверной границѣ Правобережья, приблизительно отъ китайскихъ предѣловъ до низовьевъ Сыръ-Дарьи́, раскидывалась область тюрковъ, «туркистáн»=«туреччина».

Во вторыхъ передъ Махмудомъ лежала страна на югѣ и юго-востокѣ отъ Газны. Здѣсь Махмуду всю жизнь пришлось почти безъ перерыва продолжать задачу, завѣщанную отцемъ: распространить газневидскую власть по недоступнымъ горнымъ областямъ афгановъ и вдвинуться въ сѣверъ Индіи—въ Пятирѣчье р. Инда (Пенджабъ) и дальше, въ междурѣчье Ганга и Джумны (Доабъ).

Третья страна. или стрáны, лежавшія къ западу отъ Газны, это было огромное южно- и западно-персидское удѣльное государство шіитовъ Бовейhидовъ (или Буидовъ), куда относилась и халифская столица Багдадъ. Здѣсь Махмуду пришлось воевать только подъ конецъ жизни.

Военныя и дипломатическія дѣйствія и сношенія Махмуда Газневидскаго въ этихъ трехъ странахъ и составляютъ содер-

жаніе всей внѣшней, т. е. политической исторіи его тридцатилѣтняго царствованія. Впослѣдствіи создалась (или вѣрнѣе—была пріурочена къ Махмуду) легенда, что еще во чревѣ матери ему было предзнаменовано сдѣлаться міровымъ завоевателемъ [1]). Излагать его военную исторію, со всѣми ея сложными военными перипетіями, въ видѣ одной живой цѣльной боевой панорамы съ мѣняющейся сценой дѣйствія—мы однако не думаемъ. Мы, просто, порознь разсмотримъ, чего въ концѣ концовъ, въ результатѣ, удалось достигнуть Махмуду въ каждомъ изъ этихъ трехъ направленій или чего не удалось, и что́ при этомъ происходило интереснаго и характернаго въ культурно-бытовомъ отношеніи. Подробности послѣдняго свойства для насъ, пожалуй, даже наиболѣе интересны.

Хронологически придется начать съ сѣвера, съ государства Саманидовъ.

а) МАХМУДЪ И СУДЬБА САМАНИДСКИХЪ ОБЛАСТЕЙ.

Раздѣлъ саманидской державы между тюрками.

При вѣсти о смерти своего отца Себоктегина (997), Махмудъ долженъ былъ покинуть Хорасанъ, гдѣ онъ считался саманидскимъ «воеводою», и поспѣшилъ въ родовую столицу Газну, для борьбы съ претендентомъ-братомъ. А тѣмъ временемъ саманидское правительство не замедлило отдать Хорасанъ другому намѣстнику. Поэтому, какъ только Махмудъ управился съ братомъ и воцарился въ Газнѣ, ему пришлось сейчасъ же вернуться въ Хорасанъ для возстановленія своихъ попранныхъ «воеводскихъ» правъ, т. е. правъ на административное владѣніе землями саманидскаго Лѣвобережья, всѣми землями къ югу отъ Аму-Дарьи.

Махмудъ явился въ Лѣвобережье.

Одновременно встревожилось и Правобережье, коренная область саманидовъ съ ихъ столицей Бухаро́ю. Съ сѣвера, изъ бассейна Сыръ-Дарьи́,

---

[1]) Именно—отецъ Махмуда Себоктегинъ, будто бы, видѣлъ во снѣ, что по серединѣ его дворца показалось молодое деревцо, и постепенно разрослось до того, что его вѣтви и листва покрыли весь домъ. Когда испуганный эмиръ проснулся, ему сообщили, что у его дочери родился сынъ Махмудъ. Сонъ этотъ сообщенъ въ антологіи „Джâми‘ эль-хикâйâт“ Овфія (1228). Оттуда взялъ его Фериште (1606),—см. въ примѣчаніи Вилькена къ переводу Мирхондовой „Historia Gasnevidarum“ (1832, стр 153, примѣч. 12). Эллiотъ (т. II, 269) черпаетъ изъ Джозджанія XIII в. Ясно, что это тотъ же вѣщій сонъ, какой приснился за полторы тысячи лѣтъ передъ тѣмъ мидійскому царю Астіагу о рожденіи Кира отъ его дочери.

хлынули на Бухару́ жившія тамъ тюркскія полчища, подъ предводительствомъ своего князя (илекъ-хана) Насра I, изъ династіи Кара-хановъ [1]).

Къ концу 999 года участь саманидскаго государства была рѣшена. Государемъ Правобережья сдѣлался илекъ Насръ (онъ вступилъ въ г. Бухару́ въ ноябрѣ 999 года), а государемъ Лѣвобережья сдѣлался Махмудъ Газневидскій: къ югу отъ Аму-Дарьи онъ, по выраженію своего историка ʻОтбія, «наслѣдовалъ державу саманидовъ».

Новая политическая карта сейчасъ же получила освященіе отъ духовнаго главы правовѣрныхъ, багдадскаго халифа-аббасида.

Халифомъ былъ въ это время и надолго имъ остался К а́ д и р ъ билля́ҺИ (991-1031; онъ и Махмуда пережилъ).

Подобно нынѣшнему Ватиканскому узнику, халифъ Ка́диръ билля́Һи (=«могу́й о Бозѣ») свѣтской власти не имѣлъ никакой: бовейҺидскіе султаны, еретики-шіиты, все у халифовъ отняли, оставили за ними только первосвященническую власть надъ соннитами и хорошо стерегли «повелителя правовѣрныхъ» въ его багдадскомъ дворцѣ [2]). Однако его номинальное сюзеренное верховенство надъ мусульманскимъ правовѣрнымъ міромъ оставалось въ принципѣ имѣющимъ силу, и право халифа раздавать мусульманскимъ государямъ титулы, инвеституры и т. п. за нимъ сохранялось.

Тѣ тюрки, во главѣ которыхъ стояла династія илекъ-хановъ Караханидовъ, уже лѣтъ 40 тому назадъ приняли исламъ [3]), и еще предшественникъ нынѣшняго илекъ-хана Насра I благочестиво титуловалъ себя на своихъ туркестанскихъ монетахъ: «ЗаҺîр эд-даʻве»=«Опора призыва къ вѣрѣ» [4]). Теперь илекъ-ханъ Насръ I, который смѣнилъ саманидовъ на бухарскомъ престолѣ и захватилъ все ихъ Правобережье, отъ халифа удостоился титула: «На̂çыр аль-ʒaqq»=«Пособникъ истины», и за то онъ-илекъ сталъ именовать себя на бухарскихъ монетахъ кліентомъ («мавля») фиктивнаго повелителя правовѣрныхъ [5]).

---

[1]) Это были тѣ же тюрки, которые со своимъ илекъ-ханомъ ужъ и раньше, в его нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вторгались въ Бухару (см. стр. 75). Тогда ихъ илекомъ былъ предшественникъ Насра, Богра-ханъ (ум. 992). См. у В. Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), 269 и 277 о границахъ владѣній Караханидовъ до 999 года.

[2]) См. въ „Исторіи Персіи“ вып. I (1909), стр. 59.

[3]) См. соображенія В. Бартольда: „Туркестанъ“ (1900), 267. Но обыкновенно первымъ илекъ-ханомъ, принявшимъ мусульманство, считается Сатукъ (ум. 955). Его сынъ—Муса; внукъ—Богра-ханъ (ум. 992); правнукъ—Насръ I (992-1012),

[4]) Богра-ханъ. См. объ этомъ „Туркестанъ“, 269.

[5]) В. Бартольдъ: „Туркестанъ“ 286.

Махмуду, который забралъ саманидское Лѣвобережье, послы правовѣрнаго халифа привезли еще болѣе почетный титулъ: «Десница державы и довѣренный представитель церкви»= «Йемîн эд-довле ве эмîн эль-милле», а кромѣ того привезли султанскій и вѣнецъ и дипломъ на правленіе [1]).

До сихъ поръ, какъ извѣстно, газневиды считались номинальными вассалами саманидовъ, получали отъ нихъ инвеституру не только на Хорасанское воеводство, но и на самую Газну, и употребляли саманидское имя въ мечетныхъ ектеніяхъ (хутбахъ) и на монетахъ. Отнынѣ непосредственнымъ номинальнымъ сюзереномъ газневидскаго султана считается багдадскій халифъ, его имя чеканится на газневидскихъ монетахъ рядомъ съ именемъ султана, его имя возглашается въ мечетяхъ газневидскихъ владѣній на ектеніи (хутбѣ).

Послѣднія усилія саманида Монтасыра (уб. 1005).

Казалось, все кончено съ саманидами.

Нашелся однако послѣдній представитель ихъ династіи, который еще шесть лѣтъ велъ герильерскую войну и съ илекъ-ханомъ и съ Махмудомъ и держалъ въ постоянномъ напряженіи и Трансоксанію и Хорасанъ, потому что безпрестанно появлялся то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ своихъ бывшихъ владѣній.

Этотъ ускользнувшій отъ общаго избіенія династіи князь-саманидъ былъ чрезвычайно бодрый и дѣятельный Абу-Ибраһимъ М о н т а с ы р ъ (999-1005), рыцарь-поэтъ, которому претила бы безмятежная, сибаритская жизнь du roi en éxil, «въ роскошномъ дворцѣ, среди цвѣтныхъ ковровъ, среди садовъ», и который свою психологію выразилъ въ превосходномъ стихотвореніи:

Мнѣ говорятъ: „Почему бы и тебѣ не жить спокойно въ роскошномъ дворцѣ, среди цвѣтныхъ ковровъ?"

Но развѣ можно предпочесть боевому кличу витязей музыку и пѣніе? Можно ли промѣнять топотъ коней на бесѣду среди розоваго цвѣтника?

Пѣнистыя брызги вина и сладость устъ виночерпія—ну, къ чему это? Лучше пусть вражеская кровь брызжетъ пѣною на звенья кольчуги!

---

[1]) Разногласія по поводу времени возникновенія титула „султанъ" см. въ „Мусульманскихъ династіяхъ" Стэнли Лэнъ-Пуля (1899), стр. 243, и въ „Туркестанѣ" В. Бартольда (1900), стр. 285.

Мое застольное мѣсто—на спинѣ коня; лѣсъ поднятыхъ копій—это мой садъ; стрѣлы и лукъ—это мои тюльпаны и лиліи [1]).

Даже 'Отбій, оффиціальный историкъ-панегиристъ того самаго Махмуда Газневидскаго, которому Монтасыръ своею партизанскою войною много причинилъ хлопотъ, не можетъ скрыть своего восторга передъ мужественнымъ послѣднимъ саманидомъ.

Въ 1005 г. Монтасыръ, разбитый окончательно и спасшійся только съ восемью спутниками, попалъ въ темнотѣ въ станъ арабовъ-бедуиновъ, которые жили подъ Мервомъ; бедуины на него накинулись, и онъ погибъ отъ руки ихъ шейха. Съ этихъ поръ оба татарина [2]), раздѣлившіе саманидское наслѣдіе, — и илекъ Насръ, и Махмудъ Газневидскій, — могли вздохнуть спокойно и съ облегченіемъ.

Подчиненіе Махмудомъ Зіяридскаго Прикаспія (1005) и шахства Харезмскаго (ок. 1007; 1017).

Махмуду гибель Монтасыра принесла, кромѣ того, съ собою округленіе сферы его вліянія.

Бывшее вассально-саманидскимъ южно-каспійское З і я р и д с к о е княжество [3]), князь котораго [4]) до сихъ поръ и деньгами и людьми поддерживалъ попытки Монтасыра, теперь—съ гибелью послѣдняго саманида—признало своимъ сюзереномъ Махмуда Газневидскаго.

Да и другое бывшее саманидское вассальное владѣніе Х а р е з м ъ (нын. Хива́) со столицей Кятъ—послѣ нѣкоторыхъ колебаній [5]) послѣдовало примѣру княжества Зіяридскаго и (повидимому ок. 1007 г.) признало надъ собою протекторатъ Махмуда [6]). Харезмшахи вступили съ

---

[1]) Перс. текстъ см. въ „Образцахъ“ Абд. Гаффарова, т. II, (1906), стр. 270; Овфій: „Лоба̂б эль-эльба̂б“ XIII в., изд. Брауна, т. I (1906), стр. 23.

[2]) Предвосхищаемъ терминъ, появившійся только въ монгольскую эпоху.

[3]) Зіяридское княжество состояло изъ Дейлема (нын. Гиляна), Табаристана (нын. Мазендерана) и Горгана, гдѣ была столица. См. „Ист. Персіи“, вып. 1 (1909), стр. 57.

[4]) зіяридъ Кабусъ ибнъ-Вешмгиръ (976-1012), ошибочно обозначенный въ „Мусульм. династіяхъ“ Стэнли Лэнъ-Пуля, какъ братъ Вешмгира, ум. 967 (русск. пер. 1899, стр. 113).

[5]) въ сторону илекъ-хана.

[6]) Я нѣсколько иначе понимаю событія, чѣмъ Бартольдъ („Туркестанъ“ 1900, 289 слѣд.).

домомъ Махмуда и въ династическую связь. Потомъ однако начались разныя дипломатическія осложненія,—и въ концѣ концовъ лѣтъ десять спустя (1017) харезмійская династія была низложена, и Харезмъ былъ включенъ въ составъ газневидской державы прямо какъ намѣстничество [1]).

При взятіи столицы-Кята Махмудъ, какъ отмѣчаетъ 'Отбій, показалъ себя хорошимъ с о н н и т о м ъ: расправляясь съ мятежниками, онъ заодно расправился и съ тѣми людьми, которыхъ подозрѣвалъ въ религіозномъ неправовѣріи. Этотъ благочестивый подвигъ Махмудъ и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ не разъ охотно продѣлывалъ.

Харезмское в о й с к о, закованное въ цѣпи, отведено было Махмудомъ въ Газну. Тамъ оно получило свободу и, вмѣстѣ съ другими солдатами, участвовало въ индійскихъ походахъ Махмуда.

Обогатилась Газна и у ч е н ы м и именами изъ Харезма. Дворъ харезмскаго шаха, просвѣщеннаго мецената, былъ украшенъ присутствіемъ знаменитыхъ тогда ученыхъ: нѣсколькихъ философовъ и врачей (среди которыхъ выдѣлялся ибнъ-Сина= А в и ц е н н а), математиковъ, астронома и историка аль-Б и р у н і я, и другихъ [2]). Незадолго еще до низложенія харезмшахской династіи Махмудъ потребовалъ, чтобы эти знаменитые люди были переправлены въ Газну, къ его двору; научнаго ихъ значенія (кромѣ врачей) онъ, невѣжественный тюркъ, понимать—конечно—не могъ, но изъ тщеславнаго подражанія онъ при своемъ дворѣ тоже желалъ коллекціонировать ученыхъ и литераторовъ съ громкими именами. Авиценна съ другимъ философомъ поспѣшили заблаговременно скрыться, а прочимъ пришлось отправиться въ Газну, и аль-Бируній впослѣдствіи проѣхался съ войскомъ Махмуда въ Индію, которую всесторонне описалъ.

Отношенія Махмуда Газневидскаго къ тюркамъ илекъ-ханамъ (караханидамъ), обладателямъ Бухары.

Естественно возникаетъ вопросъ: А какъ долженъ былъ реагировать на аннексію Харезма другой государь-тюркъ, соучастникъ Махмуда въ

[1]) Намѣстничество надъ Харезмомъ впрочемъ было создано потомственное, съ наслѣдственною властью фамиліи тюрка Алтунташа, одного изъ самыхъ вѣрныхъ слугъ Махмуда, и съ сохраненіемъ титула „харезмшаҺъ“ для намѣстника.

[2]) Имена ихъ перечислены въ соотвѣтствующемъ разсказѣ „ЧеҺáр меqáлé“ Низами-Арузи Самаркандскаго (ок. 1110-1155), № 25 (=перев. Брауна 118-124). И подробности событія приводятся мною по ЧеҺáр-меqáлé. Срв. № 23 (=92-95), № 37 (=125-128).

раздѣлѣ саманидскаго наслѣдія? какъ долженъ былъ реагировать на нее караханидъ и л е к ъ - х а н ъ, обладатель Зарѣчья съ Бухарóю, у котораго, можно сказать изъ-подъ носу, была выхвачена газневидскимъ завоевателемъ область, лежавшая у устья Рѣки (нын. Хивá)? И вообще какія отношенія успѣли передъ этимъ установиться, послѣ низверженія саманидовъ, между обладателемъ Правобережья и обладателемъ Лѣвобережья?

Отношенія между обоими установились сосѣдски-дружныя. Илекъ-ханъ и Махмудъ даже с е м ь я м и п о р о д н и л и с ь, въ первый же годъ послѣ паденія саманидовъ. Съ теченіемъ времени эта родственная связь укрѣплялась заключеніями новыхъ браковъ между домомъ караханидовъ и домомъ газневидовъ.

Въ культурно-экономическомъ отношеніи небезынтересенъ разсказъ про обмѣнъ подарковъ между новыми родственниками: газневидами и караханидами. Каждый послалъ другъ другу лучшее, что водилось или ввозилось въ его странѣ. Такъ, Махмудъ послалъ индійскія ювелирныя издѣлія, индійскіе клинки, индійскія благовонія, индійскихъ слоновъ; а со стороны илекъ-хана отправлены были въ Газну тюркскіе рабы и и китайскія рабыни, кони и верблюды, бѣлые соколы, собольи и горностаевые мѣха, мускусъ, рогъ мускусныхъ барановъ-хотý [1]), куски нефрита [2]) и т. п., а также разныя китайскія дорогія издѣлія [3]).

Родственный обмѣнъ подарками обратился и въ ежегодный. Каждый годъ, по сообщенію Бейһекыя, илекъ-ханша посылала въ Газну своему свату Махмуду красиваго туркестанскаго раба и рабыню, а онъ отдаривался нитями жемчуговъ, да драгоцѣнными тканями, между прочимъ византійской парчей [4]).

Юные туркестанскіе рабы («бече») цѣнились не только какъ рабочая сила, но и какъ орудіе противоестественной

[1]) Рогу барановъ-„хоту" приписывались чудодѣйственныя свойства въ физіологическомъ отношеніи, вродѣ тѣхъ, что теперь приписываются рогу оленя-марала (изюбра).

[2]) Нефритъ (иначе—жадъ, жадеитъ)—красивый сѣро-зеленый минералъ.

[3]) Описанія подарковъ, изъ ʻОтбія, перешли и въ позднѣйшія компиляціи, между прочимъ въ однихъ и тѣхъ же словахъ къ Мирхонду и Фериште. См. въ Мирхондовой „Historia Gasnevidarum", Вилькена (1832), стр. 24-25 и 158.

[4]) „dîbâ-i Румі",—см. у Бейһекыя по теһр. изд. 253 (=кальк. изд. 305),—въ разсказѣ о красавцѣ Тогрулѣ.

восточной страсти, которая при дворѣ Махмуда Газневидскаго была въ полномъ ходу [1]). Прославленною страною, которая поставляла мальчиковъ для этого постыднаго порока, былъ именно Туркестанъ. Если кто оттуда привозилъ не мальчика-любимца, а женщину, это казалось даже страннымъ [2]).

Кое-какія столкновенія между государствомъ караханидскимъ и газневидскимъ все же происходили. Лѣтъ пять спустя послѣ заключенія родства между обѣими династіями, произошла между ними даже двухлѣтняя война (1006-1008), именно въ первый же годъ послѣ того, какъ гибель саманидскаго князя-изгоя, герильеро-Монтасыра, позволила и илекъ-хану и Махмуду почувствовать себя окончательно обезопашенными отъ послѣдняго призрака саманидовъ. Зачинщикомъ войны между Правобережьемъ и Лѣвобережьемъ явился не султанъ Махмудъ, а илекъ-ханъ Насръ [3]).

Илекъ-ханъ, пользуясь походомъ своего зятя Махмуда на Индію въ 1006 г., задумалъ отнять у него тѣмъ временемъ Хорасанъ. Онъ переправилъ черезъ Аму-Дарью въ Хорасанъ два отряда, которымъ приказалъ занять съ одной стороны Нишапуръ, съ другой стороны Бельхъ, т. е. одинъ западный и одинъ восточный пункты Хорасана [4]). Нишапуръ встрѣтилъ вторгнувшихся враговъ пассивно, а Бельхъ некстати преисполнился газневидскаго патріотизма и рѣшилъ стойко отбиваться противъ войска илекъ-хана; за это тюрки, взявши городъ, безпощадно его разорили.

Наконецъ на помощь своему Хорасану подоспѣлъ султанъ Махмудъ. И оказалось, что правильно поступилъ Нишапуръ, а не Бельхъ;—жителей пострадавшаго Бельха султанъ не только не похвалилъ за патріотизмъ,

---

[1]) Ниже мы будемъ видѣть, что нѣкоторые придворные мальчики-любовники имѣли огромное вліяніе какъ на самого султана Махмуда Газневидскаго, такъ и на всю придворную жизнь.

[2]) Срв. у Биберштейна-Кгзимірскаго: „Menoutchehri" (1886), введеніе, стр. 90-91, по Бейhекыю XI в.

[3]) Основной, общеизвѣстный источникъ разсказа о войнѣ Махмуда съ илекъ-ханомъ 1006-1008 г.—это ‘Отбій, изъ котораго черпаютъ и позднѣйшіе [напр. Мирхондъ: „Hist. Gasn.", изд. Вилькена 1832, стр. 29 слѣд., 161 слѣд.]; но наиболѣе для насъ интересныя подробности—это тѣ, что содержатся у Гярдизія и—эпизодически—у Бейhекыя и Низамольмолька. Всѣ онѣ использованы въ диссертаціи В. Бартольда: „Туркестанъ" [1900], стр. 286-288.

[4]) Бельхъ—старая Бактрія.

но напротивъ—прочиталъ имъ грозную нотацію, которую намъ сохранилъ Бейһекый: «Мердома́н-и ре'ійййет ба́ дженг-кярден чи́ ка́р ба́шед! Подданныхъ ли дѣло—думать о веденіи войны!.... Не диво, что туркестанцы разорили вашъ городъ!.... Но вѣдь они сожгли и Базаръ ашыковъ, а построилъ-то его я! это была моя собственность и давала мнѣ большой доходъ. Слѣдовало бы мнѣ взыскать съ васъ мои убытки, и только на этотъ разъ я васъ прощаю. Глядите однако: впредь такъ не дѣлайте! если какой-нибудь государь, болѣе сильный, чѣмъ вы, потребуетъ отъ васъ дани, а за то пощадитъ васъ, то обязательно надо заплатить ему дань и сохранить себя. Брали бы примѣръ съ нишапурцевъ!» [1]).

Махмудъ повелъ войну противъ вторгнувшагося трансоксанскаго илекъ-хана не при помощи гражданъ Хорасана (которыхъ, какъ видимъ, онъ и принципіально не признавалъ гражданами-патріотами), а при помощи своего профессіональнаго войска, изъ какого вышла и его династія, т. е. рабовъ и наемниковъ, самаго неодинаковаго племенного происхожденія [2]), съ ядромъ впрочемъ тюркскимъ. Въ свою очередь трансоксанскій илекъ-ханъ, чтобы удержать Хорасанъ за собою, пригласилъ противъ Махмуда себѣ на помощь тюрковъ-хотанцевъ, изъ восточнаго Туркестана, съ ихъ княземъ (своимъ родственникомъ) [3]); тюрки эти считались и у бухарцевъ, и у газневидовъ за идеалъ храбрости. Отбій, историкъ Махмуда, выразительно описываетъ наружность прибывшихъ къ илеку союзниковъ: «широ-

---

[1]) Бейһекый, теһр. изд. 556-557 (=кальк. изд. 688). Къ этому эпизоду, иллюстрирующему деспотическія воззрѣнія султана Махмуда на подданныхъ лишь какъ на доставителей денегъ своему государю, а не какъ на патріотовъ-гражданъ, мы еще вернемся, когда коснемся государственнаго строя Махмудовой деспотіи.

[2]) Впослѣдствіи, въ „Сіясет-наме́" сельджукскаго везиря Низамольмолька XI в. мы находимъ не только оправданіе, но прямую идеализацію войска, составленнаго изъ людей разныхъ племенъ, и онъ ссылается именно на побѣдоносный примѣръ Махмуда Газневидскаго. Про это есть въ „Сіясет-наме́" особая глава XXIV: „О необходимости держать войско изъ разныхъ племенъ" (стр 92-93 перс.=135-137 франц.; въ „Образцахъ" Абд. Гаффарова I, 164-165). Одноплеменное войско, по мнѣнію Низамольмолька, не будетъ имѣть соревнованія въ службѣ, да легче будетъ бунтоваться, а при разноплеменномъ составѣ, какъ это было у Махмуда, каждая національность постарается въ битвѣ перещеголять одна другую, чтобы потомъ нельзя было сказать: „Такое-то племя сражалось вяло".

[3]) Это былъ Кад[ы]ръ-ханъ (ум. 1032), будущій повелитель всего восточнаго Туркестана. Мы съ нимъ еще встрѣтимся (стр. 89-94) и притомъ какъ съ другомъ Махмуда.

кія скулы, маленькіе глазки, приплюснутые носы, на лицѣ жидкая растительность, сабли—желѣзныя, одежда—черная».

Съ ихъ помощью мавераннаhрскій илекъ-ханъ далъ рѣшительную битву Махмуду подъ тѣмъ же Бельхомъ (4 янв. 1008 г.).

Побѣдилъ все же не мавераннаhрскій илекъ съ пришлыми хотанцами, а газневидское войско тоже съ преобладающимъ тюркскимъ составомъ, хоть и не хотанскимъ. Истинной причиною побѣды явились тутъ даже, погидимому, не люди, а боевые слоны. Слоновъ было въ газневидскомъ войскѣ 500, и самъ султанъ-Махмудъ сидѣлъ на слонѣ. Когда ихъ выпустили противъ туркестанцевъ, тѣ не выдержали и бѣжали. И война была кончена.

Имѣя случай высоко оцѣнить боевую пригодность слоновъ, Махмудъ и впослѣдствіи все больше и больше набиралъ ихъ въ войско; послѣ его смерти, при его сынѣ Мас‘удѣ, цифра боевыхъ слоновъ оказалась при провѣркѣ въ Кабульскихъ стойлахъ—1670 [1]).

Кстати сказать: слоны примѣнялись Махмудомъ и какъ страшное орудіе казни для политическихъ преступниковъ. У Бейhекыя въ одномъ мѣстѣ разсказывается, какъ три зачинщика возстанія въ Харезмѣ были брошены слонамъ на растоптаніе; потомъ трупы были помѣщены на клыки животныхъ, и ихъ водили всюду по городу, провозглашая, что такъ будетъ всякому убійцѣ своего государя [2]). Въ біографіи Фирдовсія мы будемъ видѣть, что султанъ Махмудъ, узнавши о недовольствѣ творца «Шаh-намé» полученной отъ него наградой, погрозилъ, за оскорбленіе Величества, бросить поэта на казнь слонамъ.—Обычай казнить государственныхъ преступниковъ слонами идетъ, конечно, отъ сасанидскихъ временъ. Срв. преданіе о казни послѣдняго хирскаго царя Но‘мáна (ок. 602 г.) шахомъ Хосровомъ II Первизомъ.

Закончившаяся этою битвою 1008 г. подъ Бельхомъ менѣе чѣмъ двухлѣтняя война между зятемъ-газневидомъ и зарѣчнымъ тестемъ-илекомъ—по своимъ политическимъ результатамъ, въ смыслѣ территоріальныхъ пріобрѣтеній, почти не имѣла значенія. Граница владѣній газневидскихъ и караханидскихъ осталась обычная, естественная, т. е. Аму-Дарья, а Махмудъ выговорилъ себѣ, правда, небольшую территорію

---

[1]) Бейhекый, теhран. изд., стр. 285.

[2]) У него же, теhр. изд. 677 [=калькутт. изд. 851].

еще и на Правобережьи, именно небольшой уголъ Правобережья у верховьевъ Аму-Дарьи, противъ Бельха, топографически очень связанный съ Бельхомъ (старой Бактріей) [1]); но все прочее осталось по старому.

Война однако была важна тѣмъ, что у зарѣчнаго илекъ-хана впредь отпала охота нападать на газневидскую область, на Лѣвобережье, и между обѣими этими породнившимися сильными тюркскими династіями наступилъ очень сносный modus vivendi, даже дружба. Поэтому и аннексію Харезма (Хивы) Махмудомъ караханиды стерпѣли, безъ протестовъ. Илекъ-ханъ, владѣтель Зарѣчья, отнесся къ этому факту пассивно, и изъ вѣжливости послалъ газневиду даже поздравленіе съ новымъ пріобрѣтеніемъ.

Междоусобія среди караханидовъ Туркестана бухарскаго и кашгарскаго. Отношенія Махмуда Газневидскаго къ обоимъ.

А впрочемъ и трудновато дѣлалось караханидамъ протестовать, потому-что въ ихъ средѣ начались обычныя у тюрковъ удѣльныя разногласія и междоусобія, и обнаружилось политическое распаденіе Туркестана на западный (бухарскій) [2]) и восточный (хотанско-кашгарскій), причемъ и въ одномъ и въ другомъ былъ рядъ своихъ удѣловъ. Въ своихъ неладахъ караханиды не разъ обращались посольствами за посредничествомъ къ Махмуду, своему могущественному сосѣду, соплеменнику и свойственнику; а свойственная связь между домомъ караханидскимъ и газневидскимъ укрѣплялась, какъ было выше отмѣчено (стр. 84), заключеніемъ еще новыхъ браковъ.

Политическія симпатіи Махмуда Газневидскаго всегда больше склонялись въ сторону Туркестана восточнаго (кашгарскаго), чѣмъ въ сторону Туркестана западнаго (илекскаго, бухарскаго). Въ 1025 г. произошли изъ-за этого даже такія осложненія, которыя заставили Махмуда предпринять военную экспедицію въ Правобережье и лично переправиться съ войскомъ черезъ Аму-Дарью.

---

[1]] Срв. у В. Бартольда: „Туркестанъ“ [1900], стр. 301 и 292 [на основаніи Бейһекыя].

[2]] У перваго завоевателя Мавераннаһра, илекъ-хана Насра I [ум. 1012], столицей была не Бухара [тамъ былъ поставленъ просто намѣстникъ], а родной его Узкендъ въ Ферганѣ, въ верхнемъ бассейнѣ Сыръ-Дарьи. Теперь же центръ политической тяжести зап. Туркестана переходитъ въ Бухару и Самаркандъ, владѣнія Али-Тегина.

Экспедиція Махмуда Газневидскаго 1025 за Аму-Дарью къ Самарканду для совмѣстныхъ дѣйствій съ Кадыръ-ханомъ Кашгарскимъ противъ илека Бухарскаго. Памятное свиданіе съ Кадыръ-ханомъ у Самарканда. Присмиреніе илека бухарскаго.

Бухарскимъ илекъ-ханомъ былъ въ это время Али-тегинъ. А главный караханидъ Туркестана восточнаго былъ Кад[ы]ръ-ханъ Кашгарскій; тамъ въ Кашгарѣ онъ успѣлъ вытѣснить своихъ соперниковъ изъ другихъ городовъ и могъ считаться единодержавнымъ; да и вообще на весь Туркестанъ Кадыръ-ханъ оказывался самимъ сильнымъ. Али-тегинъ, бухарскій илекъ, вздумалъ въ 1025 г. не пропускать, черезъ Правобережье, газневидскихъ пословъ, отправлявшихся въ восточный Туркестанъ, къ кашгарцамъ,—и вотъ тогда-то Махмудъ Газневидскій счелъ нужнымъ лично переправиться съ войскомъ въ Правобережье, чтобы проучить забывшагося Али-тегина. Слишкомъ непоколебимымъ положеніе Али-тегина онъ считать не могъ ужъ и потому, что собственные подданные илекъ-хана перебѣгали въ Газну съ жалобами на крайнія притѣсненія своего государя [1]).

Для переправы войска черезъ Аму-Дарью Махмудъ велѣлъ устроить на рѣкѣ мостъ изъ лодокъ, смыкавшихся одна съ другою цѣпями на крючкахъ [2]),—выдумка, показавшаяся всѣмъ настолько замѣчательной, что ее отмѣтилъ и историкъ (Гярдизій); чтобы лодки отъ тяжести цѣпей не погружались въ воду, къ нимъ были привязаны надутые бурдюки [3]),—

[1]] Такъ передаетъ Гярдизій XI в., см. въ изданіи В. Бартольда въ I ч. „Туркестана“ [1899], стр. 15. Перепечатка въ „Образцахъ“ Абд. Гаффарова, I, 123 и слѣд.

[2]] „Зенджîрhâ-і шетр cáхтенд: нер ве мâде“, т. е. одна лодка заканчивалась цѣпью, имѣющею на концѣ крючекъ („нер“, букв. „самецъ“). а сосѣдная лодка начиналась цѣпью, съ кольцомъ на концѣ [„маде“, букв. „самка“],—и крючекъ съ цѣпи предыдущей лодки вдѣвался въ кольцо цѣпи слѣдующей лодки. Это и называется „зенджîрhâ-і шетр“ [=„сочетавшіяся цѣпи“], а потому издатель извлеченій изъ Гярдизія В. Бартольдъ [въ “Текстахъ“ 1899 при „Туркестанѣ“, стр. 15] напрасно предлагаетъ въ примѣчаніи читать не „шетр“, а „шотор“ [=„верблюдъ“], т. е. понимать: „верблюды самцы и самки“; такая поправка безусловно непріемлема —У Абд. Гаффарова въ „Образцахъ“ [I, 123: 10] предложена догадка: читать „зенджîрhá-і ситебр“ [=„толстыя цѣпи“]. Такое чтеніе допустимо.

[3]] Полагаю, что вмѣсто слова „qaрін“, имѣющагося въ тѣхъ позднихъ спискахъ Гярдизія, которые использованы В. Бартольдомъ, у Гярдизія было написано „qорбет“. По письменному начертанію оба слова легко могутъ быть прочитаны одно вмѣсто другого.

способъ, донынѣ практикующійся на востокѣ при рѣчныхъ переправахъ, извѣстный отъ клинописной древности [1]). Одновременно съ Махмудомъ отправился на Правобережье изъ вост. Туркестана, для совмѣстныхъ дѣйствій противъ илекъ-хана, Кадыръ-ханъ Кашгарскій. Пунктомъ встрѣчи союзниковъ оказался на Правобережьи округъ Самаркандскій.

Здѣсь, должно быть гдѣ-то не слишкомъ далеко отъ самого города Самарканда («бер дер-и Семерqенд»=«у воротъ Самарканда», какъ позволяетъ себѣ выразиться Бейhекый) [2]), т. е. чуть ли не на глазахъ илекъ-хана, состоялось торжественное «свиданіе государей», «йекь-дігяр-рá дідáр-кярден-и» Махмуда Газневидскаго и Кадыръ-хана Кашгарскаго. Несомнѣнно, что это «свиданіе государей» имѣло рѣшительное вліяніе на складъ внутреннихъ туркестанскихъ политическихъ соотношеній (очень запутанныхъ, въ силу усобицъ) и на дальнѣйшій характеръ внѣшнихъ отношеній между Туркестаномъ и Газневидскимъ Махмудовымъ государствомъ. По крайней мѣрѣ, авторы XI в., особенно присяжный дипломатъ Бейhекый, очень часто упоминаютъ о немъ, объ этомъ «йекь-дігяр-рá дідáр-кярден». Другой газневидецъ Гярдизій оставилъ намъ довольно подробное описаніе обстановочныхъ подробностей встрѣчи [3]).

Подробности, приводимыя Гярдизіемъ, заслуживаютъ нашего вниманія, потому-что довольно живо возстанавливаютъ передъ нами тотъ этикетъ и церемоніалъ, который тогда соблюдался въ придворномъ быту при встрѣчѣ двухъ независимыхъ и равныхъ государей и былъ, конечно, унаслѣдованъ изъ быта саманидскаго [4]). При этомъ Гярдизій, самъ газни-

---

[1]] См. напр. обильные рисунки переправы на мѣхахъ—въ путешествіи гр. А. Бобринскаго: „Горцы верховьевъ Пянджа“ [М. 1908], стр. 1, стр. 4, стр. 46-47, стр. 48. Описаніе этого способа рѣчной переправы см. у него на стр 47-48, съ приложеніемъ ассирійскаго рисунка. Или см. рисунки у З. Рагозиной: „Исторія Халдеи“ [Спб. 1902], стр. 64-66, тоже съ описаніемъ современной переправы [по Тигру].

[2]] См. Бейhекый, теhр. изд. стр. 72 [=кальк. изд. стр. 82],—въ приведенномъ тамъ текстѣ письма къ Кадыръ-хану отъ Махмудова сына Мас'уда при его вступленіи на престолъ [1030].

[3]] Персидскій текстъ этого мѣста Гярдизія изданъ В. Бартольдомъ въ I ч. его „Туркестана“ 1899, тексты, стр. 16-17; [оттуда перепечатано въ „Образцахъ“ Абд. Гаффарова, I, 124-125], а во II части „Туркестана“ [1900] предложенъ буквальный русскій переводъ [стр. 298-300]. Мы, вмѣсто перевода, предлагаемъ изложеніе.

[4]] Какъ видно изъ указанія „Сіясет-наме“ XI в. [см фр. пер 124], вообще образцомъ этикета для Газневида служилъ этикетъ династіи Саманидовъ.

нецъ [1]), повидимому не безъ задней мысли даетъ намъ видѣть контрастъ между обликомъ своего государя-тюрка, повелѣвающаго богатыми культурными странами и вполнѣ вкусившаго ихъ роскоши и пышности, и обликомъ неотесаннаго властелина-тюрка изъ кашгарской глуши, который передъ непривычной культурной пышностью часто становится въ тупикъ и побаивается грѣха.

— Лагери обоихъ государей, съѣхавшихся къ югу отъ Самарканда,—такъ разсказываетъ Гярдизій,—расположились на разстояніи мили (фарсанга) другъ отъ друга. Лагерь Махмуда уже стоялъ раньше, и Кадыръ-ханъ, когда тоже сталъ лагеремъ, послалъ увѣдомленіе султану Махмуду, что вотъ, молъ, онъ пріѣхалъ и желаетъ повидаться [2]).

Первое мѣсто встрѣчи было выбрано нейтральное, между обоими станами, и туда оба государя одновременно отправились верхомъ, каждый въ сопровожденіи небольшой конной свиты; съ Махмудомъ поѣхалъ и его казначей, который везъ съ собою крупный алмазъ, завернутый въ шалевый платокъ [3]). Завидѣвъ другъ друга, оба государя сошли съ коней и обмѣнялись привѣтами. Махмудъ велѣлъ казначею вручить драгоцѣнный камень Кадыръ-хану. Тотъ растерялся, ничего не преподнесъ султану въ отдарокъ, и только когда оба простились и разъѣхались, Махмуда догналъ близкій человѣкъ Кадыръ-хана, попросилъ извиненія и объяснилъ, что у Кадыръ-хана тоже былъ припасенъ для султана драгоцѣнный камень, но онъ въ попыхахъ забылъ о немъ, а теперь посылаетъ и проситъ принять въ даръ.

На слѣдующій день встрѣча состоялась уже въ станѣ Махмуда.

Изъ золототканой парчи былъ построенъ огромный роскошный шатеръ, въ которомъ одно отдѣленіе была парадная столовая, а другое—«меджлис-и тереб»=«палата веселья», т. е. гостинная. Къ Кадыръ-хану былъ посланъ посолъ—просить въ гости, и кашгарскій ханъ пожаловалъ. Султанъ Махмудъ и ханъ пообѣдали вмѣстѣ за однимъ столомъ, а столъ былъ сервированъ какъ нельзя лучше. Пообѣдавши, они перешли

---

[1]] Гярдизъ [или—въ арабизованной формѣ—„Джардизъ", напр. у Бейһекыя] это газневидская крѣпость, къ востоку отъ Газны, на разстояніи дня пути.

[2]) Въ настоящее время обычай визитовъ на востокѣ не такой, какъ на западѣ. Визиты для перваго знакомства дѣлаетъ не тотъ, кто пріѣхалъ; напротивъ, мѣстные жители дѣлаютъ первый визитъ новоприбывшему.

[3]] „Дестáрчé" [=вообще „платокъ"] означаетъ у Гярдизія платокъ такой величины, при которой изъ него можно сдѣлать чалму. Срв. у В. Бартольда въ „Туркестанѣ" [1900, стр. 214, сноска 6] цитату, данную впрочемъ для другой цѣли.

въ гостинную, гдѣ былъ приготовленъ дессертъ и вино,— и кашгарскій гость остановился въ изумленіи: роскошная гостинная изящно была убрана удивительными цвѣтами, тонкими плодами, драгоцѣнными каменьями, гостинными чашами изъ золота и хрусталя и разными рѣдкостями, и все это отражалось въ прекрасныхъ зеркалахъ. Кадыръ-ханъ чувствовалъ себя неловко. Сѣли они, посидѣли, но отъ вина гость отказался: въ Мавераннахрѣ не принято, чтобы владѣтельныя лица пили вино, а въ особенности владѣтельныя лица тюрковъ, съ ихъ набожностью [1]). Нѣкоторое время поиграла для нихъ музыка («сима'»), и наконецъ Кадыръ-ханъ поднялся.

Тогда,—быть можетъ, уже внѣ шатра,—по приказу хозяина начали вносить и вводить подарки, происходящіе изъ странъ, что за горами-за морями.

Наиболѣе замѣчательные презенты были, разумѣется, тѣ, что доставила Индія [2]): индійскія матеріи, индійскія изящно отдѣланныя драгоцѣнности, добрые индійскіе мечи, цѣнить которые умѣлъ еще Пророкъ, усыпанныя жемчугомъ сѣкиры съ девизами [3]), благовонія (алоэ, сѣрая амбра) и т. п., наконецъ—слоны:—Махмудъ велѣлъ привести въ даръ кашгарскому гостю десять слонихъ съ роскошнымъ приборомъ. Изъ произведеній другихъ странъ кашгарскому хану вручены были: разныя диковинки изъ Багдада; кони—вѣроятно, изъ Аравіи; мулы—изъ Берда'а (въ Закавказьи); леопардовыя шкуры—изъ африканской Берберіи; цѣнная ковровая меблировка—изъ ков-

---

[1]] Кадыръ-ханъ много заботился о распространеніи ислама въ своемъ восточномъ Туркестанѣ вмѣсто прежняго язычества. См. ибнъ-аль-Асиръ, изд. Торнберга, т. IX, 211. Тюркъ-Махмудъ тоже былъ добрый мусульманинъ, но, какъ и здѣсь видимъ, былъ уже испорченъ „цивилизаціей" и вино себѣ разрѣшалъ. По его мнѣнію [см. „Сіясет-наме" XI в., стр. 42, фр. пер. 63], пьянствовать дома можно сколько угодно, только не слѣдуетъ въ пьяномъ видѣ показываться на улицу. Если мы повѣримъ панегиристу Махмуда поэту Феррохію [см. общеизвѣстную оду, напр. по перс. хрестоматіи Пицци 1889, стр. 66 : 9-10], то султанъ съ первыми же лучами солнца (!) приказывалъ подать себѣ вина и затѣмъ отправлялся на охоту.

[2]] Срв. вышеприведенный у насъ (стр. 84) перечень подарковъ при обмѣнѣ съ илекъ-ханомъ.

[3]] Въ подлинникѣ: „теберһа-і мо'эллем моверрер", гдѣ я послѣднее непонятное слово читаю „модеррер". Напротивъ, В. Бартольдъ („Туркестанъ" II, 1900, стр. 299) читаетъ послѣднее слово, какъ „моверред" и согласно съ этимъ переводитъ: „розовыя табаристанскія матеріи съ клеймомъ". Если (что возможно) правильна догадка В. Бартольда, а не моя, и рѣчь идетъ о матеріяхъ, то „мо'эллем" слѣдуетъ перевести: „съ выбитыми рисунками", а не „съ клеймомъ".

роваго производства армянскаго [1]), и многое другое. А также—животныя, выдрессированныя для охоты: собаки, соколы, орлы, хватающіе даже дикихъ козъ.

Прощаясь съ Кадыръ-ханомъ и выказывая ему всевозможный почетъ, Махмудъ все просилъ его не прогнѣваться, если не угодилъ.

Вернулся Кадыръ-ханъ въ свой лагерь и, когда внимательно разсмотрѣлъ, что это за дивные подарки получилъ онъ отъ султана, «мотеҙейийр гяшт»=растерялся, и не зналъ, чѣмъ же ему отдариться. Потомъ призвалъ казначея, велѣлъ раскрыть казну и отослалъ Махмуду много денегъ, да отправилъ и то, что водится у нихъ въ Туркестанѣ; съ одной стороны—ввозное изъ Китая: златотканный шелкъ, а съ другой стороны—свое мѣстное: хорошихъ лошадей, молодыхъ тюркскихъ рабовъ съ золотыми поясами и колчанами, соколовъ и кречетовъ, мѣха соболей, бѣлокъ, горностаевъ и чернобурыхъ лисицъ и ласокъ, снадобья изъ порошка рога мускусныхъ барановъ [2]).

И оба государя разстались, довольные и, другъ къ другу, дружелюбно настроенные.

Вскорѣ послѣ того союзники помолвили своихъ дѣтей: сынъ Кадыръ-хана долженъ былъ жениться на дочери Махмуда, а сынъ Махмуда на дочери Кадыръ-хана. Брака этого желалъ самъ Махмудъ, не упускавшій случая лишній разъ родниться съ благородными по отцу и по матери ханами Туркестана [3]).

Типично для Махмуда, что въ такія отношенія онъ вступалъ лишь съ тѣми благородными тюрками, которые были мусульманами, а отъ язычниковъ отказывался. Гярдизій передаетъ, что когда, послѣ похода, къ нему уже въ Газну явились изъ глуши Туркестана послы отъ двухъ хановъ-язычниковъ, чтобы дружественно предложить свои услуги и вступить въ родство, то Махмудъ Газневидскій, хоть и распорядился принять ихъ хорошо, но относительно сватовства

---

[1]) Не надо ли вм. „Эрменѝ“ читать графически-близкое „Измѝр“ (=ковры производства Смирнскаго)?

[2]) Мѣсто въ рукописи испорченное. Я читаю: „едвійетhá ез пист-и дô міш-и хоту“=„снадобья изъ порошка [толченаго рога] двухъ барановъ-хоту“. В. Бартольдъ въ „Туркестанѣ“ (1900, стр. 299-300) переводитъ: „сосуды, т. е. бурдюки, изъ шерсти двухъ барановъ съ рогами хуту“. Но такой переводъ непріемлемъ ужъ по одному тому, что бурдюкъ не можетъ быть изготовленъ изъ шерсти: онъ будетъ просачиваться.

[3]) „кярім эт-терефейн“ — выраженіе Бейhекыя (стр. 212 теhр. изд. = 253 кальк. изд.).

> отвѣтилъ: «Мы — мусульмане, вы — невѣрные; не подобаетъ намъ отдавать за васъ своихъ сестеръ и дочерей. Вотъ если бъ вы сдѣлались мусульманами, дѣло бы у насъ сладилось!» [1]).

Результаты личнаго похода 1025 г. въ Зарѣчье оказались именно такими, какихъ желалъ Махмудъ. Бухарскій илекъ-ханъ получилъ надлежащую проучку и успокоился; съ государемъ восточнаго Туркестана Кадыръ-ханомъ союзъ былъ укрѣпленъ.

Сюзеренныя притязанія Махмуда Газневидскаго на весь Туркестанъ.

Кадыръ-ханъ разсчитывалъ на бóльшее: онъ думалъ, что Махмудъ поможетъ ему сдѣлаться единымъ государемъ всего Туркестана—и восточнаго, и западнаго.

Однако дружественная горячность газневидскаго государя вовсе не заходила настолько далеко, чтобы самому создавать себѣ черезчуръ сильнаго сосѣда: необъединенный Туркестанъ, съ двумя крупными удѣльными правителями, былъ для него желательнѣе. Съ болѣе чѣмъ прозрачной дипломатической тонкостью онъ отвѣтилъ на замыслы восточно-туркестанской династіи, что, къ сожалѣнію, помочь не можетъ: ему некогда,—надо идти священнымъ походомъ въ Индустанъ на главный языческій городъ Сомнатъ; но онъ вполнѣ разсчитываетъ, что, пока онъ закончитъ свое дѣло въ нечестивой Индіи, кашгарская династія и безъ него овладѣетъ цѣлымъ Туркестанскимъ ханствомъ [2]).

Этотъ горькій отвѣтъ пришлось восточнымъ караханидамъ съ конфузомъ («мотевеххиш-гуне») переварить—и остаться въ дружбѣ съ Лѣвобережнымъ повелителемъ.

А Лѣвобережный повелитель, послѣ своего похода на Правобережье въ 1025 г., началъ себя чувствовать до того тѣсно связаннымъ съ этой страной, что ему очевидно стало казаться, не находится ли Туркестанъ, въ сущности, подъ его протекторатомъ [3]). Изъ автори-

---

[1]] Текстъ изд. въ I т. „Туркестана" В. Бартольда (1899, стр 17); срв. т. II, диссертацію (1900), 301.

[2]] Бейһекый, теһр. изд. 536 (=кальк изд. 655).

[3]] Въ анекдотѣ, который приведенъ въ „Сіясет-наме" везиря Низамольмолька XI в. (стр. 132=франц. пер. 193 и 194), Махмудъ заявляетъ и своимъ приближеннымъ и халифу, что мавераннһрскій ханъ—его подданный.

тетнаго свидѣтельства оффиціальнаго дипломата Бейһекыя мы съ достовѣрностью знаемъ, что Махмудъ заключилъ съ духовнымъ главою правовѣрныхъ багдадскимъ халифомъ договоръ, по которому халифъ обязался не переписываться съ туркестанскими ханами (т. е. караханидами), не давать имъ почетныхъ титуловъ и не посылать имъ подарковъ («хил‘эт») иначе какъ черезъ посредство газневидскаго государя [1]). Это ужъ слишкомъ походило на сюзеренныя права.

Нравились ли замашки Махмуда Туркестану, пріятно ли было караханидскимъ властелинамъ, что газневидскій султанъ не стѣсняется считать себя за ихъ сюзерена, а ихъ—за вассаловъ, это очень сомнительно.

Былъ у Махмуда старый и преданный слуга (полководецъ Алтунташъ), который давно ужъ состоялъ намѣстникомъ Харезма,—слѣдовательно, очень хорошо былъ освѣдомленъ о настроеніяхъ караханидскаго Правобережья. Онъ эти настроенія съ мѣткостью характеризовалъ въ письмѣ, посланномъ въ Газну въ годъ смерти Махмуда Газневидскаго: «Бухарскій Али-тегинъ—это змѣя съ оторваннымъ хвостомъ [2]), и никогда своей обиды не забудетъ; а кашгарскій Кадыръ-ханъ—никогда истиннымъ другомъ не будетъ. Ладить же надо и съ тѣмъ и съ другимъ» [3]).

И Махмудъ ладилъ. И караханиды ладили. И сынъ Махмуда, когда газневидскій престолъ перешелъ къ нему, поручалъ своему послу, отправленному съ привѣтомъ къ Кадыръ-хану, напомнить хану, что династія газневидская и караханидская—это въ сущности одна династія» [4]).

Не отъ караханидовъ, бухарскихъ ли, кашгарскихъ ли, надвигалась гроза на газневидскую державу, а отъ захолустной туркменской Сель-

---

[1]) „бî васите-і îн хâндâн". Бейһекый, теһр. изд. 294 (=кальк. изд. 359).

[2]) Намекъ на извѣстную пословицу, влагаемую въ уста змѣи, которой предлагаетъ дружбу крестьянинъ (вар.: бедуинъ): „тâ ме-рâ дом, тôрâ писер йâд-ест"= „Какъ я никогда не забуду [отбитаго тобою] хвоста, такъ ты не забудешь [укушеннаго мною и погибшаго] твоего сына". См. „Древности Восточныя", т. IV (М. 1913), глава о персидскихъ пословицахъ Абд. Гаффарова, стр. 43. Пословица стала международнымъ достояніемъ. Пословицу влагаютъ и въ уста Богдана Хмельницкаго при его переговорахъ съ поляками.—Срв. „Твори Степана Руданського", Львів, 1895, т. I стр. 136-139; М. Грушевський: „Про старі часи на Україні" (Спб. 1907), стр. 109.

[3]) Бейһекый, теһр. изд. 85 (=кальк. изд. 98).

[4]) „Ін хáндáн-һá—йекі-ст"; Бейһ., теһр. изд. 210 (=кальк. изд. 251).

джуковой орды, кочевавшей на низовьяхъ Сыръ-Дарьи и подвластной бухарскому илеку-караханиду. Положимъ, пока былъ живъ султанъ Махмудъ Газневидскій, грозу можно было, развѣ, предчувствовать. Но едва ли кто-нибудь могъ бы предугадать, что еще нѣсколько лѣтъ—и сельджукская орда смететъ владѣнія газневидскія, а затѣмъ подчинитъ и караханидскія.

б) МАХМУДЪ ВЪ АФГАНИСТАНѢ И ИНДІИ.

Одновременно съ этими событіями, совершавшимися въ бывшихъ владѣніяхъ Саманидскихъ, шли у Махмуда Газневидскаго наиболѣе славныя завоеванія его царствованія, именно въ Индіи. Здѣсь онъ продолжалъ дѣло отца своего Себоктегина, который, мы видѣли, уже вторгался въ сѣв. Индію и грабилъ ее.

Предусмотрительное обузданіе горцевъ Афганистана и Гура.

Какъ прежде Себоктегину, такъ теперь Махмуду, для успѣха индійскихъ походовъ требовалось предварительно обезопасить свои отряды со стороны полудикихъ разбойниковъ-горцевъ, занимавшихъ малодоступныя, крутыя области къ востоку отъ Газны, по дорогѣ въ сѣв. Индію, къ рѣкѣ Инду и къ Пенджабу. Это были афганскія племена, называвшія себя «пушту» (или, по другому, болѣе сѣверному, ихъ діалектическому произношенію—«пухту»); центръ ихъ—Солеймановы горы, т. е. хребетъ вдоль области р. Инда [1]); съ болѣе близкими къ Газнѣ имѣлъ дѣло еще отецъ Махмуда Себоктегинъ.

Кромѣ нихъ опасностью тылу не разъ грозили горцы еще менѣе доступной области—Гура (къ западу отъ Газны, къ югу отъ Херата), такіе же разбойники какъ и пушту. По языку гурцы, вѣроятно, доста-

---

[1]) Имя „афганцы", толкуемое какъ „аховый народъ" (отъ персидскаго „фгáн!"=„увы!"), дано пухтамъ ихъ сосѣдями. Разныя преданія о происхожденіи этого имени см. у Дж. Дармстетера въ историческомъ введеніи къ его „Les chants populaires des Afghans" (Пар. 1890), стр. CLIV, сноска. Впервые имя „афганцы" появляется для обозначенія пухтовъ лишь во времена Махмуда Газневидскаго, точнѣе—у его историковъ: Отбія, мимоходомъ Бейһекыя, и аль-Бирунія (у Отбія см. особую главу „Афганцы", по изд. на поляхъ ибнъ-аль-Асира, т. XII, 1290 г. Г., стр. 94 и слѣд.; у аль-Бирунія см. „India", перев. Захау, I, 208). Что касается туземнаго этническаго имени „пухту", то оно въ видѣ „Πάκτυες" встрѣчается еще у Геродота, при разсказѣ объ экспедиціи Дарія къ устью р. Инда (IV, 44).

точно приближались къ пушту, но должно быть рѣчь ихъ успѣла сохранить въ бóльшей неприкосновенности различныя архаичныя черты; жителямъ Газны она была непонятна [1]).

И гурцы, и афганцы-пушту были настолько обезопашены природнымъ положеніемъ своей страны, что даже религію свою старинную сохранили и мусульманами не были. У Махмудова отца Себоктегина, кажется, не было прозелитическихъ стремленій къ навязыванію ислама. Историки вмѣняютъ въ славу Махмуду, что онъ, обуздавши горцевъ, заставилъ ихъ познать также свѣтъ ислама [2]).

Индійскіе походы: въ Пенджабъ, Доабъ. Взятіе Сóмнáта въ Гуджератѣ, 1026. Грабительскій характеръ походовъ и непрочность далекихъ индійскихъ завоеваній.

Что касается самой Индіи, то Махмудъ Газневидскій, спускаясь съ горъ въ долины сѣвернаго Хиндустана, совершилъ 15 или 17 грабительскихъ походовъ въ теченіи 24 лѣтъ (между 1001-1025 г.), т. е. предпринималъ экспедицію на Индію не менѣе чѣмъ разъ въ каждые два года своего царствованія, обыкновенно же—чаще. Дѣлалось это въ перемежку съ его походами въ другія страны: Бухару, Харезмъ, горы Афганскія, горы Гурскія [3]).

---

[1]) По крайней мѣрѣ, газневидскій историкъ Бейһекый, описывая походъ 1020 года, отмѣчаетъ, что газневидскій полководецъ долженъ былъ объясняться съ гурцами черезъ переводчика.

[2]) Большого успѣха апостольство Махмуда во всякомъ случаѣ не имѣло. Даже во времена походовъ Тимура (1370-1405) мы встрѣчаемъ афганцевъ еще въ большинствѣ язычниками.

[3]) Въ „Geschichte der Chalifen“ Г. Вейля т. III (1851), стр. 63-65, походы Махмуда перечислены въ лѣтописной, хронологической ихъ послѣдовательности, отчего чередованіе ихъ по разнымъ странамъ и въ разныхъ направленіяхъ (напр. то въ Индію, то въ Туркестанъ) дѣлается для насъ нагляднѣе. Такъ они излагаются и въ восточныхъ источникахъ. Все главное, что даютъ мусульманскіе историки, какъ близкіе къ газневидской эпохѣ, такъ и позднѣйшіе, переведено по-англійски въ посмертномъ трудѣ Х. Элліота (законченъ Dowson'омъ): The history of India, as told by its own historians. The muhammedan period (Лонд. 1867 и слѣд.). Историки дѣяній Махмуда въ Индіи переведены преимущественно въ томѣ II, 1869 (Отбій XI в., „Джáми' эль-хикáйáт“ Овфія XIII в., ибнъ-аль-Асиръ XIII в.), и дана особая резюмирующая глава: „Mahmud's expeditions to India“ (II, стр. 434-478), гдѣ привлечены выписки изъ болѣе позднихъ компиляцій. Въ IV томѣ (1872) переведенъ Хондемиръ нач. XVI в.

Индія дробилась тогда на много мелкихъ, междоусобныхъ княжествъ, которыя враждовали между собою и не успѣвали вступать въ оборонительный союзъ противъ вторгнувшагося непріятеля; поэтому храбрыя, хищническія войска́ Махмуда Газневидскаго, не разъ прибѣгавшія и къ вѣроломству, легко имѣли надъ индійцами перевѣсъ.

Съ каждой новой экспедиціей районъ Махмудовыхъ дѣйствій въ Индіи расширялся. Начавши (1001, 1006), какъ и его отецъ, съ болѣе близкаго Пенджаба (Пятирѣчья р. Инда), Махмудъ затѣмъ грабилъ города́ по священному Доа́бу (двурѣчью Джумны и Ганга; 1014, 1018, 1023). Въ завершеніе всего онъ въ 1025-1026 г. захватилъ въ быстромъ южномъ нашествіи сквозь Индійскую пустыню Гуджератскій полуостровъ (къ югу отъ устья р. Инда, къ сѣверу отъ Бомбея), съ его священною прибрежною столицею Сôмнâтомъ. Здѣсь находился высокочтимый индусскій истуканъ, эмблема бога Шивы, и именовался эпитетомъ бога: «Сома-Ната» (=«мѣсяцъ-владыка»), въ богатѣйшемъ храмѣ.

По внѣшнему виду идолъ былъ, какъ свидѣтельствуетъ и аль-Бируній и какъ видно изъ описанія, фаллическимъ символомъ плодородія: конусообразный камень, часть ствола котораго скрывалась подъ поломъ, а часть выдавалась наружу, а макушка его была обложена золотомъ и драгоцѣнными камнями.

Несмотря на фанатическое сопротивленіе собравшихся индусовъ, Сома-Ната былъ разрушенъ и ободранъ, храмъ—разграбленъ; стоимость драгоцѣнностей, вывезенныхъ Махмудомъ отсюда, опредѣлялась его историками въ двадцать милліоновъ червонцевъ [1]). Часть идола, какъ трофей, была перевезена въ Газну, гдѣ уже раньше былъ помѣщенъ подобный же трофей: изваяніе Вишну, вывезенное изъ Джумно-Гангскаго Двурѣчья [2]). Поэтъ Эсджедій, сопровождавшій Махмуда Газневидскаго въ его военныхъ походахъ, оставилъ намъ панегирикъ, цвѣтисто воспѣвающій взятіе Сôмнâта.

Раджей Гуджерата сдѣлался ставленникъ султана Махмуда, и чрезвычайно характерны его переговоры съ султаномъ

---

[1]) Ибнъ-аль-Асиръ (ум. 1232), егип. изд. 1290=1873, т. IX, стр. 129,: 11. Въ переводѣ Элліота (Hist. of India, т. II, стр. 471)—два милліона, что, конечно, есть неудачное исправленіе (у Хондемира XVIв.: „Хебîб эс-сійер"—тоже 20 милліоновъ,—срв. Hist. of India, т. IV, 1872, стр. 183).

[2]) Когда въ 1842 году англичане взяли Газну, они, желая привлечь къ себѣ сердца брахмановъ, переслали останки идола обратно изъ Газны въ Сôмнâтъ.

относительно низложеннаго соперника, которому Махмудъ, увезши его въ Газну, обѣщалъ своимъ словомъ—сохранить свободу и жизнь вдали отъ родины. Новый же раджа приготовилъ для низложеннаго противника крохотную тюрьму-клѣть подъ своимъ трономъ, съ отверстіемъ, которое открывалось бы разъ въ день для просовываемой пищи, и просилъ Махмуда переслать къ нему изъ Газны его соперника, чтобы помѣстить въ приготовленную подтронную темницу. Даже безсердечнаго Махмуда, который не стѣснялся истреблять индусовъ въ Индіи десятками тысячъ, непріятно задѣла мысль объ утонченно-мучительной участи, ожидающей человѣка, который уже былъ обнадеженъ его словомъ. Новый раджа успѣлъ однако задобрить изрядною мздою домашнихъ богослововъ султана Махмуда, и тѣ разъяснили повелителю, что совѣсть его можетъ быть спокойна: нечего жалѣть человѣка, чтущаго не одно Божество, а нѣсколькихъ. Махмудъ согласился съ ихъ изувѣрными доводами, и лишь чистая случайность (потеря зрѣнія соперникомъ) избавила несчастнаго индійскаго князя отъ подобной муки и внезапно возвела его на престолъ, а въ подземную тюрьму попалъ самъ строитель ея [1]).

Если изъ одного Сóмнáта вывезена была добыча, оцѣниваемая въ 20 милліоновъ золотыхъ, то общую сумму добычи, награбленной газневидскими войсками изъ Индіи, опредѣляютъ прямо баснословными цифрами. Одинъ султанъ-Махмудъ успѣлъ, за время своихъ индійскихъ походовъ, составить для себя сокровищницу въ 100 ратлей разныхъ драгоцѣнностей (=600 фунтовъ), не считая такихъ диковинокъ, какъ цѣлая палата изъ серебра, вычурной работы. Огромно было и число плѣнниковъ, уведенныхъ изъ Индіи въ рабство. Обогащались этимъ живымъ товаромъ не только султанъ и вожди, но и простые солдаты. На долю отдѣльнаго солдата иногда приходилось,—такъ утверждаютъ придворные исторіографы,—человѣкъ по 200-300 военноплѣнныхъ, и когда газневидское войско шло изъ Индіи домой, то за множествомъ идущихъ невѣрныхъ плѣнниковъ, обреченныхъ въ неволю, даже не видно было правовѣрныхъ воиновъ. Работорговцы поджидали возвращающуюся армію, и лагерь превращался въ невольничій рынокъ; торговцы скупали плѣнниковъ и увозили партіями для перепродажи въ самыхъ далекихъ отъ Индіи и Газны странахъ востока. Отъ избытка плѣнниковъ цѣна за голову была на мѣстѣ очень низка: она колебалась между двумя и десятью

[1]) Вилькенъ: Мирхондова Historia Gasnevidarum, стр. 224. Варіантъ съ отличіями у Хондемира въ „Хебîб ес-сійер“ (англ. пер. въ Эллiотовой „Hist. of India“ т. IV, 1872, стр. 183-186).

дирһемами [1]), и нажиться воителямъ можно было лишь потому, что плѣнниковъ они привозили очень много.

Огромная добыча, вывозимая и выводимая газневидскимъ войскомъ изъ разныхъ мѣстъ Индіи, свидѣтельствуетъ, конечно, что разбойничьи цѣли походовъ Махмуда на Индію достигались очень хорошо. Однако о покореніи, о завоеваніи обширной этой страны—говорить нельзя: походы Махмуда были лишь грабительскими нашествіями, а не государственнымъ завоеваніемъ. Только сосѣднее Пятирѣчье сѣв. Индіи (Пенджабъ) покорено было прочно. Религіей, если не простого населенія, то придворныхъ и правящихъ круговъ сдѣлался здѣсь исламъ. Въ первомъ поколѣніи бывали, правда, случаи отпаденія пенджабской знати отъ ислама, но у дальнѣйшихъ поколѣній религія Мохаммеда укрѣпилась основательно.

Главный историкъ (арабоязычный), изъ котораго мы черпаемъ свѣдѣнія о походахъ Махмуда Газневидскаго [2]), его секретарь ‘Отбій, повидимому не сопровождалъ его въ индійскихъ походахъ и излагалъ эти походы по разсказамъ [3]). Напротивъ, описатель Индіи аль-Бируній (онъ и историкъ, и географъ, и астрономъ), не только лично побывалъ въ Индіи, сопровождая войско Махмуда, но изучилъ также языкъ индусовъ и расширилъ кругъ познаній мусульманской научной литературы.

в) султанъ махмудъ и бовейһиды, 1028-1029.

Регентша ас-Сéййида въ Реѣ и умѣнье ея ладить съ Махмудомъ.

Къ концу своей жизни Махмудъ Газневидскій чувствовалъ себя полнымъ владыкой восточнаго Ирана, держащимъ подъ своей рукою также Среднюю Азію и сѣверо-западную Индію. Естественно было обратить свои завоевательные взоры на Иранъ западный, на еретическое-шіитское государство султановъ-Бовейһидовъ, въ рукахъ у которыхъ былъ и Багдадъ съ главою правовѣрнаго соннитскаго ислама халифомъ.

Бовейһидская область, на которую направилъ теперь (1028) свои захватныя стремленія султанъ Махмудъ, была Мидія съ г. Реемъ

---

[1]) Отбій на поляхъ ибъ-аль-Асира, т. XII, стр. 89 и 88.

[2]) не о всѣхъ, только до 410=1020 года. О взятіи Сóмнáта поэтому у Отбія нѣтъ ничего.

[3]) См. у Элліота: History of India, т. II (1869), стр. 14-15.

(тамъ, гдѣ теперь Теһранъ). Государемъ здѣсь оказался (1028) удѣльный бовейһидъ Меджд-эд-довле, не безъ наклонности къ религіозному вольнодумству [1]), но очень недалекій въ административномъ отношеніи. До сихъ поръ удѣломъ въ теченіи тридцати лѣтъ правила его энергичная, умная мать, извѣстная у историковъ подъ короткимъ прозвищемъ «ас-Се́йийда»= «Государыня»: она не чужда была и научныхъ знаній; знаменитый ибнъ-Сина (Авиценна) пользовался ея покровительствомъ не только какъ искусный врачъ, но и какъ ученый философъ.

Въ теченіи ея долгаго регентства Махмудъ Газневидскій не трогалъ ея владѣній.

По этому поводу передается очень распространенный, общеизвѣстный на востокѣ анекдотъ.

Онъ и она вступили на престолъ почти одновременно: она въ Реѣ—въ качествѣ опекунши своего четырехлѣтняго сынка Меджда (997) послѣ смерти своего мужа Фехреддовле, онъ въ Газнѣ (998)—послѣ смерти своего отца Себоктегина. Махмудъ,—говоритъ анекдотъ,—отправилъ къ ас-Сейийдѣ посла съ требованіемъ подчиненія, взноса дани и отсылки сына заложникомъ въ Газну, иначе грозилъ войною. Умная княгиня-правительница почтила газневидскаго посла и передала черезъ него султану-Махмуду письменный отвѣтъ, гдѣ высказала увѣренность, что могущественный султанъ едва ли рѣшится пойти войною на царство «старой бабы».—Вѣдь мнѣ,—дипломатично поясняла она,—тоже пришлось бы выставить войско, и, если бы мое войско побѣдило, это былъ бы просто неслыханный позоръ для султана. И стихъ гласитъ:

„Кто ничтожнѣе чѣмъ баба, тотъ совсѣмъ не человѣкъ!"

—А если бы побѣдителемъ оказался Махмудъ, то тоже невелика была бы ему честь. Говорили бы: «Побѣдилъ какую-то старую бабу!» И султанъ согласился, что она права [2]).

Трудно судить, насколько этотъ анекдотъ вѣренъ. Но вѣрно то, что до смерти ас-Се́йийды Махмудъ поддерживалъ съ ней мирныя отношенія и не нападалъ на владѣнія ея сына.

---

[1]) Подробности—въ „Сіясет-наме" XI в. (стр. 59 перс.=стр. 91 франц., изд. Шефера).

[2]) Анекдотъ этотъ см. въ „Кабус-наме" XI в., глава 27. Изъ болѣе позднихъ см. у Довлетъ-шаһа XV в.

Отнятіе Рея у Медждеддовли, 1029.

Когда, послѣ смерти регентши ас-Сейййды (1028), поднялись въ Мидіи удѣльныя междоусобія, Мелжд-эд-довле оказался настолько наивенъ, что самъ обратился за военною помощью къ Махмуду Газневидскому.

Грозный воитель явился въ Рей (1029). Но не помощь Медждy рѣшилъ онъ оказать, а велѣлъ представить неостроумнаго бовейһида предъ свои очи и насмѣшливо задалъ вопросъ: «Почитывалъ ли ты Шаһъ-намé и Исторію Тáбарія?» (т. е. знакомъ ли ты со старинно-персидской и халифатской исторіей?).—«Да», смиренно отвѣчалъ Медждеддовле.—«Не похоже. Кто знаетъ исторію, тотъ не поступитъ такъ, какъ ты.... А въ шахматы играешь?»—«Играю».—«Видалъ ли ты когда-нибудь, чтобы на шахматномъ полѣ близко подошелъ король къ королю?»—«Нѣтъ».—«Такъ что же тебя побудило къ нелѣпой мысли отдать самого себя въ руки болѣе сильному, нежели ты?!» [1])....

Меджд былъ лишенъ власти и сосланъ въ Хорасанъ. Изъ вольнодумцевъ, которые жили при его дворѣ въ Реѣ, шіито-исмаилиты были распяты (турецкое соннитство султана-Махмуда не переносило шіизма), а мо'тазилиты-раціоналисты были отправлены въ хорасанскую ссылку вслѣдъ за своимъ низложеннымъ покровителемъ. Книги по мо'тазилизму, философіи и астрономіи были сожжены. Городъ былъ разграбленъ; Рейскій удѣлъ—присоединенъ къ газневидскимъ владѣніямъ какъ намѣстничество; и прихвачена была къ нему болѣе сѣверная область—въ сторону Каспійскаго моря и Азербейджáна, и болѣе южная бовейһидская область—до Испаһана.

г) КОНЧИНА МАХМУДА, ОЦѢНКА ЕГО ЛИЧНОСТИ, ГУБИТЕЛЬНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ СИСТЕМЫ.

Смерть Махмуда, 1030.

Наступалъ и конецъ Махмуда Газневидскаго.

Нѣкоторымъ вельможамъ, хотя султанъ былъ не очень старъ (при взятіи Рея ему было подъ шестьдесятъ), казалось, что тиранъ слишкомъ

[1]) См. у ибнъ-аль-Асира (ум. 1232) егип. изд. 1290=1873, т. IX, стр. 139. То же у армянскаго историка Вартана Великаго (1267); см. работу А. Туманяна: „Сообщенія старинныхъ армянскихъ писателей о Мохаммедѣ и исламѣ"—въ IV томѣ „Древностей Восточныхъ" (М. 1913), стр. 4.

зажился на свѣтѣ. Они обращались къ его сыну Мас'уду, предлагая свергнуть и убить отца. Царевичъ однако отклонилъ предложеніе, находя, что отцеубійство—дѣло непріятное.—«Да къ тому же отецъ старъ, слабъ, боленъ. онъ и такъ скоро умретъ, я и безъ преступленія буду его наслѣдникомъ», добавилъ Мас'удъ услужливымъ вельможамъ, не находя однако, повидимому, ничего особенно-страннаго въ ихъ предложеніи:—«вотъ если послѣ его смерти предъявитъ притязанія мой братъ, тогда—мнѣ присягните и помогите» [1]).

Дѣло обошлось безъ царсубійства. Вернувшись изъ похода на Рейскаго бовейhида, султанъ, «тѣнь Аллаhа на землѣ» [2]), весною 1030-го г. умеръ,—повидимому, отъ страшнаго поноса.

Такъ закончилось блестящее въ военномъ отношеніи царствованіе этого энергичнаго воина, который добился признанія своей власти на огромномъ пространствѣ отъ Каспійскаго моря, Самарканда съ Бухарóю и дальняго Туркестана на сѣверѣ—до Индійскаго океана, Гуджератскаго полуострова и средней Индіи на югѣ; отъ Испаhана на западѣ—до Кашмира, Лаhора и Гангскаго Двурѣчья на востокѣ.

Болѣе тридцати лѣтъ онъ царствовалъ, а въ войнахъ провелъ чуть ли не полсотни лѣтъ. Нисколько не обинуясь, можно эти полсотни лѣтъ его дѣятельности назвать тріумфомъ геніальной военщины. Въ галлереѣ азіатскихъ завоевателей, губителей міра, образъ Газневида занимаетъ не послѣднее мѣсто. Народная иранская память перенесла на него нѣкоторыя легендарныя черты Кира [3]); но скорѣе Махмудъ подходитъ къ Джингизъ-хану, Тимуру, Надиръ-шаху, предтечею которыхъ онъ является.

Малая культурность личности Махмуда Газневидскаго.

Въ культурномъ отношеніи образъ великаго газневидскаго воителя нисколько не можетъ притязать на такую же славу, какую онъ заслужилъ въ отношеніи военномъ.

---

[1]) Бейhекый, теhр. изд. 129.

[2]) Титулъ этотъ, позже ставшій обычнымъ для государей, мы находимъ для Махмуда у его историка 'Отбія.

[3]) См. выше, стр. 79, легенду о рожденіи Махмуда Газневидскаго, взятую изъ Овфія XIII в. и „Габаqāт-и Нāсырі" Джозджāнія XIII в.

Сомнительно даже, очень ли силенъ былъ Махмудъ въ самой простой, элементарной грамотѣ [1]). Конечно, завоевавши значительную часть саманидскихъ владѣній, Махмудъ Газневидскій тѣмъ самымъ завоевалъ и талантливыхъ литераторовъ, развившихся на культурной саманидской почвѣ. Они продолжали творить и подъ газневидскимъ владычествомъ; Фирдовсій, авторъ «Книги царей»—величайшій ихъ представитель. Да только, мы ниже въ очеркѣ исторіи персидской литературы X-XI в. будемъ видѣть, что Махмудъ, грубый и необразованный турокъ-варваръ, не съумѣлъ оцѣнить Фирдовсія. Увидимъ, что не умѣлъ онъ цѣнить и другихъ, кромѣ тѣхъ, которые составляли въ его честь льстивыя оды. Ради тщеславія, могъ онъ собирать при своемъ дворѣ и ученыхъ, и литераторовъ (причемъ третировалъ ихъ, какъ прислугу), но какая-нибудь клоунская шутка, или варварская, некультурная острота доставляли неинтеллигентному вкусу султана-Махмуда гораздо больше радости, чѣмъ художественныя литературныя произведенія.

Вотъ напримѣръ какая своеобразная шуточка вызвала восхищеніе султана, и занесена была въ лѣтопись его дѣяній.

Ѣхалъ опальный его вассалъ изъ Гарчистана [2]), ѣхалъ подъ конвойной стражей, въ столицу Махмуда. Сопровождавшій его охранникъ, пользуясь тѣмъ, что курьеръ долженъ былъ прибыть въ столицу раньше чѣмъ они, попросилъ знатнаго плѣнника черкнуть для него ласковое письмецо къ ненаглядной молодой женѣ, съ увѣдомленіемъ, что, молъ, мужъ скоро пріѣдетъ на побывку. Узникъ вмѣсто того написалъ отъ имени стража: «Негоднѣйшая шлюха, подлѣйшая баба! ты думаешь, твои любовныя шашни не дошли до меня? Ты думаешь, я не знаю, что ты пропиваешь-проѣдаешь мое добро, а на каждую ночь берешь новаго молодца? Но знай, я ѣду домой, и ужъ проучу тебя!!»

Письмо было отправлено впередъ къ женѣ стражника, и перепуганная, ни въ чемъ неповинная женщина сбѣжала изъ дому. Стражникъ, пріѣхавши домой, «нашелъ вмѣсто ожидаемаго розоваго цвѣтника безлюдную пустыню Лотова моря».

Вѣсть объ этой милой шуткѣ дошла до домашняго круга Махмуда, и такъ понравилась просвѣщенному султану-меценату,

---

[1]) Газневидскій историкъ Бейһекый XI в. (теһран. изд. стр. 295) отмѣчаетъ въ качествѣ знаменательнаго факта, что сынъ Махмуда Мас'удъ умѣлъ читать безъ запинки, какъ ни одинъ изъ членовъ газневидской династіи.

[2]) Гарчистанъ—горная мѣстность по верхнему Мургабу между Хератомъ и Мервомъ.

что оказалась занесенной и въ лѣтопись, съ большою подробностью [1]).

Замѣтимъ кромѣ того, что султанъ Махмудъ, какъ это часто бываетъ у восточныхъ деспотовъ, предавался пьянству и искалъ въ немъ развлеченія. Пить онъ начиналъ съ утра [2]), а вечеромъ опять шли попойки. По словамъ Махмуда, вино ему не доставляло въ сущности даже никакого удовольствія, но заглушало гнетущую тоску, которая постоянно сосала его сердце [3]). Газневидскія попойки меньше всего были похожи на какой-нибудь аттическій «симпосій»; грубая, варварская натура малокультурныхъ турковъ проявлялась въ нихъ во всю своеобразную ширь; не литераторы, а шуты-скоморохи лучше всего могли угодить въ такихъ случаяхъ своимъ не-аттическимъ остроуміемъ.

Придворный историкъ Бейһекый оставилъ намъ довольно подробное описаніе одной попойки, происходившей не при самомъ Махмудѣ, а при его сынѣ Мас‘удѣ, который былъ много кутьтурнѣе, чѣмъ отецъ. Можно себѣ представить, насколько грубѣе все выходило у его менѣе культурнаго отца.

Пирующіе рѣшили посмотрѣть, кто кого перепьетъ: кого раньше вынесутъ, кто послѣднимъ свалится. Одинъ изъ вельможъ Абуль-Хасанъ,—описываетъ Бейһекый,—опьянѣлъ даже послѣ пятаго кубка, потерялъ сознаніе послѣ седьмого, рвать началъ на восьмомъ. Но докторъ Абуль-аля—тотъ совсѣмъ былъ готовъ послѣ пятаго. Слуги вынесли и того и другого; оставшіеся продолжали пить. Сіябирузъ съумѣлъ допиться до девятаго кубка, Халиль Даудъ—до десятаго; но пришлось и ихъ вынести и положить на пригоркѣ. Бу-Наймъ выпилъ двѣнадцать кубковъ—и выбѣжалъ. Упалъ пьяный и Даудъ Меймендскій. Музыка и скоморошескія шутки давно прекратились, потому что пѣвцы и шуты валялись пьяные вдрызгъ. Держались только султанъ съ ходжею Абдерреззакомъ. Ходжа, осушивши восемнадцатый кубокъ, попросилъ разрѣшенія удалиться: «а не то», деликатно пояснилъ онъ, «покорный слуга Вашего Величества потеряетъ и свой разсудокъ, и должное

---

1) См. у Отбія XI в. (на поляхъ ибнъ-аль-Асира, 1290=1873), т. XI, стр. 215-216. Съ легкими варіаціями разсказъ повторяется и у болѣе позднихъ составителей сводовъ, напр. у Мирхонда XV в. (въ изданіи Вилькена: „Historia Gasnevidarum“ см. стр. 183-184), или у Фериштé XVII в.

2) Срв. выше, стр. 92, указаніе оды Феррохія.

3) Овфій XIII в.: „Джàми‘ эль-хикàйàт“ въ переводѣ Элліота (Hist. of India, т. II, стр. 190).

почтеніе къ Вашему Величеству». Султанъ расхохотался, разрѣшилъ ходжѣ уйти, и тотъ удалился, съумѣвши соблюсти всѣ формы тонкой вѣжливости.

Султанъ остался одинъ и продолжать наслаждаться виномъ безъ доброй компаніи. Двадцать семь кубковъ выпилъ онъ всего, потомъ поднялся, потребовалъ сосудъ съ водою и молитвенный коврикъ. Омывши лицо, онъ прочиталъ и дневныя молитвы, и вечернія. Держался такъ, словно вина и въ ротъ не бралъ. Потомъ сѣлъ на слона и вернулся во дворецъ.

— Все это я наблюдалъ собственными глазами,—заканчиваетъ Бейћекый, не принимавшій очевидно участія въ непосильномъ для него состязаніи [1]).

Экономическія бѣдствія въ теченіи царствованія Махмуда Газневидскаго.

Въ экономическомъ отношеніи полустолѣтняя воительская энергія Махмуда Газневидскаго была для Азіи эпохою сплошного разоренія. Онъ—предвозвѣстникъ того, что въ XIII вѣкѣ сдѣлали монголы. Куда ни направлялись губительные походы Махмуда, тамъ разорялись, разрушались и сжигались цвѣтущіе города, десятками тысячъ истреблялись жители; оставшіеся въ живыхъ подвергались полному ограбленію. Бродячій анекдотъ о разговорѣ двухъ совъ изъ-за приданнаго, состоящаго изъ руинъ, чаще всего пріурочивается къ имени Махмуда Газневидскаго [2]). Народное хозяйство падало; населеніе нищало; нравы грубѣли. А еще такъ недавно, при Саманидахъ, Персія представляла собою цвѣтущій садъ.

Даже жители столицъ Махмуда (Газны, Бельха, Херата, Нишапура), куда свозились награбленныя сокровища, нисколько не выигрывали отъ походовъ. Въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и самого султана (онъ, кстати сказать, отличался большою жадностью и скупостью) могли, конечно, накопляться

---

[1]) Бейћекый теһран. изд. 659 (=кальк. изд. 825); англ. перев. у Элліота: Hist. of India, т. II (1869), стр. 145-146.

[2]) По анекдоту, родители молодой совы-невѣсты требуютъ отъ родителей совы-жениха, чтобы вѣно за невѣсту состояло изъ пяти разрушенныхъ селъ (излюбленнаго прибѣжища для совъ).—„Зачѣмъ только изъ пяти?“ удивляется старая сова, отецъ жениха: „я и пятьсотъ разоренныхъ селъ могу подарить! Пока живъ султанъ Махмудъ, въ разрушенныхъ селеніяхъ не можетъ быть недостатка“.—Въ началѣ XIX в. анекдотъ этотъ былъ очень популяренъ въ Европѣ, потому что входилъ, какъ матеріалъ для упражненій, въ учебники всякихъ иностранныхъ языковъ, составленные по пресловутой т. н. методѣ Робертсона (предшественницѣ методы Оллендорфа).

богатства. Но простому народу изъ нихъ ничего не доставалось. Напротивъ, такъ какъ для веденія войнъ нужны деньги, а деньги сбирались прежде всего съ ближайшаго подданнаго населенія, оно всегда должно было нести непомѣрную тяжесть налоговъ. Придворный историкъ Махмуда, его панегиристъ Отбій, разсказываетъ, какъ для одного славнаго индійскаго похода понадобилось Махмуду собрать въ два дня необходимую сумму; чтобы исполнить желаніе государя, правительство должно было «содрать шкуру съ плательщиковъ, какъ сдираютъ съ барановъ, и выдавить соки изъ ихъ мяса» [1]). Иногда сдѣлать это было не такъ легко, потому что платить было нечѣмъ,—и тогда прибѣгали къ правежу, къ пыткѣ подозрѣваемыхъ въ утаеніи, ужасную картину чего рисуетъ тотъ же Отбій [2]). Другой газневидскій историкъ Бейhекый, а онъ очень хорошо зналъ всѣ административныя закулисныя пружины газневидскаго государства, дѣлаетъ въ подобномъ случаѣ одну очень характерную отмѣтку. При взыманіи налоговъ, поборовъ, штрафовъ и т. п. лишь самая ничтожная часть попадала въ казну, все остальное расхищали тѣ, чьими руками производилось взысканіе и черезъ чьи руки шло взымаемое, и Бейhекый безнадежно замѣчаетъ: «Такъ ужъ оно водится, да такъ, видно, и останется!» [3]).

Неотрадное экономическое состояніе, въ которое была приведена Махмудомъ страна, съ особенною рельефностью вырисовывается передъ нами въ сообщеніяхъ о нехлѣбородномъ 1011-мъ (=401) годѣ, когда султанъ Махмудъ совершалъ побѣдоносный походъ въ Индію, а у него дома въ Хорасанѣ царилъ голодъ. 'Отбій наивно объясняетъ, что причиною голода явилась неумѣлая финансовая политика великаго везиря, который облагалъ населеніе тяжелыми податями и пошлинами, и оттого «земельные участки были большей частью запущены, искусственное орошеніе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пришло въ упадокъ, въ другихъ—прекратилось совсѣмъ» [4]).

---

[1]) Отбій, каирское изданіе 1290=1873 на поляхъ ибнъ-аль-Асира, т. XII, стр. 13. Это указаніе Отбія (какъ и вообще другія того же рода, приводимыя мною ниже) уже извлечено было изъ Отбія В. Бартольдомъ въ его „Туркестанѣ" (1900, стр. 303); но ссылки В. Бартольда очень неудобны тѣмъ, что дѣлаются не на общедоступное печатное изданіе, а на одну петербургскую рукопись.

[2]) на поляхъ ибнъ-аль-Асира, т. XII, стр. 6-8.

[3]) Бейhекый, теhран. изд. стр 459 (=калькутт. 559).

[4]) Отбій каир. изд. 1290=1873, на поляхъ ибнъ-аль-Асира, т. XII, стр 4-5.

Такъ-какъ разоренный, изголодавшійся народъ не могъ платить податей, то, конечно, вина была приписана везирю; онъ былъ заточенъ и, въ концѣ концовъ, умеръ подъ пыткою, а вмѣсто него везиремъ былъ поставленъ другой, Хасанъ Мейменскій, оказавшійся человѣкомъ, который довольно долго могъ имѣть извѣстное вліяніе на грубаго Махмуда)[1]). Но пока все это производилось, голодъ не переставалъ свирѣпствовать.

Происходили дикія картины[2]).

Въ одномъ Нишапурѣ и его округѣ погибло, по словамъ 'Отбія свыше 100.000 человѣкъ. Съѣдены были собаки и кошки. Были случаи людоѣдства: мать съѣдала ребенка, братъ—брата, мужъ убивалъ жену и поѣдалъ ея мясо, и вообще всякій сколько-нибудь дородный человѣкъ рисковалъ быть съѣденъ голодными бѣдняками; забывалось уваженіе даже къ духовному сану[3]). Самыя строгія кары не могли тутъ ничего подѣлать.

Султанъ-Махмудъ распорядился наконецъ, чтобы бѣднѣйшимъ подданнымъ были выдаваемы отъ правительства деньги, но не догадался или считалъ неудобнымъ воспретить спекуляцію богатыхъ кулаковъ-хлѣботорговцевъ и хлѣбопековъ: тѣ, заблаговременно скупивши зерновой хлѣбъ, соглашались продавать его изъ своихъ большихъ запасовъ или изъ пекарень лишь по неслыханно высокой цѣнѣ. И оказывалось, что въ то время когда одинъ мулла насчиталъ 400 труповъ бѣдняковъ, умершихъ съ голоду въ Нишапурѣ въ теченіи одного дня, пекарь-сосѣдъ сообщилъ ему, что на базарѣ осталось нераспроданныхъ около 400 минъ хлѣба, который былъ напеченъ въ разсчетѣ на продажу въ тотъ же день. Отбій сообщаетъ объ этомъ фактѣ въ тонѣ ханжеской наивности, которая при дворѣ Махмуда вообще очень практиковалась, и ограничивается тѣмъ, что дѣлаетъ отсюда набожное, смиренное заключеніе о неисповѣдимости путей Божьихъ: «Да будетъ же прославенъ Господь,

---

[1]) Отбій, т. XII, стр. 6, и стр. 11. Хасанъ Мейменскій извѣстенъ и какъ покровитель поэтовъ, собравшихся къ газневидскому двору.

[2]) Глава о голодѣ у Отбія по каир. изд. 1290=1873 на поляхъ ибнъ-аль-Асира, т. XI, стр. 192 и сл. (По-персидски она пересказана у Мирхонда XV в; см. по изд. Вилькена: „Hist. Gasnev.", стр. 175 и сл.).

[3]) Чуть-чуть не былъ съѣденъ нищими и одинъ хранитель священныхъ преданій. Вечеромъ, когда онъ шелъ изъ мечети, какой-то оборванецъ накинулъ ему на шею арканъ и спѣшно потянулъ свою добычу, а старуха-нищая, чтобы привести жертву въ безпамятство, начала его бить колѣнами по шулятамъ,—и едва его спасли подвернувшіеся честные люди (Отбій XI в. на поляхъ ибнъ-аль-Асира, т. XI, стр. 193-194).

который осуждаетъ на гибель кого хочетъ, въ то время, какъ пищу достать можно, и она имѣется въ изобиліи» (т. XI, 195).

У другихъ грозныхъ завоевателей-грабителей (напр. у Тимура въ XIV в.) мы иногда встрѣчаемся съ фактомъ, что помощь бѣдному населенію дается возведеніемъ великолѣпныхъ построекъ, при созданіи которыхъ рабочее населеніе получаетъ заработокъ. Махмудъ Газневидскій—на фонѣ разоренныхъ имъ многихъ сотенъ селеній, гдѣ ютились угрюмыя ночныя совы—тоже занимался пышными сооруженіями, напр. построилъ въ Газнѣ дворцы и богатую мечеть, «Невѣсту небеснаго свода», разбилъ роскошнѣйшій садъ въ Бельхѣ. Но у него это дѣлалось такъ, что индійскія драгоцѣнности шли развѣ на украшеніе сооружаемыхъ зданій, и для работы безплатно примѣнялись многочисленные вывезенные плѣнники-рабы [1]), прочая же тягота расходовъ падала на населеніе, а не на казну. Да и къ безплатной работѣ привлекались свои же подданные. По крайней мѣрѣ, относительно Бельха мы имѣемъ опредѣленное сообщеніе Бейһекыя [2]), показывающее, что садъ былъ буквально политъ кровью, пóтомъ и сокомъ нервовъ населенія и высасывалъ ихъ деньги. Бельхскіе жители относились къ султанскому саду со жгучей ненавистью: до того велики были суммы, которыя имъ приходилось ежегодно тратить на эту султанскую игрушку и собирать путемъ раскладки на всѣхъ. Бейһекый дѣлаетъ также характерное сообщеніе, что, когда народу стала повинность не въ моготу и онъ принесъ гуртовую челобитную султану объ избавленіи отъ непосильнаго бремени, султанъ сперва понегодовалъ на неблагородство черни, а потóмъ—перенесъ тяжкую повинность по содержанію сада..... на однихъ евреевъ.

Торжество идеи деспотизма при Махмудѣ Газневидскомъ. Отрицаніе гражданскихъ правъ за подданными.

Свои права и обязанности къ подданнымъ Махмудъ Газневидскій понималъ въ неограниченно-деспотическомъ, рѣзко-

---

[1]) См. у Отбія на поляхъ ибнъ-аль-Асира т. XII, стр. 89-90, въ описаніи Газнинской мечети.

[2]) Та часть труда Бейһекыя XI в., гдѣ онъ говоритъ о бельхскомъ садѣ, затерялась; но она въ XV в. была использована географическимъ сводомъ Хафиз-и Эбру и оттуда издана В. Бартольдомъ въ „Туркестанѣ", ч. I (=тексты, стр. 157-158); русскій переводъ во II части (стр. 304-305).

абсолютистическомъ духѣ, который очень гармонировалъ съ военнымъ направленіемъ всей его дѣятельности; на войнѣ, какъ извѣстно, требуется единство твердой власти и строжайшая дисциплина. По идеѣ Махмуда, его великая заслуга (и, надо полагать, обязанность) состоитъ въ томъ, что онъ защищаетъ подданныхъ отъ нападеній извнѣ и отъ притѣсненій [1]), а за то подданные обязаны платить въ казну деньги и слѣпо, безпрекословно, повиноваться государю, не смѣя имѣть никакихъ самостоятельныхъ политическихъ убѣжденій. Въ послѣднемъ пунктѣ Махмудъ не желалъ дѣлать исключеній даже для своего войска, для своей дружины. Въ письмѣ къ харезм-шаху (1017) Махмудъ писалъ, что не можетъ считаться государемъ тотъ, кому войско или подданные смѣютъ говорить: «Дѣлай это, не дѣлай того» [2]). Отрицая право народа на какія бы то ни было гражданскія чувства и требуя полнѣйшаго неразсужденія и самаго слѣпого повиновенія, Махмудъ съ безпощадной логичностью доходилъ до того, что отрицалъ за народомъ право питать чувства даже патріотическія, потому что и патріотизмъ есть своего рода участіе подданныхъ въ политикѣ, принципіально недопустимое и вредное. Мы (стр. 85-86) уже встрѣчали случай, когда жители Бельха, вздумавшіе сопротивляться нашествію туркестанцевъ и потерпѣвшіе отъ нихъ за свою доблесть разореніе, удостоились отъ Махмуда не похвалы за патріотизмъ, а жестокаго выговора: «Слѣдовало не сопротивляться врагу, а откупиться отъ него, чтобы сохранить податеспособность для своего султана; воевать же—не подданныхъ дѣло».

Нѣкоторыя черты высшей администраціи при Махмудѣ Газневидскомъ. Система шпіонскаго контроля. Составъ придворнаго совѣта по дѣламъ государственнаго управленія. Везирь. Временщики.

При всемъ своемъ стремленіи къ абсолютной неограниченной единоличной власти, Махмудъ Газневидскій, государь слишкомъ пространной, огромной державы, не могъ обходиться безъ помощниковъ въ управленіи.

Сплошь да рядомъ пришлось пользоваться, разумѣется, готовыми саманидскими пріемами.

---

[1]) Срв. его слова къ жителямъ Бельха въ томъ же разсказѣ Бейһекыя о бельхскомъ садѣ.

[2]) Русскій переводъ Махмудова письма см. въ „Туркестанѣ“ В. Бартольда (1900), стр. 291.

Такъ, при назначеніи губернатора назначался и шпіонъ при немъ («мюшриф»), хотя бы должность губернатора поручалась и вполнѣ вѣрному лицу, напр старому полководцу [1]. Родной сынъ-цесаревичъ, получая должность, не былъ изъятъ отъ приставленнаго шпіона-доносчика. Замѣчательныя сцены изъ этой области рисуетъ намъ газневидскій историкъ-придворный Бейhекый, знавшій всю закулисную жизнь двора. Въ Хератъ былъ посланъ для управленія, дѣйствительно, самъ сынъ Махмуда, оффиціально объявленный наслѣдникъ («велі-эhд») Мас'удъ,—и для доносовъ былъ отряженъ при немъ тайный «мюшрифъ» въ лицѣ евнуха-Рейхана, раба, бывшаго у него въ дѣтствѣ дядькою-воспитателемъ [2].

Въ этомъ случаѣ Махмудъ дѣйствовалъ такъ, какъ нѣкогда дѣйствовалъ съ нимъ самимъ его отецъ Себоктегинъ: государь Себоктегинъ шпіонилъ за всѣми поступками своего сына Махмуда, будущаго государя [3],—и теперь Махмудъ по отношенію къ Мас'уду лишь повторилъ династическій пріемъ.

Въ свою очередь царевичъ Мас'удъ имѣлъ, въ канцеляріи султана Махмуда, своихъ собственныхъ «мюшрифовъ»-шпіоновъ, которые держали его въ курсѣ намѣреній его царственнаго отца и посылали увѣдомленія въ Хератъ [4].

Значитъ, въ этомъ царствѣ шпіонства самъ монархъ состоялъ подъ надзоромъ.

Если помощники въ лицѣ губернаторовъ и состоящихъ при нихъ «мюшрифовъ» безусловно необходимы были Махмуду для управленія дальняго, то и въ столицѣ, ради центральнаго высшаго управленія государствомъ, султанъ Махмудъ Газневидскій все равно не въ состояніи былъ дѣйствовать вполнѣ единолично. При всемъ своемъ желаніи быть единоличнымъ самодержцемъ безъ бюрократіи, онъ долженъ былъ однако прибѣгать къ помощи въ 1-хъ, такъ сказать, государственнаго совѣта, во 2-хъ—везиря.

---

[1]) Срв. „Сіясет-намé" везиря Низамольмолька XI в., глава 10-я. Низамольмолькъ идеализируетъ этотъ порядокъ, видя въ немъ залогъ государственнаго контроля, и жалѣетъ, что сельджуки забросили контрольное шпіонство.

[2]) Бейhекый, теhран. изд., стр. 116 и слѣд.

[3]) Срв. введеніе Казимірскаго къ его переводу „Menoutchehri" (Пар. 1886), стр. 135.

[4]) Бейhекый, теhр. изд., стр. 140.

муду въ Газну, что наслѣдникъ очень и очень плохо готовится въ Хератѣ къ будущему правленію государствомъ.

Оказывалось,—такъ доносилъ Рейханъ въ Газну [1])—наслѣдникъ-царевичъ завелъ въ своемъ һератскомъ дворцѣ особую тайную опочивальню, всѣ стѣны которой сплошь, отъ потолка до пола, украшены были порнографическими сценами изъ персидской Ars amandi (т. н. «Альфійй е-шяльфійе»),—книги, трактующей о различныхъ способахъ совокупленія мужчинъ и женщинъ. Всѣ рисунки изъ этой гнусной книги, изображающіе голыхъ людей обоего пола, и объяснительный текстъ къ соблазнительнымъ изображеннымъ сценамъ воспроизведены были на стѣнахъ Мас'удовой тайной опочивальни [2]). Въ этомъ порнографическомъ уютномъ уголкѣ Мас'удъ предавался пьянству и разврату въ веселой компаніи музыкантовъ, плясуновъ и балеринъ, къ чему былъ расположенъ и самой своей комплексіей. Человѣкъ непомѣрной силы, который, по увѣренію панегириста Менучеһрія, словно дѣтскою игрушкою орудовалъ булавою въ 60 минъ [3]), а по сообщенію очевидца Бейһекыя—ходилъ на льва въ одиночку и, случилось какъ-то, убилъ въ одну охоту цѣлыхъ восемь львовъ [4])—онъ легко могъ выдерживать всякія излишества; мы случайно видѣли выше (стр. 105-106), что вино на него и не дѣйствовало.

Съ точки зрѣнія восточной нравственности поведеніе молодого человѣка не представляло чего-нибудь крайне неизвинительнаго, особенно увлеченіе его чувственными картинами изъ «Ars amandi»: «вѣдь для юношей неизбѣжно (шерт-ест)», со снисходительностью говоритъ Бейһекый, «чтобы они вели

---

[1]) Бейһекый, теһр. изд. стр. 116.

[2]) Такое сочиненіе извѣстно въ индійской литературѣ (т. н. „Камашястра"). Возможно, что во владѣнія Махмуда Газневидскаго оно попало вмѣстѣ съ множествомъ добычи, вывозимой его войсками изъ Индіи, и было прямо съ подлинника переведено на персидскій языкъ для царевича-Мас'уда (значитъ, ок. 1017 г.). Но на арабскомъ языкѣ оно имѣлось давно уже. Библіографія „Фиһристъ" (988 г.; лейпц. изд.) въ рубрикѣ: „Заглавія книгъ о совокупленіи (фî ль-бâһ), персидскихъ, индійскихъ, греческихъ и арабскихъ" отмѣчаетъ на 6-мъ мѣстѣ „Книгу Альфійе Большую", а на 7-мъ мѣстѣ—„Книгу Альфійе Малую" (стр. 314:3). Нѣм переводъ этого мѣста „Фиһриста" (еще съ рукописи) см. у Хаммера: „Liter Gesch. der Araber", т. III (1852), стр. 353-354. Книга пользовалась и впослѣдствіи большой популярностью въ исламскомъ мірѣ; см. у меня въ „Исторіи Турціи и ея литературы", ч. II (1910), стр. 93.

[3]) Biberstein-Kazimirski: „Menoutchehri" (Пар. 1886), стр. 134.

[4]) Бейһекый, теһр. изд., стр. 120 и стр. 121.

себя такъ, или въ этомъ родѣ» [1]). Все-таки Махмудъ разсердился, получивши доносъ Рейхана объ образѣ жизни наслѣдника престола, и послалъ экстреннаго ревизора для провѣрки дѣла на мѣстѣ. Но Мас'удъ, уѣзжая въ Хератъ, предусмотрительно озаботился заручиться въ Газнѣ услугами людей, изъ приближенныхъ къ султану Махмуду, которые бы немедленно увѣдомляли его о всякихъ намѣреніяхъ царственнаго родителя на его счетъ. Раньше чѣмъ пріѣхалъ ревизоръ, Мас'удъ уже зналъ про это. «Художественная» опочивальня, со всей поспѣшностью, была выбѣлена; пріѣхавшій ревизоръ засталъ во всемъ полное благообразіе. Махмудъ долженъ былъ счесть доносъ евнуха-Рейхана злобной клеветою и даже съ негодованіемъ замѣтилъ: «На этого моего ребенка ужъ слишкомъ много лгутъ!» [2]).

Когда султанъ Махмудъ умеръ (1030) и Мас'удъ вступилъ на газневидскій престолъ, ему было лѣтъ 35 [3]). Но свои привычки къ беззаботной жизни онъ вполнѣ сохранилъ: охоты, пиры, безобразные кутежи заполняли его время. Въ государственныхъ дѣлахъ онъ иногда могъ проявить заботу и справедливость во второстепенной незначительной мелочи [4]),— и не проявлялъ никакой дальновидности по отношенію къ общему управленію государствомъ. Губернаторы, которые посылались въ провинціи на кормленіе, могли грабить народъ и хищничать сколько угодно, лишь бы въ казну газневидскую присылали побольше. Хорасаномъ, въ должности «са́хеб-и ді́ва́н» (т. е. гражданскаго губернатора), правилъ Абульфезль Сурій, стяжавшій себѣ у газневидскихъ историковъ такую же печальную славу, какъ у римлянъ Верресъ. Но, обдирая населеніе Хорасана, Сурій «изъ каждыхъ награбленныхъ десяти дирһемовъ пять удѣлялъ султану» [5]),— и султанъ-Мас'удъ, глядя на горы присланныхъ сокровищъ, говорилъ:

---

[1]) Бейһекый, теһр. изд. стр. 116.

[2]) Бейһекый, теһр. изд., стр. 119.

[3]) См. соображенія у Биберштейна-Казимірскаго: „Menoutchehri" (1886), стр. 141 и 18.

[4]) Мас'уду была принесена жалоба на солдата, который похитилъ барана. —„А жалованье отъ казны получилъ?" грозно освѣдомился султанъ-Мас'удъ.—„Получилъ".—„Ну, такъ повѣсить его!". И воръ-солдатъ былъ въ назиданіе повѣшенъ. См. у Бейһекыя, теһр. изд. 457. Въ „Сіясет-наме" XI в. везиря Низамольмолька очень похожій анекдотъ перенесенъ еще на Алпъ-тегина (стр. 105 перс.=стр. 154 франц.)

[5]) выраженіе Бейһекыя, теһр. изд. стр. 419.

убѣжище въ Индіи. Потомству такое неслыханно быстрое крушеніе огромнаго султанства казалось просто поразительнымъ, необъяснимымъ. Представлялось, что и самъ Махмудъ, много-много лѣтъ спустя, изъ-за могилы съ изумленіемъ смотритъ на судьбу своихъ земель,—и художественная фантазія картинно рисовала совершенно истлѣвшій въ землѣ прахъ, въ которомъ однако сохранились глазныя орбиты и оба глаза, поводящіе изумленнымъ взоромъ.—«Мехму́д һену́з нигяра́н-ест—ки мольк-иш ба́ ді́гяра́н-ест», объясняетъ дервишъ у Са'дія (=«Махмудъ все еще глядитъ-наблюдаетъ, какъ царствомъ его всякъ чужой обладаетъ») [1].

Но мы исторически понимаемъ, что въ быстромъ крушеніи Махмудова царства нѣтъ ничего удивительнаго. Завоевательные походы Газневидскаго воителя отличались разорительной хищностью, правленіе—вымогательствомъ, и любви къ тюрко-газневидскому владычеству нигдѣ у населенія не было. А такъ-какъ всякія гражданскія патріотическія чувства постарался деспотически искоренить самъ Махмудъ, то перваго натиска новыхъ тюрковъ (это были, какъ увидимъ, сельджуки) достаточно было для того, чтобы власть династіи тюрковъ-газневидовъ вмигъ рухнула. Пришибленное персидское населеніе безропотно перешло изъ-подъ господства одной турецкой династіи подъ господство другой турецкой династіи.

Помогло новымъ завоевателямъ и то обстоятельство, что преемникъ султана Махмуда на газневидскомъ престолѣ оказался человѣкомъ, не имѣвшимъ той личной энергіи, какою отличался свирѣпый воплотитель газневидскаго могущества. Преемникъ этотъ былъ сынъ Махмуда Газневидскаго Мас'удъ.

СУЛТАНЪ МАС'УДЪ, СЫНЪ МАХМУДА ГАЗНЕВИДСКАГО (1030-1041).

Новый государь, султанъ М а с ' у д ъ (1030-1041), далеко не лишенъ былъ достоинствъ, и имѣлъ даже нѣкоторое образованіе, чего никакъ нельзя было сказать о его отцѣ.

Воспитаніе Мас'уда, отъ природы сильнаго, крѣпкаго мальчика, велось впрочемъ чисто случайнымъ способомъ.

---

[1]) „Голиста́н", отд. I, разсказъ 2;=русск. перев. И. Холмогорова (М. 1882), стр. 23.

Султанъ Махмудъ, при своихъ постоянныхъ походахъ, если бъ даже и захотѣлъ наблюдать за воспитаніемъ сыновей, все равно не могъ бы. Онъ ихъ и забросилъ. Мас'удъ (род. ок. 995 г.)[1]) и его братъ—выростали совсѣмъ вдали отъ отца, даже не въ Газнѣ. Къ нимъ былъ приставленъ штатъ прислуги и дядекъ, и главное значеніе среди приставленной челяди имѣлъ рабъ-евнухъ по имени Рейханъ (=«Душистая базилика»). Онъ не стѣснялся передъ шаловливыми царевичами, самымъ грубымъ образомъ оралъ на нихъ[2]), по крайней мѣрѣ на Мас'уда, котораго не взлюбилъ. Мягкую роль доброй бабушки взяла на себя старушка-мать одного изъ приставленныхъ придворныхъ: она носила дѣтямъ всякія лакомства, которыя сама же готовила и пекла. Она же выучила царевича-Мас'уда грамотѣ и закону Божію; а въ тайны арабскаго языка, этого верха восточно-мусульманской премудрости, болѣе или менѣе посвятилъ Мас'уда ея сынъ (впослѣдствіи одинъ изъ совѣтниковъ Мас'уда). Въ курсъ арабскаго языка, какъ съ радостной гордостью сообщилъ окружающимъ Мас'удъ, вошли также «двѣ-три касыды изъ дивана Мотанаббія», довольно вычурнаго поэта X в. Кромѣ того, вѣроятно уже впослѣдствіи, отъ постояннаго общенія съ окружающими персами, Мас'удъ вполнѣ сносно выучился персидскому языку,—во всякомъ случаѣ, гораздо лучше, чѣмъ это вообще было въ ходу у тюрковъ-газневидовъ[3]). Отъ природы Мас'удъ не лишенъ былъ, кажется, дара краснорѣчія[4]).

Наслѣдникомъ престола («велі-эhд»-омъ) Махмудъ объявилъ Мас'уда лишь тогда, когда увидалъ на войнѣ его юношескую храбрость, соединенную съ чрезвычайной физической силой. А когда сыну исполнилось 22 года, отецъ послалъ его управлять Хератомъ,—слѣдовательно, заранѣе подготовиться къ государственной администраціи. Тотъ самый рабъ-евнухъ Рейханъ, который присматривалъ за Мас'удомъ-ребенкомъ, былъ прикомандированъ къ новозначенному hератскому правителю-Мас'уду въ качествѣ тайнаго шпіона «мюшрифа»,—по непреложному газневидскому обычаю[5]). Шпіонъ вскорѣ, однако, долженъ былъ донести султану Мах-

---

[1]) Соображенія о годѣ рожденія и возрастѣ Мас'уда см. у Биберштейна-Казимірскаго въ предисловіи къ „Menoutchehri“ (1886), стр. 141.

[2]) „банг бер зелі“—Бейhекый XI в., теhран. изд., стр. 107. Картину воспитанія Мас'уда оставилъ намъ Бейhекый.

[3]) Бейhекый, теhран. изд. стр. 295.

[4]) По Бейhекыю, Мас'удъ въ своихъ рѣчахъ „разбрасывалъ перлы и крошилъ сахаръ“ (теhран. изд., стр. 18).

[5]) См. выше у насъ, стр. 111.

Государственный (точнѣе: придворный) совѣтъ въ Газнѣ составляли «владыки пера и сабли»=«хода́венда́н-и qелем о шемші́р» [1]). Изъ нихъ вторые, т. е. «владыки сабли», были очевидно тѣ же преданные генералы («са́ла́ра́н»), которые дѣлили съ султаномъ Махмудомъ всѣ тяготы его обильныхъ походовъ и составляли на войнѣ его военный совѣтъ. Какъ самъ султанъ-Махмудъ былъ грубый необразованный солдатъ, такъ и эти храбрые члены его государственнаго совѣта могли совершенно не знать грамоты;—на правительственныхъ документахъ за такихъ неграмотныхъ сановниковъ руку прилагалъ кто-нибудь изъ «хода́венда́н-и qелем»=«владыкъ пера» [2]).

Среди «владыкъ пера» главное мѣсто по полномочіямъ занималъ, разумѣется, верховный министръ, везйрь,—должность, которая отъ аббасидскихъ халифовъ [3]) перешла къ халифатскимъ династіямъ (саманидамъ, въ томъ числѣ) и которую Махмудъ, при всемъ своемъ самодержавномъ самомнѣніи, не рѣшился упразднить. Невозможно вѣдь было ему-варвару обойтись безъ образованнаго человѣка, понимающаго тонкости правленія и финансовыхъ дѣлъ. Крайне самостоятельный, самодурскій характеръ Махмуда дѣлалъ положеніе везиря очень тяжелымъ, и все же умный Хасанъ Меймендскій, выдвинувшійся, какъ мы выше упоминали (стр. 108), въ голодный 1011-ый годъ, съумѣлъ довольно долго удержаться у власти и даже могъ обуздывать грознаго султана въ его опрометчивыхъ рѣшеніяхъ, проявленіяхъ гнѣва и опалы, и т. п. Махмудъ часто тяготился Хасаномъ, но все же считалъ его болѣе сноснымъ на везирствѣ, чѣмъ другихъ, и нескоро подвергъ опалѣ и тюрьмѣ.

Сверхъ везиря, у Махмуда при дворѣ пользовались вліяніемъ на государственныя дѣла, и притомъ вліяніемъ огромнѣйшимъ, баловни-мальчики («бече»). Изъ купленныхъ или подаренныхъ юныхъ невольниковъ, или изъ свободныхъ невидныхъ людей самаго случайнаго происхожденія, они, юные временщики, вдругъ поднимались до высокаго государственнаго значенія. Явленіе это настолько внѣдрилось, что стало казаться даже нормальнымъ или, по крайней мѣрѣ, не вызывало въ окружающихъ большого изумленія. Придворный газневидскій историкъ Бейһе-

---

1) Бейһекый, теһр. изд., стр. 263.

2) Бейһекый, стр. 295 теһран. изд.

3) См. въ „Исторіи Арабовъ", ч. II (1912), стр. 148-150.

кый говоритъ: «Умные люди и не должны изумляться подобнымъ явленіямъ: никто великимъ не рождается, люди великими дѣлаются» [1]).

Сила юныхъ любимцевъ основывалась на томъ противоестественномъ восточномъ порокѣ, которому былъ преданъ султанъ Махмудъ. Самъ настолько некрасивый, что даже въ зеркалѣ не любилъ себя видѣть [2]), султанъ Махмудъ чувствовалъ непреодолимое влеченіе къ красавцамъ-отрокамъ, «съ тѣломъ, что твое серебро, съ лицомъ—что у 100.000 писанныхъ красавицъ» [3]).

Въ этомъ онъ не составлялъ исключенія среди окружающихъ: никто при газневидскомъ дворѣ не чуждался любви къ мальчикамъ; между прочимъ и везирь Хасанъ Меймендскій не былъ изъятъ отъ этой же порочной страсти [4]).

Изъ всемогущихъ любовниковъ Махмуда Газневидскаго вошелъ въ пословицу А я з ъ. При жизни султана къ этому баловню подлаживались изъ личныхъ цѣлей и вельможи и поэты, которые его и воспѣвали [5]), а для памяти потомства былъ и интересенъ и поучителенъ образъ могущественнаго самодержца, грознаго свирѣпаго султана-воителя, покорителя сказочной Индіи, склоняющагося передъ случайнымъ мальчишкой.

Въ памяти потомства образъ Махмуда Газневидскаго остался еще какъ символъ непрочности царствъ, создаваемыхъ людьми. Черезъ десять лѣтъ послѣ смерти султана, отъ громадной газневидской монархіи не осталось въ Иранѣ ничего, и наслѣднику Махмуда пришлось основывать себѣ

---

1) См. у Бейhекыя разсказъ о карьерѣ мальчика-Телека, сына цирюльника. По англійски (съ калькутт. изданія Бейhекыя, стр. 503-505) разсказъ переведенъ у Элліота: Hist. of India, т. II (1869), стр. 127-129.

2) Срв. анекдотъ въ „Сіясет-намé" Низамольмолька XI в., гл. VII (стр. 44 перс.=стр. 67 франц.); оттуда—въ „Образцахъ" Гаффарова I, 151 Лицо Махмуда было изрыто оспою; срв. у Вилькена: „Hist. Gasnevidarum", стр. 227 (по Ферише).

3) Выраженіе Бейhекыя, въ разсказѣ о судьбѣ красавца Хесенека, кончившаго впрочемъ жестокою опалою. Разсказъ (съ калькутт. текста стр. 207-221) переведенъ по англійски въ „Hist of India" Элліота, т. II 1869 (стр. 88-100; см. стр. 98) и изложенъ по французски въ предисловіи къ „Menoutchehri" Биберштейна-Казимірскаго 1886 (гдѣ см. стр. 47).

4) Срв. у Биберштейна-Казимірскаго: „Menoutchehri" (1886), введеніе, стр. 47 и стр. 89-90.

5) Одинъ экспромтъ Онсорія объ обстриженныхъ кудряхъ Аяза мы сообщимъ въ главѣ о персидской литературѣ Махмудова круга.

«Добрый слуга этотъ Сурій! Будь у меня еще двое-трое такихъ слугъ, большáя бы польза была!» [1]).

Со стороны обездоленнаго Хорасана и грянуло возмездіе газневидамъ за ихъ хищническую государственную политику. Сперва хорасанцы, которыхъ измучили поборы Сурія, сами стали сноситься съ тюрками-владѣтелями Зарѣчья [2]), управляемаго бухарскимъ илекъ-ханомъ. Но оказалось, что и отъ вымогателя Сурія и отъ газневидскаго господства Хорасанъ былъ избавленъ не бухарскими илекъ-ханами, а подчиненною илекамъ туркменской ордою племени Сельджука.

---

[1]) .....„бесйâр фâиде хâсыль шоді", Бейһекый, стр. 419.

[2]) „бâ э'йâн-и Торкáн",—Бейһекый, стр. 419-420.

СЕЛЬДЖУКИ ВЪ XI ВѢКѢ.

(1035-1092).

ОТЪ СОЗДАНІЯ ДО НАЧАЛА РАЗЛОЖЕНІЯ СЕЛЬДЖУКСКОЙ ИМПЕРІИ.

внутреннее состояніе газневидскихъ владѣній осложнилось затяжными междоусобіями, и султанъ-ханжа Ибраһимъ, вступившій, послѣ долгихъ распрей, на газневидскій престолъ, счелъ невозможнымъ дольше отстаивать свои наслѣдственныя права на занятые сельджуками Хорасанъ съ Бельхомъ, Хератомъ и Систаномъ. Онъ заключилъ съ сельджуками миръ (1059), по которому признавалъ ихъ завоеванія.

Значитъ, газневиды лишились всѣхъ персидскихъ владѣній, и съ этихъ поръ, т. е. приблизительно съ половины XI вѣка, афгано-индійскія завоеванія истиннаго мусульманина Махмуда Газневидскаго, сдѣланныя среди язычниковъ, оказываются единственнымъ роднымъ гнѣздомъ газневидской династіи; центромъ тяжести если не сейчасъ, то впредь, явилась для нихъ Индія [1],—обстоятельство, послужившее укрѣпленію въ ней ислама. Отнятая у газневидовъ восточная Персія осталась за сельджукомъ Чагры-бекомъ и его сыномъ Алпъ-Арсланомъ.

Что касается сельджукскихъ завоеваній на западѣ, то братъ Чагры-бека Тогрулъ-бекъ подчинилъ въ 1042 году зіяридскій Джорджанъ съ Табаристаномъ; въ 1043 г. оба брата захватили княжество Харезмъ (Хиву), и еще въ томъ же году Тогрулъ-бекъ вторгся въ государство бовейһидовъ. Борьба съ послѣдними бовейһидами была упорна; наконецъ въ 1054 году Тогрулъ покорилъ Азербейджанъ и, обезопасивши себя такимъ образомъ съ фланга, направился на Багдадъ, столицу сoннитскаго халифата, въ которой распоряжались шииты-бовейһиды. Въ 1055 году важнѣйшій изъ бовейһидовъ, Меликъ-Рахимъ, былъ взятъ въ плѣнъ; соннитъ Тогрулъ торжественно вступилъ въ правовѣрный Багдадъ; всѣ владѣнія бовейһидовъ перешли къ нему, и въ 1058 году [2]) онъ былъ посвященъ безсильнымъ «повелителемъ правовѣрныхъ» въ санъ «султана» (столицей его былъ Рей) [3]).

---

[1]) Прошло еще лѣтъ сто, афганцы съ сожженною Газною отпали (Гуриды 1150)—и газневидамъ пришлось перенести свою столицу въ индійскій Лаһоръ, а еще лѣтъ сорокъ спустя (1187) газневидская династія совсѣмъ была низвержена Гуридами.

[2]) Судя по изложенію Бондарія (1226)—какъ будто пораньше 1058 года

[3]) Повидимому, только съ сельджукскихъ временъ титулъ „султанъ“ входитъ въ обычное употребленіе, хотя примѣнялся и раньше. Такъ, ужъ и Махмудъ Газневидскій назывался султаномъ, хотя чаще эміромъ, и почти навѣрное—бовейһиды, хотя обыкновенный ихъ титулъ былъ тоже „эміръ“ или „меликъ“.

Незадолго до смерти Тогрулъ-бекъ заключилъ помолвку съ дочерью халифа [1], несмотря на сильное нежеланіе халифа отдавать свою дочь за семидесятилѣтняго грубаго варвара, съ которымъ и разговаривать-то нужно было при помощи переводчика.

АЛПЪ-АРСЛАНЪ И МЕЛИКЪ-ШАХЪ.

Алпъ-Арсланъ, 1063-1072.

По смерти Тогрула, его тридцатилѣтній племянникъ Алпъ-Арсланъ (1063-1072) сдѣлался султаномъ всего Ирана; говоримъ: «всего», потому что самостоятельная Бухара́, находившаяся въ рукахъ родственныхъ сельджукамъ другихъ тюрковъ, и афгано-индійское царство газневидовъ не входятъ вѣдь въ область собственно Ирана.

При Алпъ-Арсланѣ сельджукскія экспедиціи противъ Мавераннаhра производились, но до вассальнаго подчиненія еще не довели (это случилось лишь въ слѣдующее царствованіе). Съ бо́льшей силой и успѣхомъ завоевательныя стремленія Алпъ-Арслана направились дальше на западъ— въ сторону мусульманской Сиріи съ Палестиной (Мирдасиды и Фатымиды) и священной Аравіи и въ сторону христіанской Грузіи, Арменіи и греческой Малой Азіи.

Противъ Алпъ-Арслана явился съ войскомъ въ Арменію византійскій императоръ Романъ IV Діогенъ. Но въ битвѣ 1071 года Алпъ-Арслану досталась такая военная слава, которая еще никогда не выпадала на долю мусульманскихъ владыкъ: не только войско византійское, авангардъ котораго составляла Русь [2]) и къ составу котораго примазалась всякая без-

---

Срв. у насъ выше, стр. 81, со ссылкою на „Мусульм. династіи“ Стэнли Лэнъ-Пуля (Спб. 1899), стр. 243 и 115, и „Туркестанъ“ В. Бартольда (1900), стр. 285.

[1]) По „Ра́хет эс-содур“ (1203)—съ сестрою халифа.

[2]) Подъ „Русью“ надо понимать, вѣроятнѣе всего, варяговъ-норманновъ, дружины которыхъ около половины XI вѣка часто (спорадически—раньше) начинаютъ упоминаться на византійской службѣ. Часть ихъ могла, разумѣется, имѣть отношеніе къ Кіеву, гдѣ княжила соплеменная имъ норманская династія Владиміра Великаго. Женихъ дочери Ярослава Мудраго Елисаветы, изгнанный норвежскій королевичъ Гаральдъ Смѣлый, тоже извѣстенъ какъ вождь варяжской дружины на службѣ византійскаго императора. Сага воспѣваетъ его битвы противъ мусульманъ. Русовъ, состоящихъ на византійской службѣ еще въ X вѣкѣ, упоминаетъ Константинъ Багрянородный; онъ даетъ и образцы „русскаго“ языка, который оказывается скандинавскимъ.

Обѣ турецкія династіи, раздѣлившія между собою саманидское государство, т. е. газневиды и караханиды, жили въ общемъ, какъ мы видѣли, дружно между собою. А такъ-какъ онѣ многократно и породнились одна съ другою, то султанъ Мас'удъ, сынъ Махмуда Газневидскаго, при вступленіи своемъ на отцовскій престолъ (1030), позволялъ льстить себя мыслію, что караханиды съ газневидами это въ сущности даже не двѣ, а одна династія [1]). И вотъ въ это время выступила третья турецкая династія, которая до тѣхъ поръ держалась въ тѣни. Это были князья подчиненной илекъ-ханамъ провинціальной туркменской Сельджуковой орды.

Сельджукова, или Сельджукская, орда жила въ бухарскихъ владѣніяхъ, въ южномъ бассейнѣ низовьевъ Сыръ-Дарьи́, и имѣла въ четверти XI вѣка двухъ главныхъ вождей-братьевъ—Давуда Чагры-бека и Тогрулъ-бека. Съ ними теперь эта орда зашевелилась. Еще самому Махмуду, въ послѣдній годъ его могущественнаго царствованія, ясна стала сельджукская опасность; но ужъ поздно было ее отвратить, и къ тому же султанъ Махмудъ умеръ (1030). Роковая необходимость имѣть дѣло съ сельджуками всецѣло досталась его сыну и наслѣднику Мас'уду.

Называлась орда сельджукскою отъ имени Сельджука, дѣда Чагры-бека и Тогрулъ-бека. Переселился Сельджукъ со своимъ племенемъ на низовья Сыръ-Дарьи (изъ киргизскихъ степей) задолго передъ тѣмъ: еще тогда, когда Бухара́ принадлежала саманидамъ. Здѣсь, еще при саманидахъ, племя приняло исламъ, а когда иранцы-саманиды были свергнуты тюркскими илекъ-ханами караханидами (999), сельджуки подчинились новымъ правителямъ. Однако теперь, при Чагры-бекѣ и Тогрулъ-бекѣ, сельджуки оказались въ ссорѣ съ илеками-караханидами и задумали покинуть бухарскую территорію. Они двинулись, черезъ Харезмъ (Хиву́), съ Сыръ-Дарьи́ на Аму-Дарью и, въ 1035 году, перешли Аму-Дарью, вступили въ область хорасанскаго Мерва, раскинулись тамъ кочевьями и попросили газневидскаго хорасанскаго правителя Сурія, славнаго своими вымогательствами и обездоленіемъ хорасанскаго населенія, походатайствовать за нихъ передъ султаномъ Мас'удомъ, чтобы ихъ не трогали съ этихъ кочевьевъ: «Если, чего Богъ не дай, государь

[1]) См. выше, стр. 95, на основаніи Бейhекыя XI в, теhр. изд. 1307=1890 г., стр. 294.

не уважитъ нашей просьбы, мы и сами не знаемъ, что́ будетъ, куда дѣло пойдетъ! у насъ вѣдь на землѣ нѣтъ больше мѣста» [1]).

Пришлось поневолѣ уважить ихъ просьбу.

Вскорѣ же расхозяйничавшаяся сельджукская орда, какъ только уразумѣла истинное положеніе дѣлъ въ Газневидскомъ царствѣ, оказалась завоевательницей всего Хорасана и свергла здѣсь власть газневидовъ. Истомленные и истощенные газневидскимъ разорительнымъ правленіемъ, города́ Хорасана не очень-то и сопротивлялись кочевымъ завоевателямъ. Въ Нишапурѣ кадій очень кстати вспомнилъ, ка́къ пробралъ нѣкогда покойникъ-Махмудъ жителей Бельха за то, что они вооруженно сопротивлялись вторженію илекъ-хана и тѣмъ довели свой городъ до разоренія и опустошенія; теперь, по совѣту кадія, Нишапуръ (1039) прямо вышелъ для почетной встрѣчи туркменамъ-сельджукамъ, «съ хлѣбомъ-солью», какъ сказали бы мы [2]).

Рѣшительная побѣда надъ войсками султана Мас'уда въ Хорасанѣ состоялась въ 1040 году, у одной крѣпости подъ Мервомъ [3]),—и побѣдитель, вождь сельджуковъ Тогрулъ-бекъ, самый примитивный варваръ-номадъ, велѣлъ поставить тронъ на мѣстѣ битвы и тутъ же принялъ присягу, какъ государь, смѣнившій газневидовъ (1040, май).

СУДЬБА ГАЗНЕВИДОВЪ. БОВЕЙХИДЫ—И ТОГРУЛЪ-БЕКЪ ВЪ БАГДАДѢ, 1055.

Дальнѣйшія сельджукскія завоеванія одновременно направились и на востокъ, гдѣ сельджуки (братъ Чагры-бекъ) продолжали вытѣснять газневидовъ, и на западъ (братъ Тогрулъ-бекъ)—въ область зіяридовъ и бовейhидовъ, распоряжавшихся личностью багдадскаго халифа.

На востокѣ, газневидъ Мас'удъ, потерявши Хорасанъ, совсѣмъ отчаялся и рѣшилъ покинуть врагамъ и Газну, а самому бѣжать въ Индію. Подданные свергли Мас'уда (1041). Его болѣе энергичный сынъ Мавдудъ Газневидскій (1041-1048) не только не допустилъ сельджуковъ до Газны, но продолжалъ бороться и за восточную Персію. Однако послѣ Мавдуда

[1]) Бейhекый, теhр. изд. 1307=1890, стр. 479.

[2]) Бейhекый, теhр. изд. стр. 557.

[3]) Срв. Бартольдъ: „Туркестанъ“ (1900), стр. 321, сноска 5.

Сельджукская имперія XI вѣка

(1035-1092).

Источники для исторіи сельджуковъ начальнаго, блестящаго ихъ періода (XI в.) остаются, прежде всего, тѣ же, что указаны для исторіи газневидовъ XI в. (см. стр. 66): среди нихъ—персидская «Сіясет-наме» сельджукскаго везиря Низамольмолька (ум. 1092) и арабская сводная всеобщая исторія ибнъ-аль-Асира (ум. 1232), преимущественно тт. IX-X. Кромѣ нихъ (съ пропускомъ очень небогатаго свѣдѣніями персидскаго сельджукскаго «Свода лѣтописей» = «Моджмиль эт-теваріх» 1126) источниками служатъ:

а) араб. «Носрет аль-фатра»=«Помощь въ усталости», т. е. напыщенная и цвѣтистая исторія сельджуковъ Имадеддина Испаһанца (1125-1201), которая еше не издана [1]; а издана арабская же упрощенная ея передѣлка Бондарія Испаһанскаго (1226) во II томѣ (срв. и т. I) «Recueil de textes relatifs à l'histoire des Seldjoucides publ. par. Th. Houtsma» (Лейд. 1889) [2]; каир. перепечатка 1318=1901. Въ основѣ лежатъ персидскіе мемуары о событіяхъ 1072-1134 г. сельджукскаго везиря Ануширвана ибнъ-Халида Кашанскаго (ум. 1139), о которомъ подробно сообщается въ предисловіи Хаутсмы.

б) перс. «Рáхет эс-содýр» = «Успокоеніе сердецъ» (1203 г.), сельджукская исторія (авторъ Равендій? ибнъ-Биби?). Описалъ Edw. Browne въ «Journ. of the Royal Asiat. Soc.» іюль 1902, стр. 567-610 (и, отъ Синджара сына Меликшаха, октябрь, 849-887). и онъ же значительно использовалъ «Рáхет эс-содýр» во II томѣ своей «A literary history of Persia» (Л. 1906, глава III. стр. 165 и слѣд.). Перс. текстъ начальной исторіи сельджуковъ (кончая Меликъ-шахомъ) изданъ

---

[1] Нѣтъ хорошей рукописи для изданія.

[2] Рец. бар. Розена на изданіе Хаутсмы—въ „Зап. Вост. Отдѣл.“, т. IV (1889), стр. 449-450.

изъ «Pâxeт», безъ перевода, Ш. Шеферомъ въ «Supplément» къ «Siasset-Namèh» (1897), стр. 70-114.

в) Muh. ibn Muh. ibn Muh. ibn Abdallah ibn an-Nizâm al-H u s a i n i al-Jazdi: «Аль-ҫораде фі ль-ҫикайат ас-Сельджуқыййе»=«Das Geschenk aus der Saldschukengeschichte», herausgegeben von Karl Süssheim (Лейд. 1909; стр. LXI+179).

г) Histoire des Seldjoucides et des Ismaéliens ou Assassins de l'Iran, extraite (только по-французски) du «T a r i k h i G u z i d e h», ou Histoire Choisie d'Hamd-Allah Mustaufi [1330], traduite du persan (съ множествомъ примѣчаній) par M. Defrémery—въ «Journ. Asiat.» 1848-1849. Есть теперь полное изданіе «Târix-и Гозîдé» Эдв. Брауна въ XV т. Gibb Memorial Series (Лейд. 1910) и 1 т. изд. J. Gantin'a (Пар. 1903).

д) М и р х о н д ъ (1433-1498): «Ровзет эс-сефâ». Отдѣлъ о сельджукахъ изданъ и переведенъ І. Вуллерсомъ: «Historia Seldschukidarum persice» (Гиссенъ 1837), «Geschichte der Seldschukiden» (перев., Гисс. 1838).

П о с о б і я общаго, сводного характера—тѣ же, что указаны на стр. 66-67, главнымъ образомъ Вейль т. III. Авг. Мюллеръ т. III (русск. пер.), В. Бартольдъ (1900), G le Strange: «The lands of the eastern caliphate» (Кембр. 1905), Edw. Browne, т. II (1906); а кромѣ того—введенія къ вышеуказаннымъ изданіямъ источниковъ.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ СЕЛЬДЖУКОВЪ. ЧАГРЫ-БЕКЪ И ТОГРУЛЪ-БЕКЪ. ВЗЯТІЕ ХОРАСАНА, 1035-1040.

Мы помнимъ, что послѣ паденія саманидовъ (999) большая часть саманидскихъ владѣній, именно ихъ Л ѣ в о б е р е ж ь е, т. е. Хорасанское воеводство, досталось тюрку Махмуду Газневидскому (998-1030) и что далѣе къ западу въ вассальное подчиненіе къ Махмуду сталъ сосѣдній Харезмъ (Хива, на устьи Рѣки, ок. 1007), равно какъ зіяридскій Прикаспій (княжество Горганское съ Табаристаномъ, 1005), и что за годъ до смерти (1029) Махмудъ отнялъ отъ бовейhидовъ Рейскую область (Рей—приблизительно тамъ, гдѣ теперь Теhранъ [1]). Бывшее же саманидское П р а в о б е р е ж ь е досталось, видѣли мы, другимъ тогда же (999) нагрянувшимъ тюркамъ, съ династіей К а р а х а н и д о в ъ, и въ теченіи жизни Махмуда Газневидскаго эти Караханидскія владѣнія раздѣлились на двѣ половины: Туркестанъ Бухарскій и Туркестанъ Кашгарскій.

---

[1]) Напоминать объ афгано-индійскихъ завоеваніяхъ Махмуда Газневидскаго намъ здѣсь не къ чему.

численная разноплеменная недисциплинированная «сволочь» [1]), было на голову разбито, но и самъ «q е й с е р-и Р у м» (=Римскій императоръ) попался въ плѣнъ [2]). Сцена встрѣчи двухъ государей: султана-побѣдителя и императора-плѣнника—состоялась дикая: тѣлохранители Алпъ-Арслана тащили императора за волосы и за грудь, стараясь пригнуть къ землѣ, чтобы онъ поцѣловалъ ее передъ султаномъ,—и самъ султанъ три раза ударилъ императора своею рукою. Потомъ, правда, Алпъ-Арсланъ почувствовалъ жалость къ униженному и согласился, за выкупъ и выгодный договоръ, отпустить императора на волю. (Тѣмъ временемъ, впрочемъ, византійцы выбрали другого императора, Михаила VII, который не счелъ для себя обязательнымъ соблюдать договоръ предшественника).

Погибъ Алпъ-Арсланъ во время похода на Бухару, заколотый однимъ знатнымъ плѣнникомъ (нб. 1072).

Везиремъ у Алпъ-Арслана и внутреннимъ администраторомъ былъ умный и талантливый персъ Низамъ-оль-молькъ, который, кажется, явился воспитателемъ («ходжа») и наслѣдника Алпъ-Арслана—Меликъ-шаха и который остался везиремъ также при Меликъ-шахѣ.

Меликъ-шахъ, 1072-1092.

М е л и к ъ - ш а х ъ (1072-1092), все еще изрядный тюркъ-варваръ, хотя, по всѣмъ видимостямъ, ужъ грамотный [3]) и не лишенный нѣкотораго просвѣщенія,—государь, котораго Анна Комненъ титулуетъ «великимъ»,—былъ опять впутанъ въ дѣла Малой Азіи самими же византійцами. Къ его пограничному вождю обратился за помощью противъ своего мятежнаго вассала новый византійскій императоръ (Михаилъ),—и дѣло кончилось включеніемъ в с е й М а л о й А з і и во владѣнія сельджуковъ. Городъ Никея, гдѣ когда-то происходилъ достопамятный для

1] „awбáш",—выраженіе Хосейнія.

2] Объ этомъ см. работу бар. В. Р. Р о з е н а: „Арабскія сказанія о пораженіи Романа Діогена Альпъ-Арсланомъ" въ I томѣ „Записокъ Восточнаго Отдѣленія Имп. Русскаго Археол. Общества" 1886, стр 19-22 (=ибнъ аль-Асиръ XIII в.), стр. 189-202 (=Имадеддинъ Испаһанскій XII в), стр. 243-252 (=Хосейній; ок. 1200 г.?). Показанія греческаго лѣтописца [Скилицы] привлечены у Г. В е й л я: „Gesch. der Chalifen", т. III [1851], стр 111 сл.

3] Мнѣніе [неубѣдительное] В. В. Бартольда—иное [„Туркестанъ", 1900, 328], но срв. у Мюллера: „Исторія ислама", т. III, стр 106.

христіанъ первый вселенскій соборъ, ознаменовавшійся составленіемъ православнаго Символа вѣры (325), и седьмой соборъ въ защиту иконъ (787),— эта Никея сдѣлалась резиденціей мусульманскаго сельджукскаго намѣстника (1081) изъ сельджукской же династіи [1]).

Намѣстникъ этотъ отнялъ отъ византійцевъ и Антіохію (1085) [2]), находившуюся уже въ области сѣв. Сиріи, послѣ чего вмѣшался въ междоусобицы сирійскихъ мелкихъ князьковъ, сельджукскихъ полководцевъ и кое-гдѣ еще остававшихся фатымидскихъ правителей. Явился въ Сирію съ войскомъ самъ Меликъ-шахъ (1086), и Сирія окончательно подчинилась сельджукамъ (Тутушъ, сынъ Алпъ-Арслана, утвердился въ Дамаскѣ).

Черезъ три года сюзеренная власть Меликъ-шаха признана была и на далекомъ востокѣ у караханидовъ—въ бухарскомъ и кашгарскомъ Туркестанѣ (1089).

Такимъ образомъ, Меликъ-шаху подчинилась почти вся мусульманская Азія: съ востока на западъ—всѣ области отъ границъ Китая и Афганистана до Средиземнаго моря, именно до фатымидскаго Египта и почти до воротъ Константинополя, а съ сѣвера на югъ—отъ Чернаго моря, Кавказа (Арменія и Грузія) и туркестанскихъ окраинъ—до Йемена (счастливой Аравіи) съ гаванью Аденскою и до Индійскаго океана. Окупъ, посланный ему константинопольскимъ греческимъ императоромъ, онъ получилъ въ Кашгарѣ. Резиденція его была то въ отцовскомъ Реѣ и Нишапурѣ, то—особенно любимая—въ Испаһанѣ. Халифское мѣстопребываніе Багдадъ онъ навѣщалъ лишь изрѣдка.

Значеніе сельджукской имперіи въ мусульманской исторіи.

Политическое значеніе единодержавной мусульманской имперіи сельджуковъ, завершившееся при Меликъ-шахѣ, въ исторіи огромно, и вообще все нашествіе сельджуковъ составляетъ въ мусульманской исторіи очень важную эпоху. Но оцѣнка этого сложнаго историческаго явленія можетъ быть самая неодинаковая.

1] Впослѣдствіи сельджукской столицей Малой Азіи была Конія [Iconium]

2] Антіохіей византійцы владѣли уже 120 лѣтъ.

Напримѣръ, съ чрезвычайной симпатіей относится къ сельджукскому нашествію англійскій историкъ-политикъ Стэнли Лэнъ-Пуль [1]), который оцѣниваетъ событія съ точки зрѣнія имперіализма.

Великаго арабскаго, багдадскаго халифата,—напоминаетъ онъ,—ко времени появленія сельджуковъ не существовало (да и тотъ багдадскій халифъ, который еще номинально существовалъ, былъ,—какъ мы знаемъ,—жалкимъ невольникомъ у шіитовъ-буидовъ [2]). Вмѣсто прежняго царства, объединявшагося (какъ въ VIII-IX вѣкѣ) подъ властью одного мусульманскаго правителя, мы видимъ въ X-XI в. множество мелкихъ династій, изъ которыхъ развѣ только еретики-фатымиды, царствовавшіе надъ Египтомъ и южной Сиріей, могли имѣть притязаніе на роль возстановителей халифской имперіи; сѣверная Сирія и Месопотамія были въ рукахъ безпокойныхъ арабскихъ начальниковъ, изъ которыхъ нѣкоторые основали династіи; Персія была раздѣлена между многочисленными представителями рода Бовейһидовъ (шіитовъ, съ подставнымъ сюзереномъ, соннитскимъ халифомъ багдадскимъ) и разными незначительными князьками, изъ которыхъ каждый былъ готовъ напасть на другого и этимъ способствовалъ общему безсилію. Преобладаніе ересей (чрезвычайно полезное въ умственномъ отношеніи — что Лэнъ-Пуль забываетъ) усиливало политическую рознь и раздоры среди всѣхъ этихъ многочисленныхъ владѣній, которыя образовались на развалинахъ прежней великой халифской имперіи.

Радикальное средство для возстановленія политическаго могущества ислама явилось въ видѣ нашествія тюрковъ: эти суровые кочевники, не испорченные городской жизнью и культурнымъ религіознымъ индифферентизмомъ, приняли исламъ со всей горячностью своихъ грубыхъ сердецъ (и, добавимъ, ума, туповатаго къ разсужденіямъ). Разрушители науки и культуры, подавители свободной мысли, они пришли политически возстановить погибшее государство и дѣйствительно придали ему новую политическую жизнь.

Они наводнили Персію, Месопотамію, Сирію, Малую Азію, опустошая страну и уничтожая всѣ господствовавшія тамъ династіи; въ результатѣ они еще разъ, приблизительно около третьей четверти XI вѣка, объединили подъ властью одного государя всю мусульманскую Азію, отъ западныхъ предѣловъ Афганистана до Средиземнаго моря: до границъ Греческой имперіи въ Малой Азіи и фатымидскаго халифата въ Египтѣ.

---

[1]) „Мусульм. династіи“ (Спб. 1899), стр. 123-125. Мы дѣлаемъ вставки.

[2]) См. у насъ въ „Исторіи Персіи“, I, вып. 1 (1909), стр. 59.

Они возбудили воинственный пылъ въ мусульманахъ, оттѣснили вновь усилившихся византійцевъ и воспитали поколѣніе фанатичныхъ мусульманскихъ воиновъ, которымъ крестоносцы, призванные византійскими императорами, болѣе всего были обязаны своими частыми пораженіями.

Этимъ опредѣляется значеніе сельджуковъ въ мусульманской исторіи,—какъ видимъ, довольно почетное, по мнѣнію Стэнли Лэнъ-Пуля.

Если бы значеніе сельджукскихъ единодержавныхъ (или, какъ увидимъ ниже, феодально-единодержавныхъ) государей дѣйствительно сводилось въ мусульманской исторіи только къ тому, на что указываетъ Лэнъ-Пуль, т. е. что они смели всѣ прежнія отдѣльныя мусульманскія династіи Азіи, уничтожили свободную мысль и вольнодумныя ереси, ввели всюду тупое тюркское правовѣріе и разожгли фанатическую ненависть къ христіанскому западу, то, въ противность одобрительному мнѣнію Лэнъ-Пуля, такая ихъ роль должна была бы быть признана исключительно роковой и пагубной,—по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія всѣхъ тѣхъ, кому просвѣщеніе и братство всѣхъ народовъ дороже политическаго ихъ блеска и фанатическаго пыла.

Къ счастью для Азіи, эпоха великой сельджукской имперіи, особенно періодъ царствованія Меликъ-шаха (1072-1092), ознаменовалась и кое-чѣмъ другимъ, благодаря преимущественно везйрю-персу Низамольмольку.

ВЕЗИРЬ НИЗАМОЛЬМОЛЬКЪ И ЕГО КУЛЬТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

И султанъ Тогрулъ-бекъ, и Алпъ-Арсланъ, и, считаютъ возможнымъ думать, даже Меликъ-шахъ—были неграмотны.—«Неграмотный государь»,—говоритъ В. В. Бартольдъ,—«не могъ, конечно, слѣдить за сложнымъ бюрократическимъ управленіемъ своихъ обширныхъ владѣній, и эта обязанность лежала исключительно на везирѣ; оттого мы въ эпоху сельджуковъ видимъ такихъ могущественныхъ везирей, какихъ раньше не было» [1]).

Мы указали уже, что при Алпъ-Арсланѣ и Меликъ-шахѣ такимъ везиремъ былъ хорасанскій персъ Хасанъ ибнъ-'Алій Н и з а м - о л ь - м о л ь к ъ (титулъ, означающій «упорядоченіе государства»), дѣятельный, умный, даровитый и образованный человѣкъ (род. 1018).

---

[1]) В. Бартольдъ: „Туркестанъ" (1900), 328.

Ужъ и Алпъ-Арсланъ ему глубоко довѣрялъ, и когда однажды въ молельню султана просунули доносъ, гдѣ было сказано, что везирь—казнокрадъ, то Алпъ-Арсланъ отдалъ бумагу Низамольмольку, сказавши только: «На, прочти! Если въ доносѣ сказана правда, то постарайся исправиться». Тѣмъ не менѣе Алпъ-Арслана везирь еще побаивался и въ своей «Сіясет-наме» даетъ характерное объясненіе—почему. Султанъ Алпъ-Арсланъ былъ до такой степени правовѣрный фанатикъ-соннитъ, что признавалъ вполнѣ правовѣрнымъ только ученіе имама Абу-Ханифы, а Низамольмолькъ былъ хоть и благочестивый соннитъ, но шафіитскаго толка, и это въ глазахъ Алпъ-Арслана было очень большимъ изъяномъ, почти ересью: —«Оттого я боялся покойнаго государя», говоритъ Низамольмолькъ, «и служилъ ему съ трепетомъ» [1]).

Зато ужъ самое сильное вліяніе оказывалъ Низамольмолькъ на Меликъ-шаха (чуть ли онъ не былъ и воспитателемъ шаха съ дѣтскихъ лѣтъ) [2]); при Меликъ-шахѣ везирь вполнѣ былъ правителемъ государства и, какъ говорили потомъ его враги, дерзнулъ даже прямо высказаться, что вѣнецъ султана связанъ съ его везирскимъ письменнымъ приборомъ: «Закрою я свой калямданъ—и вѣнецъ его погибнетъ» [3]). Благодаря персу Низамольмольку, государство Меликъ-шаха, разоренное войнами и погромами сельджукскаго водворенія, во 1-хъ болѣе или менѣе упорядочилось, во 2-хъ поправилось экономически, и въ 3-хъ, послѣдній разъ въ исторіи мусульманской Азіи, разцвѣло въ культурномъ отношеніи: научномъ, литературномъ.

Административно-судебныя, экономическія и культурныя стремленія Низамольмолька

Чтобы водворить поколебленный порядокъ въ администраціи и судѣ, требовался везирь съ характеромъ достаточно твердымъ. Какъ характеръ, везирь Низамольмолькъ былъ человѣкъ по-тогдашнему гуманный, но

---

1) См. „Сіясет-наме", гл. XXI (стр. 88 перс.=стр. 130-132 франц.); перепечатано въ „Образцахъ" Абд. Гаффарова I, 162. Замѣтимъ, что въ Реѣ (а Рей былъ одной изъ столицъ сельджуковъ) вражда между ханифитами и шафіитами всегда была очень сильна. См. свѣдѣнія, собранныя въ „Историко-географ. обзорѣ Ирана" В. Бартольда (1903), стр. 85.

2) А. Мюллеръ: „Исторія ислама", III (Спб. 1896), стр. 104.

3) Ибнъ-аль-Асиръ (ум. 1232), егип. изд. 1290=1873, т. X, стр. 76: „Ѳабâто тилька ль-qалансуwати маʿзуqон би hâзиhи д-даwâти; wа матâ атбаqто hâзиhи—зâлят тилька".

слишкомъ энергичный, чтобы доходить до сентиментальности и даже просто до особой мягкости. Онъ напримѣръ съ полнымъ сочувствіемъ вспоминалъ ужасныя слова халифа аль-Ма'му́на: «Я держу при своемъ дворѣ двухъ страженачальниковъ («са́хыб-херес»), которые цѣлый день, съ утра до вечера, только тѣмъ и заняты, что рубятъ головы, отрѣзаютъ ноги и руки, колотятъ палками, засаживаютъ въ тюрьму» [1]; Низамольмолькъ съ сожалѣніемъ предупреждаетъ, что такъ бывало лишь встарь, а теперь, въ его время, грозныя обязанности начальниковъ придворной стражи значительно сократились [2]). Однако эта высказанная неумолимость была только однимъ изъ проявленій энергичной твердости у Низамольмолька, и его строгими дѣятельными стараніями со значительнымъ успѣхомъ водворялось правосудіе и внутренняя безопасность: личности и имущества.

Чтобы поднять экономическое благосостояніе жителей, возстановлялись разоренныя мѣстности, отмѣнялись тормозящія торговлю пошлины, улучшались пути сообщенія, дороги снабжались колодцами, строились зданія съ общеполезными цѣлями (каравансараи, богадѣльни, мечети).

Въ цѣляхъ культурныхъ тоже сооружались зданія. Въ Багдадѣ (гдѣ Меликъ-шахъ бывалъ рѣдко, но гдѣ однако умеръ) была построена обсерваторія, сюда были собраны астрономы; а еще раньше Омаръ Хейямъ предпринялъ реформу календаря [3]), извѣстную подъ именемъ «Джеляледдиновой эры» (1079) [4]). Для высшаго образованія были созданы школы въ Нишапурѣ, Басрѣ, Испаһанѣ, Хератѣ, Багдадѣ (знаменитая «Низамійе», гдѣ въ числѣ профессоровъ былъ свѣтило-ислама имамъ Газа́лій, съ 1091 г.). Ученымъ оказывалось покровительство. При дворѣ подъ покровительствомъ везиря процвѣтала и литература, и поэзія [5]). Конечно, въ значительной степени это была литература арабская, особенно въ Багдадѣ [6]),

---

[1]) Срв. у насъ въ „Исторіи арабовъ“, ч. II (1912), стр. 147.

[2]) „Сіясет-наме“, гл. 39 (стр. 122 перс.=стр. 178-179 франц.).

[3]) Объ этомъ см. у Л. Седилльо (Sédillot) въ „Prolégomènes des tables astronomiques d'Oloug-beg“ (1847-1853), въ „Bulletin de la Societé de géogr.“ 1851, I, 163, въ „Lettre à M. de Humboldt“, Пар. 1853, стр. 28 (перепеч. въ его „Hist. des Ar.“ II, 1877, стр. 371). Срв. у насъ ниже въ главѣ, посвященной Хейяму.

[4]) „Джеляль-эд-динъ“ (букв. „слава вѣры“)—это былъ титулъ Меликъ-шаха.

[5]) Ниже, въ особой главѣ, мы подробнѣе остановимся на литературномъ движеніи этого періода.

[6]) См. у меня „Исторію арабовъ и арабской литературы“, ч. I (1912), стр. 61-62 (со сноскою), стр. 74.

однако и персидская литература блистала. Вышеназванный знаменитый Омаръ Хейямъ (онъ и философъ-ученый, и поэтъ-пессимистъ) пользовался высокимъ расположеніемъ не только везиря, но и Меликъ-шаха, который и объ астрономіи любилъ его разспрашивать,—вѣроятно, съ наивнымъ суевѣріемъ,—и стихи персидскіе понималъ; персидскій языкъ для Меликъ-шаха былъ уже вторымъ роднымъ.

Національно-религіозныя отношенія въ сельджукскомъ государствѣ при везирѣ Низамольмолькѣ.

Національному самолюбію персовъ дѣлались, благодаря Низамольмольку, разныя уступки со стороны государей, между прочимъ въ области религіознаго исповѣданія-шіитства, которое для преобладающей части мусульманъ персидской народности всегда было дорогимъ.

Всѣ три султана были сонниты, и притомъ строгіе сонниты, но гоненіе на шіитство производилось только при Тогрулъ-бекѣ, когда везиремъ былъ еще не Низамольмолькъ. При Алпъ-Арсланѣ гоненіе прекратилось, исключительно благодаря совѣтамъ Низамольмолька, хотя самъ онъ былъ не шіитъ, а добрый соннитъ. Шіитское чувство могло быть польщено и тѣмъ, что и Алпъ-Арсланъ, и—это тѣмъ понятнѣе—Меликъ-шахъ совершили поклоненіе не только въ Мекку, но также, подъ воздѣйствіемъ везиря, къ гробницамъ святыхъ шіитскихъ имамовъ.

Къ великой чести и похвалѣ султана Меликъ-шаха надо сказать, что онъ въ дѣлѣ *вѣротерпимости* пошелъ гораздо дальше своего учителя и везиря. Низамольмолькъ понималъ, что религіозное вѣроисповѣданіе должно быть предоставлено свободной совѣсти каждаго человѣка, но находилъ, что на государственную службу принимать еретиковъ и иновѣрцевъ нельзя. Меликъ-шахъ былъ иного мнѣнія, и Низамольмолькъ въ своей «Сіясет-наме» горько на это жалуется:

> —«Въ царствованіе Махмуда и Мас'уда Газневидскихъ и сельджуковъ Тогрулъ-бека и Алпъ-Арслана никогда еврей, христіанинъ или еретикъ, не дерзнулъ бы явиться на военную службу или появиться передъ государемъ. Высокія должности предоставлялись знатнымъ тюркамъ, и начальники вѣдомствъ были люди съ чистой вѣрой, которые не допускали къ себѣ на службу еретиковъ.—«Лучше пусть враги не будутъ среди насъ!»—говорили они, и если султанъ Тогрулъ и султанъ Алпъ-Арсланъ узнавали, что какой-нибудь тюркъ или эмиръ допускалъ къ себѣ еретика, они дѣлали ему строгій выговоръ...

Все теперь измѣнилось, нѣтъ больше разницы для вѣроисповѣданія: если какой-нибудь жидъ завѣдуетъ дѣлами тюрковъ и занимаетъ должность, которая подобала бы лишь тюрку, это считается приличнымъ. То же допускается для парсовъ-зороастрійцевъ, для христіанъ, для карматовъ,—все одинаково. А вѣдь имъ нѣтъ дѣла до истиннаго исламскаго правовѣрія, они безпощадно взымаютъ подати и налоги съ правовѣрнаго народа. Государство—въ полномъ блескѣ, но боюсь сглазить: до чего оно можетъ дойти при такомъ положеніи дѣлъ!» [1]).

Черты администраціи сельджукскихъ провинцій.

Скорбь Низамольмолька усиливалась отъ того обстоятельства, что Алпъ-Арсланъ отмѣнилъ шпіонскій правительственный контроль надъ должностями.

При саманидахъ и газневидахъ [2]), если назначалось лицо на болѣе или менѣе отвѣтственную должность, то къ нему приставлялся шпіонъ-доносчикъ («мюшриф», «са́хыб-хебер»), иногда оффиціально извѣстный, и вообще шпіонство играло у нихъ значительную роль въ системѣ государственнаго управленія, даже въ мелочахъ: «курицу кто-нибудь присвоитъ, кулакомъ съѣздитъ,—объ этомъ государь сейчасъ получалъ доносъ»,—идеализируетъ Низамольмолькъ прежнее положеніе дѣлъ.—«А при сельджукахъ не то!» печалится онъ далѣе—и передаетъ слова Алпъ-Арслана, объясняющія, почему султанъ, съ его грубымъ, но чистымъ тюркскимъ прямодушіемъ, отмѣнилъ шпіонство и доносы: «Люди, искренно преданные мнѣ, не станутъ угождать шпіону, а кто за собою чувствуетъ грѣшки, станетъ подкупать его. И окажется, что я буду отъ доносчиковъ постоянно слушать хорошее о моихъ врагахъ и дурное о моихъ истинныхъ друзьяхъ; а вѣдь рѣчи—что стрѣлы: не попадетъ въ цѣль одна, не попадетъ другая-третья, но глядишь—одна какая-нибудь да и попала» [3]).

Само собою понятно, что приверженность Низамольмолька къ прежней системѣ доносительства вытекала вовсе не изъ какой-нибудь его любви къ доносчикамъ, а просто изъ сознанія необходимости имѣть правительственный контроль надъ дѣйствіями должностныхъ лицъ.

---

[1]) „Сіясет-наме", стр. 139 перс.=стр. 205-206 фр. (Нумерація главъ разная: гл. 44 перс.=гл. 42 фр.).

[2]) См. у насъ выше, стр. 111.

[3]) „Сіясет-наме", гл. X (стр. 65 перс.=стр. 98-99 франц.).

Необходимость контроля понималъ и государь Меликъ-шахъ, и онъ считалъ возможнымъ помочь дѣлу личными ревизіями. Въ теченіи своего двадцатилѣтняго царствованія Меликъ-шахъ нѣсколько разъ объѣхалъ свое обширное государство, чтобы лично убѣдиться, все ли въ порядкѣ и хорошо ли несутъ свою службу правители; положимъ, нѣкоторыя такія поѣздки могли совмѣщаться съ его военно-походными движеніями на границы [1]).

Правителямъ отдѣльныхъ областей пріѣзды государя должны были время отъ времени напоминать о существованіи центральной власти, но въ общемъ правители были довольно самостоятельны. Того централизма, къ какому стремился Махмудъ Газневидскій, у сельджуковъ не было. Въ ихъ кочевническомъ представленіи, государство есть общая собственность всей династіи, и каждый вождь въ своемъ удѣлѣ, словно въ степномъ улусѣ—хозяинъ. Обширная сельджукская держава и распадалась на 12 удѣловъ, которые были предоставлены въ управленіе сельджукскимъ князьямъ крови (напр. братъ Меликъ-шаха Тутушъ въ Дамаскѣ, двоюродный братъ—въ Малой Азіи, племянникъ ибнъ-Кавурдъ—въ Кирманѣ) и выдающимся военачальникамъ.

Вотчинно-феодальная сельджукская система.

Было одно сельджукское новшество, вредное значеніе котораго не вполнѣ, кажется, было ясно и проницательному везирю Низамольмольку [2]) и которое однако влекло почти къ закрѣпощенію сельскаго элемента—крестьянства и экономическому его обѣдненію. Это—надѣленіе войска феодальными помѣстьями (срв. лены, вотчины) вмѣсто денежнаго жалованья.

Во времена Саманидовъ и Газневидовъ случаи пожалованія земли выслужившимся дружинникамъ были рѣдкими, исключительными, единичными явленіями; Низамольмолькъ увѣряетъ даже, будто такихъ случаевъ

---

[1]) Увѣряютъ, будто Меликъ-шахъ объѣхалъ свои владѣнія полностью 12 разъ (Malcolm: „Hist. de Perse“, т. II, 1821, стр. 78-79), но, повидимому, эта цифра преувеличена, и рѣчь идетъ о частичныхъ объѣздахъ. Большихъ генеральныхъ ревизорскихъ объѣздовъ онъ, во всякомъ случаѣ, совершилъ два (см. въ „Таріх-и Гозідé“, перев. Дефремери, 1848, стр. 31 оттиска, 1849).

[2]) Срв. его „Сіясет-наме“, гл. V и XXIII. А можетъ быть—онъ просто считалъ невозможнымъ бороться съ этимъ явленіемъ.

и вовсе встарь не бывало [1]). Въ сельджукскомъ государствѣ надѣленіе военно-служилаго сословія вотчинными владѣніями («иqта́»‘=«нарѣзка», «надѣлъ») было правиломъ [2]). Каждый членъ царственнаго рода, каждый князь и военачальникъ-дружинникъ получали въ надѣлъ городъ или помѣстье, въ которомъ онъ, этотъ помѣщикъ-феодалъ, неограниченно распоряжался и наслѣдственно пользовался всѣми феодальными правами; крестьяне были ему подсудны, они ему отбывали барщину. За это вотчинникъ-феодалъ («иqта́‘да́р») обязанъ былъ поставлять въ случаѣ войны на службу султану опредѣленное количество ратныхъ людей, при чемъ снаряженіе ихъ и прокормленіе въ военное время онъ бралъ на свой счетъ; а кромѣ того помѣщикъ-икта́‘да́ръ взносилъ ежегодно въ казну опредѣленную сумму податныхъ денегъ.

Такихъ служилыхъ помѣщиковъ-вотчинниковъ въ одномъ только Иракѣ было до сорока, и всецѣло преобладающая ихъ часть были тюрки, лишь немногіе—арабы, напр. Дубейсы въ месопотамскомъ городѣ Хыллѣ, которые взносили султану ежегодную дань въ 40.000 червонцевъ.

Эта система вознагражденія военно-служилаго сословія помѣстьями въ завоеванныхъ странахъ дѣлается отнынѣ, съ сельджукскихъ временъ, всюду господствующей въ мусульманскомъ мірѣ, гдѣ только являются тюрки-завоеватели: въ Персіи и, потомъ, въ Индіи, въ османскомъ царствѣ—на территоріи бывшей Византійской имперіи, въ Египтѣ, въ сѣверной Африкѣ. Въ османскомъ царствѣ вотчинная («тимарная») система продержалась до временъ Махмуда II (1808-1839), пока не произведена была военная реформа и заведена правильная армія [3]).

Вполнѣ крѣпостнымъ правомъ, быть можетъ, этого и нельзя назвать. Низамольмолькъ напоминаетъ вотчинникамъ, что они не должны себя считать полными владѣтелями людей своей вотчины, а только взымателями и справедливыми распредѣлителями податей: «Разъ

---

[1]) „Сіясет-наме“, стр. 91-92 перс. текста=стр. 134-135 фр. пер.

[2]) Болѣе частый терминъ для обозначенія „вотчиннаго помѣстья“, удержавшійся въ Персіи донынѣ, есть джагат. „тіюль“ (тіулъ). У османовъ пожалованная вотчина называлась персидскимъ словомъ „тîма́р“ (букв.: попеченіе, охраненіе).

[3]) См. Alfr. von Kremer: „Culturgeschichte des Orients“, т. I (Вѣна 1875), стр. 254-255.

подать заплачена, каждый долженъ пользоваться полной безопасностью своей личности, имущества, жены и дѣтей. И движимое и недвижимое его имущество должны быть обезпечены противъ всякаго захвата,—помѣщикъ-вотчинникъ не смѣетъ на нихъ покушаться» [1]. Однако самая необходимость дѣлать подобныя напоминанія достаточно хорошо свидѣтельствуетъ, насколько власть помѣщика-вотчинника имѣла склонность обратиться въ крѣпостную [2]. И донынѣ въ Персіи крестьяне находятся (или, по крайней мѣрѣ, до революціи находились) въ состояніи очень близкомъ къ крѣпостному [3],—результатъ тюркской феодальной системы, введенной впервые сельджуками.

АССАСИНЫ. СУДЬБА НИЗАМОЛЬМОЛЬКА И МЕЛИКЪ-ШАХА.

Конецъ царствованія Меликъ-шаха и тридцатилѣтняго везирства Низамольмолька былъ омраченъ возникновеніемъ грозной секты, или ордена, ассасиновъ и интригами султанши Турканъ-хатунъ.

Ассасины (точнѣе «хашшяшін = потребители хашиша)—вѣтвь шіитовъ-исмаилитовъ, продолжатели знаменитыхъ карматовъ [4]. Основателемъ ассасинскаго толка явился старый пріятель Низамольмолька, очень широко образованный, но и адски честолюбивый Хасанъ ибнъ-ас-Саббахъ (короче—Хасанъ-Саббахъ), котораго Низамольмолькъ устроилъ было при дворѣ Меликъ-шаха въ Испаһанѣ. Хасанъ-

---

1) „Сіясет-наме", гл. V (стр. 28 перс.=стр. 40 франц.).

2) Подробности анекдота о помѣщичьихъ возмутительныхъ злоупотребленіяхъ, приведенныя у Низамольмолька въ той же 5-ой главѣ, взяты несомнѣнно изъ живой современной ему дѣйствительности, хотя самый анекдотъ отнесенъ ко времени сасанидскаго шаха Хосрова I Ануширвана VI вѣка.

3) См. напр новѣйшую работу Тигранова: „Изъ общественно-экономическихъ отношеній Персіи" (Спб. 1909).—Можно поэтому быть увѣрену, что нынѣшняя революція въ Персіи не кончится безрезультатно: она пріобрѣла питательные корни въ экономическомъ состояніи сельскихъ массъ, которыя только теперь, при революціи, почувствовали возможность сбросить съ себя крѣпостной гнетъ помѣщиковъ, владѣтелей „тіуловъ", и ужъ не допустятъ вторично вернуться крѣпостному праву. (Впрочемъ, см. и о положительныхъ сторонахъ современной тіюльной системы въ Персіи у Л. Ѳ Богданова: „Персія", Спб. 1909, стр. 126).

4) См. у насъ въ „Исторіи арабовъ", ч. II (1912), стр. 164, и отчасти въ „Ист. Персіи", ч. I, вып. 1 (1909), стр. 53-54 Внѣшнее отличіе исмаилитовъ отъ остальныхъ шіитовъ состояло въ томъ, что шіиты обычнаго типа признаютъ 12 имамовъ, потомковъ Алія, а исмаилиты—только 7, причемъ 7-ой есть Исмаилъ, VIII в.

Саббахъ сталъ интриговать противъ везиря, съ позоромъ былъ удаленъ отъ сельджукскаго двора и удалился (1078) въ Египетъ, къ Фатымидской шіитско-исмаилитской династіи, гдѣ получилъ высокое исмаилитское посвященіе. Года черезъ три Хасанъ вернулся въ Персію, велъ исмаилитскую пропаганду, іезуитски осноганную, какъ извѣстно, на неодинаковыхъ, разныхъ степеняхъ посвященія въ задачи секты, пріобрѣталъ приверженцевъ, особенно въ отдаленныхъ мидійско-прикаспійскихъ закоулкахъ; довольно вѣроятно, что къ Хасану-Сабаху охотно присоединялись остатки старо-персидскаго, еще сасанидскаго рыцарства [1]). Наконецъ въ 1090 году Хасанъ-Саббахъ коварствомъ отнялъ у одного изъ табаристанскихъ Алидовъ [2]) неприступную горную прикаспійскую крѣпость Аламутъ (т. е. «Орлиная выучка», или «Орлиное Гнѣздо» на мѣстномъ нарѣчіи) [3]), къ сѣверу отъ Казвина, и сталъ вмѣсто него княжить надъ его округомъ, какъ «шейхъ»=глава секты, или, правильнѣе, рыцарскаго ордена. Сверхъ Аламута, приверженцы Хасана-Сабаха овладѣли, словно экстерриторіальными оазисами на фонѣ сельджукскаго государства, многими другими замками, въ разныхъ мѣстахъ Персіи (при общей сельджукской системѣ феодальныхъ помѣстій не такъ тяжело было и ассасинамъ обзавестись, подъ шумокъ, своими собственными независимыми рыцарскими замками); но именно Аламутъ сдѣлался средоточіемъ новаго исмаилитскаго ордена, основаннаго Хасаномъ-Саббахомъ.

Отличительный признакъ исмаилитства—любовь къ просвѣщенію, къ широко-философскому образу мыслей; и главари ассасинскаго ордена, т. е. самъ Хасанъ-Саббахъ и его довѣренные сподвижники, были люди высоко интеллигентные, между прочимъ хорошо понимавшіе и политику, и психологію людей. Но въ составѣ ассасиновъ были и другіе люди. Аламутскіе главари умѣли привлекать—на низшія степени ордена—людей-изувѣровъ, служившихъ чуднымъ орудіемъ для ихъ политическихъ цѣлей. Послѣ утвержденія Хасана-Саббаха въ Аламутѣ, могущество и

---

[1]) Мысль—развитая В. Бартольдомъ; см. ниже библіографію, стр. 141.

[2]) Объ этихъ Алидахъ см „Исторію Персіи", т. I, вып. 1-ый (1909), стр. 55-56.

[3]) „Алуh", или „âлоh" значитъ по-персидски „орелъ". „Амут" словари и историки (напр. „Таріх-и Гозіде" XIV в.) объясняютъ какъ „гнѣздо хищныхъ птицъ"; но возможно, что мы имѣемъ дѣло съ основою глагола „амухт[ен]"=„учиться" (такъ объясняетъ и ибнъ-аль-Асиръ XIII в, каир. изд. 1290=1873, т. X, стр. 118:2, указывая, что мы имѣемъ дѣло съ дейлемскимъ выговоромъ). Срв. ниже, стр. 141, № 12.

грозное обаяніе его росло со сказочной силой и быстротой, и именно—благодаря людямъ, получившимъ лишь низшее (третьестепенное) орденское посвященіе: благодаря «фидавіямъ».

Фидавіями (или, по персидскому выговору—ф и д а́ и́) назывались беззавѣтно преданные послѣдователи Хасана-Саббаха, обрекшіе свою жизнь на жертву (араб. «фыда́»=жертва) съ цѣлью исполнить какое-либо порученіе своего главы («шейха»), напримѣръ тайно убить назначенное имъ лицо: вельможу, правителя, антиисмаилитскаго проповѣдника и т. п. Въ ассасинскомъ орденѣ это была лишь третья степень посвященія (тогда какъ всѣхъ степеней было семь). Преданы были фидавіи своему шейху между прочимъ и потому, что онъ, гласитъ преданіе, иногда наркотически усыплялъ того или другого при помощи хашиша и позволялъ ему предвкушать всѣ блаженства рая, ожидающія его въ томъ случаѣ, если онъ слѣпо будетъ слушать каждое приказаніе своего шейха. Когда вскорѣ потомъ ассасины распространились и въ Сиріи (въ началѣ XII в.) и тоже основали главное свое гнѣздо на одной горѣ, съ отдѣльнымъ шейхомъ, то и вожди крестоносцевъ и Саладинъ (Сала́хедди́нъ) имѣли много случаевъ испытать на себѣ роковое, непреодолимое могущество «шейха горы» [1]). Самое имя секты сдѣлалось въ европейскихъ языкахъ нарицательнымъ для всякаго коварнаго убійцы (франц. assassin, итальян. assassino).

Въ числѣ первыхъ жертвъ, намѣченныхъ мстительнымъ аламутскимъ шейхомъ Хасаномъ-Саббахомъ, естественно были его оба незабвенные испаhанскіе обидчики: «грубый тюркъ» и «мужиченокъ», т. е. султанъ Меликъ-шахъ и везирь Низамольмолькъ.

Однако «мужиченку» пришлось сперва потерпѣть отъ султанши Т у р к а н ъ - х а т у н ъ, жены Меликъ-шаха. Женщины у сельджуковъ, сохранявшихъ еще свои кочевые нравы, имѣли гораздо больше самостоятельности и значенія, чѣмъ у персовъ, и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ,—обстоятельство, на которое и Низамольмолькъ въ своей «Сіясет-наме» долженъ былъ намекнуть съ прискорбіемъ [2]). Турканъ-хатунъ тоже имѣла вліяніе. Наслѣдникомъ престола считался сынъ Меликъ-шаха отъ другой жены, старшій царевичъ Баркъ-ярукъ, а Турканъ-хатунѣ очень захотѣлось устроить на престолѣ своего сына Махмуда, хотя онъ былъ

---

[1]) Такъ, Конрадъ Монферратскій былъ убитъ ассасинами.

[2]) „Сіясет-наме", глава 43 (стр. 156 персид.=стр. 231 франц.).

самый младшій [1]). Везирь Низамольмолькъ сталъ за старшаго царевича, какъ законнаго наслѣдника. Своими навѣтами Турканъ-хатунѣ удалось поссорить своего мужа съ заслуженнымъ везиремъ.

Помириться они не успѣли, потому что Низамольмолькъ вскорѣ же палъ отъ руки ассасина-фидавія (1092 г., 14 окт.), который къ нему явился подъ видомъ просителя. Недѣль черезъ пять умеръ отъ горячки, или, можетъ быть, отъ ассасинской отравы самъ Меликъ-шахъ (19 ноября 1092).

Главный и достовѣрнѣйшій источникъ для изученія исторіи ассасинства есть ассасинская же біографія Хасана-Саббаха: «Сергозешт-и сейййд-на́», которая вмѣстѣ съ прочимъ архивомъ и библіотекой ассасиновъ досталась въ руки монгола Хулагу-хана (1256) при взятіи и разрушеніи имъ Аламута. Біографія эта и другія исмаилитскія книги была использована отчасти въ III томѣ «Исторіи Міро-завоевателя» историка Джовейнія (1260), который сопровождалъ Хулагу-хана въ походѣ, отчасти—во II томѣ «Свода лѣтописей» (ок. 1310 г.) везиря болѣе позднихъ монгольскихъ хановъ, Решидеддина. Ни Джовейній, ни Решидеддинъ въ соотвѣтствующихъ отдѣлахъ еще не изданы [2]). Французскій переводъ или критическій обзоръ того, что говорится у Джовейнія XIII вѣка объ ассасинахъ, помѣстилъ Дефремери въ «Journal Asiatique» 1856 (сент.-окт., стр. 357-369) и 1860 (февр.-мр., стр. 130-210). Изъ неизданнаго свода Решидеддина XIV в. извлекъ по-англійски свѣдѣнія Edw. Browne въ своей статьѣ о біографіи Хейяма въ «Journal of the Royal Asiat. Soc.» 1899 (апр., стр. 409-420) и примѣнилъ къ ассасинской исторіи во II томѣ своей «A literary history of Persia» 1906 (стр. 190 и слѣд.).—Изъ Решидеддина черпалъ авторъ «Избранной лѣтописи»=«Târîх-и Гозîде́» XIV в., соотвѣтствующія извлеченія изъ которой перевелъ Дефремери въ вышеназванной у насъ (стр. 121) своей работѣ о сельджукахъ и ассасинахъ 1848-1849 г. Сюда же примыкаетъ Мирхондъ XV в.; отдѣлъ изъ его свода, посвященный исторіи ассасиновъ, изданъ по-перс. съ франц. переводомъ Журдена въ IX т. «Notices et extraits» (1813).

Кромѣ того источниками по ассасинству, естественно, являются тѣ же персидскіе и арабскіе историки, что и по

[1]) Послѣ Баркъ-ярука шли по старшинству сыновья Мохаммедъ и Синджаръ.

[2]) И о Джовейніи, и о Решидеддинѣ, съ библіографіей, см. у меня подробно въ одновременно печатающейся III части „Исторіи Персіи“, стр. 40-43 и стр. 44-48.

исторіи сельджукской имперіи Меликъ-шаха (см. у насъ на стр. 120). Среди нихъ—арабъ-месопотамецъ ибнъ-аль-Асиръ (ум. 1232), который начинаетъ свои сообщенія объ ассасинахъ («бâтыніяхъ») въ отдѣлѣ событій 494=1100 г. (по каир. изд. 1290=1873, т. X, стр. 116 и слѣд.).

Европейскіе труды объ исмаилитахъ обыкновенно служатъ пособіями и по исторіи исмаилитскаго толка ассасиновъ. Перечислимъ ихъ:

1) J. v. Hammer: а) (Gesch. der Assassinen aus morgenländ. Quellen), франц. перев.: Histoire de l'ordre des Assassins, trad. de l'allemand par J. Hellert (Пар. 1833); б) его же разбросанныя многочисленныя сообщенія въ «Gesch. der Ilchane», 2 тт. (Дармштадтъ 1842; см. указатель во II т., стр. 396), вызванныя преимущественно сообщеніемъ о походѣ Хулагу-хана на ассасиновъ. Матеріалъ привлеченъ цѣнный (напр. Джовейній и Решидеддинъ), но обработанъ небрежно.

2) Silv. de Sacy: а) Exposé de la religion des Druzes, т. I (Пар. 1838), введеніе (привлечены Новейрій XIV в. и Макрызій XV в.); — б) Mémoire sur la dynastie des Assassins et sur l'origine de leur nom—въ «Mém. de l'Académie des Inscriptions» т. XVI.

3) G. Weil: Geschichte der Chalifen, т. II (Маннх. 1848), стр. 493-514 о началѣ исмаилитства и т. III (1851), стр. 204-211 объ ассасинахъ. Близокъ къ де-Саси; использованъ ибнъ-аль-Асиръ.

4) Defrémery—вышеназванные критическіе переводы «Târîх-и Гозîдé» XIV в. («Journ. As.» 1848) и Джовейнія XIII в. («Journ. Asiat.» 1856, 1860).

5) R. Dozy: Essai sur l'histoire de l'islamisme, франц. перев. (Лейд. 1879), глава IX (=стр. 257-314). Сводный очеркъ, близкій къ де-Саси и Дефремери [1]).

6) Stan. Guyard: а) Fragments relatifs à la doctrine des Ismaélis, avec traduction et notes (Пар. 1874=Notices et extraits, т. XXII, вып. 1);—б) Un grand-maître des Assassins (=сирійскій гросмейстеръ XII в., съ введ. о шіитствѣ и исмаилитствѣ)—въ «Journ. As.» 1877 (апр.-іюнь, стр. 324-489).

7) M. de Goeje: Mémoire sur les Carmathes du Bahrein et les Fatimides (Лейд. 1886). Прямо къ ассасинству не имѣетъ отношенія.

---

[1]) Съ искаженіями эта глава изъ Дози помѣщена у С. Уманца въ „Очеркѣ развитія религіозной мысли въ исламѣ", стр. 48-83 (Спб. 1890, отт. изъ „Христіанскаго Чтенія" 1887-1888).

8) Авг. Мюллеръ: Исторія ислама, т. II (Спб. 1895), гл. III-IV; т. III (1896), гл. II.

9) P. Casanova: Notice sur un manuscrit de la secte des Assassins—въ «Journ. Asiat.» 1898 (стр. 172 и сл.)—о связи басрійскаго философскаго сообщества неоплатоническихъ «Вѣрныхъ Друзей» X в. съ высшими стадіями исмаилитства [1]).

10) Лучшая попытка критически пересмотрѣть вопросъ—у Эдв. Брауна: A liter. hist. of Persia, т. I (1902), гл. 18, и т. II (1906), гл. 3-я.

11) Le Strange: The lands of the eastern caliphate (1905), стр. 220 и сл.

12) Cl. Huart: La forteresse d'Alamout—въ парижскихъ «Mémoires de la Societé de Linguistique», т. XV (1908), и, кажется, его же краткая замѣтка «Alamût» въ «Enzyklopaedie des Islam» (Лейд., т. I, вып. 5, 1910), стр. 262. Хюаръ стоитъ за то, что слово «аламут» значитъ не «орлиная выучка», а «орлиное гнѣздо».

13) I. Goldziher: Vorlesungen über den Islam (Хейдельб. 1910), стр. 247-253. Русскій нѣсколько урѣзанный переводъ: «Лекціи объ исламѣ», изд. Брокгаузъ-Ефронъ (Спб. 1912), стр. 220-224. Нѣсколько замѣчаній объ исмаилитствѣ вообще, безъ вникновенія въ ассасиновъ.

14) Замѣтка «Assassinen» въ лейденской «Enzyklopaedie des Islâm» т. I, вып. 8 (1911), стр. 510-511. Очень неисчерпывающая и спѣшно составленная [2]) компилятивная статейка.

15) W. Barthold: Die persische Schu'ûbîja und die moderne Wissenschaft—въ «Zeitschrift für Assyriologie» т. XXVI (1911). На стр. 249-257 развита мысль о сословной подкладкѣ ассасинства, о связи его съ послѣдними остатками доисламскаго персидскаго рыцарства. Въ «Мірѣ ислама» 1912 (№ 1, стр. 74) В. Бартольдъ ужъ безъ всякихъ ссылокъ на источники резюмируетъ свою мысль такъ: «Въ этомъ случаѣ религіозная идея, повидимому, была знаменемъ, подъ которымъ персидское рыцарство съ XI вѣка вело борьбу съ получившимъ преобладаніе при исламѣ городскимъ сословіемъ и съ усилив-

---

[1]) Срв. у насъ въ „Исторіи арабовъ и ихъ литературы", ч. I, 1912, стр. 148-149.

[2]) Неизвѣстный авторъ замѣтки утверждаетъ, что аламутская біографія Хасана-Саббаха: „Сер-гозешт-и сеййид-на" извѣстна намъ только по заглавію. Но

шейся бюрократической централизаціей». (Авторъ надо полагать, имѣетъ въ виду усиленіе централизаціи еще *до*-сельджукское).

Таблица аламутскихъ гросмейстеровъ ассасинскаго рыцарскаго ордена:

Хасанъ I ибнъ-Саббахъ	1090-1124
Бозоргъ-Омидъ	1124-1138
Мохаммедъ I ибнъ-Бозоргъ-Омидъ	1138-1162
Хасанъ II ибнъ-Мохаммедъ	1162-1166
Мохаммедъ II Нуреддинъ	1166-1210
Хасанъ III Джеляледдинъ	1210-1220
Мохаммедъ III Аладдинъ	1220-1255
Рокнеддинъ ибнъ-Мохаммедъ	1255-1256

мы ужъ указывали (стр. 139), что благодаря Джовейнію XIII вѣка и везирю Решидеддину нач. XIV вѣка мы имѣемъ изъ исмаилитской біографіи „сеййид-на“ значительныя извлеченія.

Возрожденіе и золотая пора персидской литературы

(IX-XI вв.).

Возрожденіе и золотая пора персидской литературы (IX-XI вв.).

I.

О ЛИТЕРАТУРѢ СТАРО-ПЕРСИДСКОЙ И САСАНИДСКОЙ.

Остатки и слѣды письменности при Ахеменидахъ и пареянахъ-Аршакидахъ.

Отъ древнѣйшей, т. е. еще ахеменидской персидской литературы у насъ нѣтъ письменныхъ остатковъ кромѣ клинообразныхъ царскихъ надписей (если не самого Кира и Камбиза, то Дарія Гистаспа, 522-486, и прочихъ ахеменидскихъ царей), начертанныхъ нарѣчіемъ южной Персіи [1]), и нѣкоторыхъ священныхъ книгъ Авесты [2]), составленныхъ на нарѣчіи, быть можетъ, сѣверо-западной Персіи, именно Мидіи [3]) и дошедшихъ до насъ въ редакціи ужъ III-VI в. послѣ Р. Х. (Это мы увидимъ дальше).

Но у древнихъ персовъ существовала, разумѣется, и поэзія: такъ, въ сказаніяхъ о Кирѣ, переданныхъ намъ греками (напр. Геродотомъ, ок.

---

1) Сводъ ахеменидскихъ надписей, съ переводомъ, изданъ былъ прежде Фр. Шпигелемъ (1862; 2-ое изд., Лейпц. 1881, съ грамм. и словаремъ) и К. Коссовичемъ (Спб. 1872), а новое критическое изданіе F. Weissbach: Die Keilinschriften der Achaemeniden (Лпц. 1911, стр. LXXXIV+160).

2) Прежде говорили: „Зендъ-Авесты", и нарѣчіе называли вм. авестійскаго „зендскимъ". На дѣлѣ же „зендъ", т. е. комментаріи къ Авестѣ, написаны не авестійскимъ нарѣчіемъ, а болѣе позднимъ, пеһлевійскимъ. Изданія и переводы Авесты—Шпигеля (1852-1868), de Harlez'a, Гельднера, Дармстетера (и по англ. и по-франц.), Вольфа (нѣм., Страссб. 1910). Грамматики авестійскаго нарѣчія—Юсти (1864), de Harlez (1882, удобна для начинающихъ), Шпигеля (1882), Гейгера (1883), Джексона (1892). Староиранскій словарь большой Бартоломе (Страссб. 1904; 1032 стр.), маленькій—Баручи (Бомб. Barucha, 1910).

3) J. Darmsteter: Etudes Iraniennes (Парижъ 1883), 2 тт. Прежде родину языка Авесты полагали (да и до сихъ поръ нѣкоторые иранисты полагаютъ) въ сѣверо-восточномъ Иранѣ, въ Бактріи (Бальхѣ), куда ушелъ со своею проповѣдью мидійскій пророкъ Заратуштра (Зороастръ, ок. 660-583) къ царю Виштаспѣ.

485-425) слышатся отголоски народнаго эпоса; Страбонъ (I в. до Р. Х.) говоритъ, что у старыхъ персовъ въ программу воспитанія дѣтей входили былины о богахъ и герояхъ. Александръ Македонскій, по словамъ Хареса Митиленскаго [1]), слушалъ въ Сузѣ персидскія пѣсни про богатыря Зарира и его любовь къ красавицѣ-мечтѣ. Высказывалось болѣе чѣмъ рискованное мнѣніе и, одну пору, считалось прямо популярнымъ [2]), что еще до Александра Македонскаго существовала въ Иранѣ и драматическая поэзія. Это-то сомнительно, но вообще указаній на старо-персидскую письменность и поэзію подбирается все больше и больше.

Завоеваніе Ахеменидскаго царства грекомъ Александромъ Македонскимъ произвело значительный перерывъ въ развитіи староперсидской литературы. Въ наступившій эллинистическій періодъ даже священная Авеста пострадала, хотя зороастрійство продолжало жить въ Иранѣ, какъ повсемѣстная религія населенія.

По словамъ житій пророка Заратуштры [3]), Авесту записалъ еще при концѣ жизни пророка (въ 591 г. до Р. Х. по европейскимъ соображеніямъ) Джамаспъ, министръ [бактрійскаго] царя Гоштаспа (Виштаспы) и преемникъ Заратуштры въ верховномъ первосвященническомъ санѣ. Большой исторической достовѣрности это зороастрійское преданіе не имѣетъ, но за то мы не имѣемъ большихъ основаній сомнѣваться въ достовѣрности другого зороастрійскаго преданія—что при одномъ изъ послѣднихъ Ахеменидовъ, передъ нашествіемъ Александра Македонскаго въ IV в. до Р. Х., въ сокровищницѣ царской хранился полный списокъ Авесты [4]). «Проклятый Александръ» при взятіи и сожженіи Персеполя (331 до Р. Х.) сжегъ этотъ драгоцѣнный списокъ св. писанія,—такъ говоритъ преданіе. Оставались, конечно, другіе, негосударственные ея списки. Но наступившій вѣкъ македонскаго владычества и эллинизма содѣйствовалъ тому, что пол-

---

[1]) цитируемаго въ „Застольныхъ бесѣдахъ софистовъ" египтянина Атенея III в. по Р. Х.

[2]) R. Dozy: Essai sur l'histoire de l'islamisme (Лейденъ 1879), стр. 457.

[3]) Житія Заратуштры мы имѣемъ лишь въ позднихъ пеhлевійскихъ сборникахъ IX в. по Р. Х., т. е. халифской эпохи (въ энциклопедическомъ сводѣ „Динкартъ", въ „Затъ-Спарамовскомъ изборникѣ"). См. стр. 155.

[4]) Списокъ ахеменидской Авесты, по словамъ зороастрійскаго преданія, представлялъ собою колоссальнѣйшую книгу, начертанную золотыми буквами на пергаменныхъ листахъ.

ная старая Авеста вообще растерялась и осталась въ обрывкахъ или устномъ храненіи. Прошло послѣ Александра Македонскаго не менѣе четырехъ столѣтій, самый языкъ Авесты давно сталъ мертвъ и оставался лишь церковнымъ (какъ латинскій для католиковъ или церковно-славянскій для православныхъ славянъ),—когда царь-аршакидъ Волагасъ распорядился, чтобы, для спасенія Авесты отъ забвенія, были собраны сохранившіеся письменные отрывки ея и записаны устные [1]). Вѣроятно, получившійся сводъ отличался полной неотдѣланностью и безсистемностью, потому что въ слѣдующій за аршакидскимъ періодъ, сасанидскій, мы слышимъ о новомъ редактированіи Авесты.

Языкъ, на которомъ была вновь записана при Волагасѣ Авеста, былъ внѣ сомнѣнія старый, мертвый авестійскій. Въ это время, однако, персы писали и на живомъ тогдашнемъ персидскомъ языкѣ, парѳянскомъ или—по другому выговору—п е һ л е в і й с к о м ъ [2]). Къ сожалѣнію, относительно состава пеһлевійской литературы при аршакидахъ мы дальше гаданій почти не можемъ идти.

Средне-персидская, или пеһлевійская литература.

Богатая литература на этомъ пеһлевійскомъ языкѣ, т. е. с р е д н е-персидскомъ по времени, разрослась у персовъ при династіи шаховъ-с а с а н и д о в ъ, которая смѣнила собою династію аршакидовъ. Славная четырехвѣковая сасанидская династія (224-651) замѣчательна въ культурномъ отношеніи, а золотой вѣкъ пеһлевійской литературы приходится на царствованіе великаго шаха Хосрова I Ануширвана (531-579) [3]).

---

[1]) Пеһлевійскій „Динкартъ" IX в. не говоритъ, который изъ Волагасовъ сдѣлалъ это дѣло. Вѣроятнѣе всего, это былъ тотъ могущественный парѳянскій націоналистъ Волагасъ I (51-78), который является современникомъ Нерона. О немъ см. у меня въ „Парѳіи и Аршакидахъ" (М. 1905), стр. 322-350. Гельднеръ однако въ своей статьѣ объ Авестѣ (въ „Grundriss der iran. Philol.", т. II, 1896, стр. 34) безъ достаточныхъ основаній полагаетъ, что это былъ болѣе поздній государь, Волагасъ III (148-191).

[2]) „п е һ л е в і" („паһлаві")—вполнѣ закономѣрная фонетическая разновидность слова „парѳаві" (=парѳянскій). Въ свою очередь названіе „Парѳія" фонетически сродно съ „Персія".

[3]) Нижеслѣдующій очеркъ пеһлевійскихъ литературныхъ явленій извлеченъ мною изъ того, который помѣщенъ въ моей „Исторіи Сасанидовъ" (М. 1905), въ работѣ о странствующихъ повѣствовательныхъ сборникахъ въ VIII вып. „Трудовъ

Пеһлевійская литература съ одной стороны развивала сюжеты мѣстные: догматико-религіозные, богатырско-историческіе, повѣствовательно-романтическіе, лирическіе, съ другой стороны—обогатилась замѣчательными переводами изъ литературъ индійской и греко-сирской.

Въ области религіозно-парсійской получила при сасанидахъ окончательную, каноническую редакцію непеһл. Авеста, послѣ чего безсистемная аршакидская редакція затерялась. Въ три пріема, срокомъ въ теченіи болѣе ста лѣтъ, начиная отъ царственнаго основателя династіи Ардешира I Папакана (224-242) съ его верховнымъ жрецомъ Тансаромъ и до Шапура II включительно (310-379), Авеста, по порученію сасанидскаго правительства, была обработана жрецами въ систематическій, правильный сводъ, очищена отъ неправовѣрныхъ наслоеній, дополнена чѣмъ нужно было (разумѣется, дополнялась на томъ же мертвомъ церковно-авестійскомъ языкѣ) и окончательно канонически утверждена была на соборѣ жрецовъ при Шапурѣ II. Получилось, по зороастрійскому утвержденію [1]), «точное отраженіе первоначальнаго свѣта»,—именно, только «отраженіе», а не точь-въ-точь та самая Авеста, которая существовала за тысячу лѣтъ передъ тѣмъ или, хотя бы, незадолго до Александра Македонскаго [2]). Тогда же, при Шапурѣ II, установлено было дѣленіе свода Авесты на 21 часть («наск») [3]). При дальнѣйшихъ саса-

---

по востоковѣдѣнію" Лазаревскаго Института (М. 1905) и въ работѣ объ Абанѣ Лахыкыѣ, арабскомъ версификаторѣ пеһлевійскихъ произведеній (=„Труды по востоковѣдѣнію", вып. XXXVII, М. 1913). Тамъ указана и библіографія. Добавить надо „Сасанидскіе этюды" К. Иностранцева (Спб. 1909).

[1]) См. въ „Динкартѣ" (IX в. по Р. Х.) кн. III, послѣднюю главу.

[2]) Неоднородность возникновенія частей Авесты сказывается и въ языкѣ ея. Есть въ Авестѣ мѣста очень архаичныя („Гаты", или т. н. псалмы Зороастровы), или хорошія въ грамматическомъ отношеніи; есть среднія, сносныя; есть совсѣмъ варварскія, вродѣ варварской латыни или нашей поздней церковнославянщины.

[3]) До насъ дошла изъ этой Авесты, быть можетъ, какая-нибудь 1/4. Содержаніе каждаго наска намъ извѣстно изъ пеһлевійскаго обзора IX в. по Р. Х., помѣщеннаго въ 8-ой книгѣ зороастрійской энциклопедіи „Динкартъ". Къ нашимъ временамъ дошло лишь то, безъ чего нельзя было совершать богослуженія и молитвъ и знать постановленій о чистотѣ и нечистотѣ, о грѣхахъ и ихъ искупленіи. Нынѣшнія сохранившіяся части Авесты называются: 1) „Ясна", т. е. чинъ божественной литургіи; 2) „Висперед" (=„всѣ верховные")—праздничныя литійныя моленія верховнымъ силамъ, вставляемыя въ Ясну; 3) „Вен-дî-дâд"= „противобѣсовское законодательство", родъ Кормчей книги или ветхозавѣтной

нидскихъ шахахъ постепенно дѣлался и общепонятный пеhлевійскій переводъ къ Авестѣ («з е н д»), обыкновенно связываемый съ золотымъ вѣкомъ Хосрова I Анушйрвана; повидимому, ок. 560 г. пеhлевійскій «зендъ» (=толкованія) къ Авестѣ былъ готовъ.— И вообще создалась на пеhлевійскомъ языкѣ цѣлая литература на темы, соединенныя съ Авестою. Возникъ рядъ духовныхъ пеhлевійскихъ сочиненій по зороастрійской догматикѣ и теогоніи. Напримѣръ, въ связи съ одною изъ книгъ Авесты (о міротвореніи) возникла зороастрійская свѣтско-религіозная космогонія и космографія съ указаніемъ послѣднихъ судебъ міра [1],—книга, которая намъ извѣстна лишь въ халифатской (но тоже на пеhлевійскомъ языкѣ) передѣлкѣ подъ заглавіемъ «Б у н д е h е ш ъ» [2]. Къ тому же типу относится сказаніе объ экстатическомъ вознесеніи на небо и нисхожденіи въ загробный міръ святого жреца-Вирафа временъ отца Анушйрвана: «А р д â - В î р â ф - н â м а к» [3]) и другіе подобные памятники, полурелигіозные, полунаучные-свѣтскіе.

Иранско-зороастрійская э т и к а воплотилась въ литературномъ типѣ разныхъ пеhлевійскихъ наставительныхъ «андардж»-ей, или «п а н д- н а м а к»-о в ъ (новѣе выговоръ: «пенд-намé»), т. е. «Книгъ совѣтовъ». Сюда относится «Мудрость Хушенга» (баснословнаго царя) [4]), панд-намакъ Ардешира, панд-намакъ Хосрова, и т. п. Сюда же относится и панд-намакъ мудраго министра-премьера при шахѣ Хосровѣ I Анушйрванѣ (531-579) Б о з о р г ъ - м и h р а, имя котораго донынѣ употребляется

Книги Левитъ; 4) „Я ш т ы"—славословія божественнымъ духамъ на каждый день мѣсяца: 5) „М а л а я А в е с т а"—обиходный молитвенникъ для мірянъ.

[1]) Наука больше всего культировалась въ кругу духовенства,—оттого и характеръ ея не чисто свѣтскій, даже когда дѣло касается совсѣмъ, казалось бы, свѣтскаго предмета космографіи.

[2]) Извѣстная намъ компиляція „Бундеhешъ"—уже IX вѣка. См. E. West: „Pahlavi literature" во II томѣ „Grundriss der iran. Philol." (1896), стр. 100. Весту принадлежитъ и англійскій переводъ „Бундеhеша" (Оксф. 1880). Факсимильное, фотоцинкографическое изданіе „Бундеhеша" по старинной рукописи сдѣлано въ Бомбеѣ 1908 (стр. XXXVI и 84 и 240) въ „Pahlawi texts series" (=т. III).

[3]) Текстъ „Вирафовой книги" съ англ. перев. издали Хошенгъ и Хаугъ (1872). Француз. переводъ А. Бартелеми: „Le livre d'Ardâ Viraf" (Пар. 1887).

[4]) Пеhлевійскій текстъ „Мудрости Хушенга" утерянъ, но есть арабскій переводъ халифатскихъ временъ.

какъ символъ идеальнѣйшаго министра [1]; въ предисловіи къ его «Книгѣ совѣтовъ» сказано, что она составлена была для царской сокровищницы (=библіотеки) по повелѣнію самого Хосрова [2]. Былъ сдѣланъ даже сводъ извлеченій изъ нѣсколькихъ андарджей (мудрости Хушенга и т. п.) и озаглавленъ «Вѣчный разумъ»=«Д ж а́ в и д а́ н - х и р е д». Впрочемъ, не смотря на чисто-національныя заглавія всѣхъ подобныхъ «Книгъ совѣтовъ» трудно поручиться, чтобы онѣ остались чужды вліянія сосѣдней страны, классической родины наставительныхъ произведеній—Индіи. Черты сходства, напр., между «Вѣчнымъ разумомъ» и индійской «Книгой добрыхъ совѣтовъ» (=Хитопадеша) во всякомъ случаѣ уловить возможно [3].

Національныя сказанія объ иранскихъ богатыряхъ и царяхъ (т. е. б ы л и н н ы й э п о с ъ и и с т о р і я) оффиціально собраны были сперва при Хосровѣ I Анушairванѣ (531-579) и потомъ при послѣднемъ сасанидѣ въ цѣлую «К н и г у в л а д ы к ъ» (пеhлев.=«Хватâй-нâмак», новый выговоръ Ходай-наме), наряду съ которой отдѣльно существовали пеhлевійскія сказанія о томъ или другомъ изъ героевъ: «Памятная книга п о д в и г о в ъ З а р и р а»=«Яткар-и Заріра́н»

---

[1]) „Б о з о р г - м и h р"—это выговоръ новоперсидскій; по-пеhлевійски онъ называется Ваджôрг-митрô.

[2]) „П а н д - н â м а к - и В а д ж ô р г - м и т р ô - и Бухтакâн" издана Дастуромъ Пешотаномъ, съ англійскимъ переводомъ, подъ инымъ заглавіемъ: „Гяндж-и шайега́н" (=Царская сокровищница). См. „Le Muséon", т. VI, (1887), 2:5; „Grundriss der iran. Philol.", II (1896), стр. 113, въ вышеназванной статьѣ Веста.—Главная послѣисламская литература о министрѣ Бозорг-миhрѣ указана у Нельдеке въ переводѣ Табарія: „Gesch. der Perser und Araber zur Zeit des Sasan" (1879), стр. 251-252, а кромѣ того см. статью Эте́ (въ отдѣлѣ о наставительной новоперсидской литературѣ) въ Grundriss-ѣ II (1896), стр. 346, и „Сасанидскіе этюды" К. Иностранцева (Спб. 1909), стр 16. В. Бартольдъ въ статьѣ „Die persische Schu'ubijja" (въ „Zeitschr. für Assyriologie" 1911, т. 26, стр. 265-266) высказываетъ догадку, что пеhлевійскій „Панд-намакъ" Бозорг-миhра не есть произведеніе сасанидскихъ временъ, а зороастрійская поддѣлка халифатской эпохи, періода персидскаго націонализма-шо'убійства.

[3]) К. Иностранцевъ: „Матеріалы для культурной исторіи сасанидской Персіи"—въ Зап. Вост. Отд., т. 18 [1907], стр. 180-181 [или стр. 68-69 отд. оттиска]. Пеhлевійскій текстъ „Вѣчнаго разума" [„Джа́вида́н-хиред"] затерянъ, но есть арабскій переводъ съ него халифатскихъ временъ. См. у К. Иностранцева указ. мѣсто и Броккельманна: „Gesch. der arab. Litteratur", т. I [1898], стр 342, въ рубрикѣ объ арабской передѣлкѣ ибнъ-Мискавейhа X-XI в.

(Заниръ—братъ царя Виштаспы, покровительствовавшаго Зороастру), «Дѣянія Ардешира», «Дѣянія Ануширвана» и т. п. [1]). Къ отдѣлу, какъ будто, историческихъ произведеній относилась и «Книга про Маздака» (еретика-коммуниста V-VI в.), нѣчто вродѣ историческаго пріукрашеннаго романа. Она скорѣе, впрочемъ, являлась произведеніемъ литературы не исторической, а собственно ужъ романтической [2]).

Изъ художественныхъ пеhлевійскихъ произведеній на романтическіе сюжеты—тому же мудрому Бозоргмиhру, везирю Ануширвана, который славенъ своей «Книгой совѣтовъ», приписывается составленіе романа: «Вамикъ и Азра». Не менѣе знаменитъ былъ пеhлевійскій романъ «Виса и Раминъ» и многіе другіе, которые мы затѣмъ находимъ въ новоперсидскихъ передѣлкахъ.

Какъ и всюду, гдѣ есть литература, существовала при сасанидахъ и пеhлевійская лирическая поэзія, въ несомнѣнно стихотворной формѣ [3]). Знаменитымъ пѣвцомъ-лирикомъ, поэтомъ-музыкантомъ при сасанидскомъ шахѣ Хосровѣ II Первизѣ (590-628) былъ Баhлябедъ (иначе—Барбедъ) [4]). Къ великому сожалѣнію, мы не имѣемъ ни одного сохранившагося пеhлевійскаго лирическаго стихотворенія. Возможно

---

[1]] Въ главѣ о Фирдовсіѣ и „Шаh-наме" мы еще вернемся къ этой исторической пеhлевійской литературѣ. „Подвиги Зарира" и „Дѣянія Ардешира" дошли до насъ по пеhлевійски; „Книгу владыкъ" мы имѣемъ лишь въ арабскомъ переводѣ [у Габарія, ум. 923] и персидской Фирдовсіевой передѣлкѣ.

[2]] См. у меня въ работѣ про Абана Лахыкыя [М. 1913=„Труды по востоковѣдѣнію", вып. 37], стр. 31-32. „Книга про Маздака" совсѣмъ затеряна.

[3]] Изящная легенда гласитъ, что у шаха Беhрама V Гура [420-438] и его милой Диль-арамъ сердца бились въ тактъ, и оттого ихъ любовная бесѣда излилась ритмическими стихами съ созвучіями, какъ отголосокъ эхо. [Довлетъ-шахъ XV в.: „Біографіи поэтовъ", изд. Брауна 1901, стр. 28-29]. О метрахъ сасанидскихъ [напр. предполагаемомъ „хафифѣ"] см. ниже, при новоперсидскомъ возрожденіи.

[4]] Эдв. Браунъ сперва въ „Journ. of the R. Asiat. Soc." 1899 [янв.], потомъ въ своей „A literary history of Persia", т. I [1902, стр. 14-15], перечислилъ арабскихъ и персидскихъ писателей VIII-XIV в., которые даютъ сообщенія о Баhлябедѣ. Добавить нужно очень интересное показаніе философа аль-Фарабія [ум. 950] въ его трактатѣ о музыкѣ, который еще въ 1840 г. обстоятельно былъ изложенъ и частію переведенъ Козегартеномъ въ его латинскомъ введеніи къ „Liber cantilenarum" [см. тамъ стр. 201].

однако думать, что въ лирикѣ сасанидской могли быть мотивы и заимствованные. Въ высшей степени вѣдь вѣроятно, что музыкальное композиторство у сасанидскихъ персовъ развивалось не безъ сильнаго вліянія музыки индійской [1]; почему же не допустить вѣроятности, что и самое содержаніе нѣкоторыхъ пеhлевійскихъ лирическихъ романсовъ, самыя слова музыкально исполняемой сасанидской лирики— могли бывать простымъ переводомъ съ индійскихъ романсовъ? Въ этомъ смыслѣ, на сасанидскую лирику могла оказывать извѣстное вліяніе Индія. Это, конечно, лишь наша гипотеза [2].

Есть у насъ однако другіе, общеизвѣстные и неоспоримые факты литературнаго общенія пеhлевійской литературы съ индійской. Именно— въ области т. н. странствующихъ повѣствовательныхъ сборниковъ Напримѣръ, при Хосровѣ I Ануширванѣ ок. 550 г. переведена была книга т. н. басенъ Бидпая («Калилакъ и Даманакъ»; срв. «Паньчатантру»), да вѣроятно тогда же переведена была съ индійскаго на пеhлевійскій «Книга мудреца Сиддапати» о женскомъ коварствѣ (Синдибáд-нáмé). Несомнѣннѣйшій индійскій сюжетъ—и повѣсть о Варлаамѣ и Іоасафѣ (житіе Будды). По всей вѣроятности при Хосровѣ-Ануширванѣ (полагаютъ, что и значительно раньше) переведены были такъ же на пеhльви съ индійскаго кое-какія повѣсти, подходившія къ типу «Тысячи сказокъ», и редактирована самая «Тысяча сказокъ» [3].

Переводы на пеhлевійскій языкъ дѣлались и изъ области индійской науки. Славилась у индусовъ астрономія (какъ математическая, такъ и астрологическая, съ заманчивыми предсказаніями о будущемъ),

---

[1] Срв похвалу индійцамъ, какъ музыкантамъ, у Джахыза IX в. [„'ria opuscula“, edid. van Vloten, Лейд. 1903, стр. 84] и [взятое изъ стараго источника] замѣчаніе въ антологіи Хосрія XI в [изд. на поляхъ „'Ыкда“, егип. изд. 1293=1876 г.], т. I, стр. 142-143, гдѣ игра на лютнѣ считается заимствованной персами оттуда же, откуда и шахматы, т. е. изъ Индіи.

[2] Мнѣ не извѣстно, высказывалъ ли ее кто-нибудь.

[3] Напоминаю, что подробную библіографію странствующихъ повѣстей можно найти въ моихъ работахъ въ VIII-мъ и XXXVII-мъ выпускахъ „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ Лазаревскаго Института.

славилась и медицина [1]). Пеhлевійскіе переводы книгъ медицинскихъ могли имѣть серіозную научную цѣнность [2]); повидимому однако главную прелесть для персидскихъ читателей представляли переводныя книги индійской лженауки астрологіи, предсказывающія будущее, и вообще книги о примѣтахъ счастливыхъ и несчастливыхъ—по явленіямъ въ природѣ, по полету птицъ, по крикамъ животныхъ, по трепетанію собственнаго тѣла, по наблюденію надъ лопаткою (то, что мы называемъ «лопаточники», «трепетники»), и т. п. Авторство такихъ астрологическихъ и иныхъ примѣтниковъ приписывалось индусскому мудрецу Гаубарѣ [3]).

Все-таки главнымъ источникомъ переводной пеhлевійской научной литературы была наука не индійская, а греко-сирская.

Христіане-арамейцы (сиріяне) составляли въ сасанидскомъ царствѣ вообще огромнѣйшую культурную (и даже политическую) силу. Ихъ литература, тѣсно соединенная съ церковно-философской греческой, какъ-разъ переживала при сасанидахъ періодъ своего блестящаго разцвѣта [4]) и производила сильнѣйшее вліяніе на научную пеhлевійскую. Изъ этой-то греко-сирской литературы шло въ пеhлевійскую знакомство съ лучшими произведеніями греко-классической науки. Появлялись на пеhлевійскомъ языкѣ сочиненія логико-философскія (Аристотель и его комментаторы), сочиненія медицинскія, математическія, астрономическія. Сирская литература шла въ своемъ развитіи часто рука объ руку съ пеhлевійской и была персамъ доступна; сирскій переводъ логическихъ сочиненій Аристотеля, сдѣланный придворнымъ несторіаниномъ Павломъ Дершеhрскимъ, былъ посвященъ шаху Хосрову I Ануширвану. И на самую родину греческой науки, въ далекую Грецію, гдѣ императоръ Юстиніанъ гналъ язы-

---

[1]] Срв. отзывы Джахыза IX в. [напр. „Tria opuscula", Лейд. 1903, стр. 84-85], псевдо-Джахыза: „Книга о гаданіяхъ и примѣтахъ" [перев К Иностранцева въ „Зап. Вост. Отд." 1907, стр. 141], соотвѣтствующія главы библіографіи „Фиhристъ" [988] и т. п.

[2]] См. въ страссбургскомъ „Grundriss der indo-arischen Philologie" статью J. Jolly: „Indische Medicin", т. III [вып. 10], 1901, стр 18.

[3]] По пеhлевійски ни одна такая астрологическая книга не дошла до насъ, но обрывки есть въ арабскихъ переводахъ См. обѣ вышецитированныя работы К. Иностранцева: „О примѣтахъ" [1907], и „Сасанидскіе этюды" [1909].

[4]] См. мой „Очеркъ сирской литературы" во второй части „Семитскихъ языковъ и народовъ" [М. 1910], стр. 176-214.

ческую философію. долетала слава о Хосровѣ I Анушірванѣ какъ о царѣ-философѣ (это, разумѣется, было преувеличеніемъ, потому-что шахъ Хосровъ лишь уважалъ философію. но не былъ самъ знатокомъ ея). Послѣдніе греческіе неоплатоники, спасаясь отъ Юстиніана, даже пріѣхали было въ Персію къ шаху: они разсчитывали найти при его дворѣ царство философіи [1]).

Отмѣтимъ, наконецъ въ пеhлевійской литературѣ нѣчто вродѣ огромной справочной энциклопедіи общественно-домостройныхъ знаній и провѣренныхъ полезныхъ правилъ, самаго общедоступнаго характера,—книги, предназначенной повидимому для руководства правителямъ и государственнымъ людямъ. Эта энциклопедія правительственной мудрости, объемомъ въ нѣсколько тысячъ листовъ [2]), называлась «Áї н-н â м é»=«Уставная книга» (что мы съ вольностью переведемъ: «Правительственный домострой»). Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она примыкала къ типу «Книгъ совѣтовъ», но была несравненно всестороннѣе. Въ «Аи́нъ-намé», для руководства правителю и для выясненія идеальнаго, желательнаго его образа дѣйствій, привлечены были, съ одной стороны, дѣльныя наблюденія, эмпирически вытекавшія изъ сасанидскаго (или иного назидательнаго) установленнаго государственнаго строя, изъ пережитаго государственнаго опыта, изъ прошлыхъ историческихъ фактовъ, а съ другой стороны—использованы были для той же цѣли авторитетныя данныя наукъ или лженаукъ индійской и греческой. Среди статей перваго рода мы видимъ въ «Аи́нъ-намé» напр. статьи по теоріи военнаго дѣла, объ устройствѣ войска и способѣ веденія войны, о военныхъ упражненіяхъ и развлеченіяхъ (стрѣльбѣ изъ лука, конной игрѣ въ мячъ съ помощью палки-«савладжана», т. е. игрѣ «поло»). Были статьи о прочихъ сословіяхъ кромѣ военнаго, объ общественной іерархіи, о придворныхъ и государственныхъ чинахъ и ихъ градаціи («Гаh-намé»), о придворномъ этикетѣ, о юстиціи и судопроизводствѣ, и т. п. Среди статей второго рода, т. е. практически научныхъ, или лженаучныхъ. видное мѣсто отводилось астрологіи съ ея предзнаменованіями, могущими регулировать жизнь человѣка,

---

[1]] Этого-то они, не нашли, но ласковый пріемъ былъ имъ оказанъ, и въ военномъ договорѣ съ Византіей былъ помѣщенъ пунктъ о неприкосновенности этихъ неоплатониковъ въ Греціи. См. о нихъ у историка Агаѳія VI в., кн. II.

[2]] Мас'удій X в: „Le livre de l'avertiss ment, trad. Carra de Vaux“ [1897], стр. 149; араб. текстъ Мас'удія въ VIII т. „Bibl. geogr. arabic.“ [Лейд. 1894], стр. 104

и вообще всякимъ примѣтамъ, равно какъ медицинско-гигіеническимъ совѣтамъ и признакамъ [1]). Авторитеты, которымъ приписывалась эта мудрость, были вышеупоминавшійся мудрецъ-индусъ Гаубара, мудрецъ-врачеватель грекъ Иппократъ и, это ужъ неизбѣжно, воплощеніе всякой греческой мудрости—самъ Аристотель; по всему вѣроятію, наука, приписываемая Аристотелю, влагалась въ его уста въ видѣ наставленій или посланій, направляемыхъ къ его царственному питомцу Александру Македонскому [2]).

Судьба пеһлевійской литературы

Повидимому, пеһлевійскій языкъ къ концу сасанидскаго періода ужъ не вездѣ былъ для Персіи живою разговорною рѣчью, и это могло быть одною изъ немаловажныхъ причинъ того факта, что, когда Персію завоевали арабы и правительственнымъ языкомъ сталъ арабскій, письменное употребленіе пеһлевійскаго языка значительно сократилось, несмотря на то, что зороастрійская религія продолжала при халифахъ оставаться преобладающей религіей массы персидскаго населенія и литературныя пеһлевійскія произведенія продолжали заботливо храниться. Вполнѣ живой языкъ дольше бы сохранилъ свою литературную силу и отстаивалъ себя.

Предположить, что пеһлевійская литература сразу же послѣ арабскаго нашествія умерла, разумѣется, нельзя ни въ какомъ случаѣ. Во первыхъ, сохранялась въ цѣлости та богатая масса литературныхъ произведеній на пеһлевійскомъ языкѣ, какая создалась при сасанидахъ; и мы имѣемъ яркія указанія арабскихъ историковъ о тѣхъ превосходныхъ библіотекахъ пеһлевійскихъ рукописей научнаго или отвлеченнаго содер-

---

[1]] Сохранившіеся [на арабскомъ языкѣ] большіе отрывки и малыя цитаты изъ „Аинъ-намé" переведены въ вышецитированныхъ работахъ К. Иностранцева [1907, 1909]. Но понятіе о цѣломъ составѣ „Аинъ-намé" мы можемъ приблизительно получить по халифатскимъ энциклопедіямъ-домостроямъ, которыя несомнѣнно стоятъ въ генетической связи съ сасанидской „Аинъ-намé".

[2]] Мнѣ думается, что тѣ псевдо-Аристотелевы посланія къ Александру Македонскому, которыя перевелъ на арабскій языкъ еще въ омейядскую пору персъ Са̂лимъ, „ка̂тибъ Хиша̂ма", представляли собою переводъ изъ пеһлевійской „Аинъ-намé", и что болѣе позднюю форму ихъ мы имѣемъ въ знаменитой домостройной энциклопедіи „Тайна тайнъ", которая попала и на Русь подъ именемъ „Аристотелевыхъ Вратъ". См. мою работу объ Абанѣ Лахыкыѣ [1913, стр 6-7] и экскурсъ въ „Исторіи Арабовъ", ч I [1912], стр. 127-132.

жанія, которыя напр. двѣсти лѣтъ спустя послѣ арабскаго завоеванія служили для самихъ арабовъ же источникомъ просвѣщенія [1]). Во вторыхъ зороастрійцы (а ихъ было больше, чѣмъ мусульманъ, въ покоренной арабами Персіи) не могли порвать съ литературной пеһлевійской традиціей просто даже въ силу соображеній религіозныхъ. Тѣмъ не менѣе мы стоимъ передъ фактомъ, что дальнѣйшее творчество на пеһлевійскомъ языкѣ сократилось въ арабскій періодъ. Послѣисламскія новыя пеһлевійскія произведенія менѣе гонятся за литературными интересами характера общаго, и новое творчество на пеһлевійскомъ языкѣ проявляется преимущественно въ писаніяхъ на темы зороастрійско-религіозныя и близкія къ нимъ, обыкновенно притомъ компилятивныя.

Изъ послѣисламскихъ сочиненій на пеһлевійскомъ языкѣ, писанныхъ на темы религіозныя, нѣкоторыя очень важныя относятся къ IX вѣку, приблизительно ко временамъ халифа аль-Ма'муна. Отмѣчавшаяся нами среди литературы сасанидской парсійская космогонія и космографія «Бундеһешъ» есть вѣдь произведеніе IX вѣка, лишь скомпилированное изъ старинныхъ источниковъ. Къ IX-му же вѣку относятся и нѣкоторыя другія цѣнныя пеһлевійскія компиляціи, напр. энциклопедія зороастрійскаго вѣроученія «Динкартъ»=«Чинъ вѣры» и энциклопедическій же сводъ керманскаго первосвященника Затъ-спарама, т. н. «Затъ-спарамовскій изборникъ» [2]). И Динкартъ, и Затъ-спарамовскій изборникъ, между прочимъ, цѣнны для насъ тѣмъ, что сохранили въ себѣ старинныя житія пророка Зороастра [3]).—Что касается про-

---

[1]] Ниже мы полностью приведемъ характерный разсказъ историка ибнъ-Гейфура Багдадскаго [ум. 893] о мервской библіотекѣ пеһлевійскихъ рукописей.

[2]] О „Динкартѣ" см. замѣтку E. West'a въ „Grundriss der iran. Philol.", т. II [1896], стр. 91-98. Изъ изданій „Динкарта" замѣчательны: а] огромное, съ гуджератскимъ и англійскимъ переводами, 11 тт. (Бомбей-Лондонъ, 1874-1910);—б) двухтомное (стр. XX и 953) бомбейское 1911. Про „Selections of Zat-sparam" см. у Веста въ „Grundriss"-ѣ II, 105.

[3]] Житія Зороастра, извлеченныя изъ обоихъ сборниковъ, переведены Э. Вестомъ, съ критическими объясненіями, въ серіи „The sacred books of the East" (№ 5, Оксфордъ 1880; № 47, Оксф. 1897: „Marvels of Zoroastrianism"). Переводчикъ попытался отбросить въ обоихъ этихъ житіяхъ разныя баснословныя, чудесныя наращенія, чтобы изъ подъ этой священной шелухи извлечь подлинную историческую основу. Послѣ Веста еще лучше справился съ этой задачей A. Jackson въ своей монографіи о Зороастрѣ (Нью-Йоркъ 1899; 2-е изд. 1901;

явленій послѣисламской пеһлевійской литературы свѣтской, то высказывалось напр. предположеніе, что «Книга совѣтовъ» Анушірванова министра Бозоргмиһра есть зороастрійскій элаборатъ тоже халифскаго періода: на дѣлѣ такой министръ, быть можетъ, вовсе не существовалъ, и пеһлевійская Бозоргмиһрова Книга совѣтовъ есть, м. б., псевдэпиграфъ, составленный зороастрійцами съ цѣлью хвастнуть передъ мусульманами своимъ славнымъ прошлымъ [1]).

Съ каждымъ столѣтіемъ число зороастрійцевъ въ Иранѣ уменьшалось, и исчезали понимавшіе пеһлевійскій языкъ безъ трудности (пеһлеви, хоть и очень близокъ къ ново-персидскому, все же отъ ново-перса требуетъ предварительнаго изученія). Гоненія, которыя воздвигнуты были противъ зороастрійцевъ вмѣстѣ съ преобладаніемъ тюрковъ-фанатиковъ въ исторіи ислама, заставили многихъ зороастрійцевъ («парсовъ») покидать родину, искать прибѣжища въ Индіи. Литература пеһлевійская среди смутъ растерялась. Осталось почти только то, что имѣло религіозную важность для жрецовъ зороастрійства.

Попутно напомнимъ, что растерялась не только пеһлевійская литература,—растерялась и сама Авеста, священное писаніе парсизма; правда, что въ силу своего архаичнаго иранскаго языка она была совсѣмъ непонятна для читателей, несравненно непонятнѣе чѣмъ пеһлевійскія книги. Въ сводѣ «Динкартѣ» IX в. мы еще видимъ ея наличность (тамъ, въ 8-ой книгѣ, изложено содержаніе всѣхъ 21 «насковъ» Авесты), а къ нашимъ временамъ изъ цѣлой Авесты осталось только то, безъ чего нельзя было совершать зороастрійскаго богослуженія-литургіи и домашнихъ молитвъ и что необходимо было для обрядового-кормчаго поученія зороастрійскимъ іереямъ [2]).

За то, тѣмъ временемъ, блестяще развилась литература новоперсидская, мусульманская.

стр XXIII и 312; неполный русскій переводъ А Погодина, Спб 1903, безъ удостовѣрительныхъ „Appendices" монографіи Джексона). Джексону же принадлежитъ резюме его изслѣдованій о Зороастрѣ—въ „Grundriss der iran. Philol." II (1900), стр. 620-631.

[1]) Объ этой гипотезѣ В В. Бартольда [1911] см выше, стр. 149.

[2]) См. выше, стр 148-148 снока.

II.

ЗАЧАТКИ НОВОПЕРСИДСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Медленное, постепенное сляніе арабовъ и персовъ въ юномъ халифатѣ.

Въ I вѣкѣ арабскаго владычества надъ Персіей, т. е. при первыхъ четырехъ халифахъ и при династіи Омейядовъ, покорители-арабы и покоренные-персы довольно мало смѣшивались, по крайней мѣрѣ въ первую половину столѣтія. Омейядскіе арабы стояли непривѣтливыми гарнизонами въ завоеванной ими странѣ, взымали подати съ населенія и, съ націоналистическимъ презрѣніемъ, гордо смотрѣли на не-арабовъ, на инородцевъ,—гордо даже въ томъ случаѣ, когда инородцы принимали мусульманскую религію. Подданные, люди высшей культуры, платили заносчивымъ варварамъ если не отвѣтной заносчивостью, то ненавистью.

Въ то же время, разумѣется, покоренные не могли не считаться съ фактомъ силы побѣдителей и должны были пріурочиваться къ своимъ новымъ господамъ: считаться съ ихъ обычаями, знать ихъ языкъ. Канцелярскимъ языкомъ инородческихъ покоренныхъ областей въ теченіи первой половины омейядскаго господства оставался сперва письменный мѣстный,—въ Персіи, значитъ, прежній сасанидскій, пеһлевійскій; во вторую половину, со временъ Абдальмалика, канцелярское дѣлопроизводство велось по-арабски,—и тогда инородцамъ пришлось изучать арабскій языкъ поближе и, въ случаѣ канцелярской нужды, писать на немъ. Для той части персовъ, которая приняла мусульманство, знаніе арабскаго языка было необходимо не только въ силу ихъ болѣе близкаго отношенія къ арабской администраціи: сверхъ этого—арабскій языкъ былъ вѣдь языкъ Корана, языкъ ихъ новой религіи, и пріучаться къ нему слѣдовало.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, постепенно, въ теченіи I вѣка һиджры, совершалось явленіе, которое вообще часто наблюдается, когда завоеватели менѣе культурны, чѣмъ завоеванные ими жители. Культура завоеванныхъ побѣждала завоевателей. Къ концу омейядскаго періода мы то тамъ, то сямъ видимъ у побѣдителей-арабовъ интересъ къ умственной жизни покоренныхъ ими народовъ: въ Дамаскѣ—къ литературѣ грековъ и сиріянъ, въ полуперсидской-полуарабской Басрѣ—къ пеһлевійской литературѣ персовъ, которая, несмотря на арабское завоеваніе, продолжала въ Иранѣ жить. Неизбѣжное появленіе такого культурно-литературнаго интереса у арабовъ очень естественнымъ было и потому, что вѣдь не всѣ же арабы, покорившіе Персію и иныя земли, были примитивными сынами пустыни,

полудикими бедуинами. Среди доисламскихъ арабовъ существовалъ и купеческій, грамотный или достаточно культурный элементъ, который тоже продвигался въ покоряемыя халифами культурныя страны вслѣдъ за варварскою ордою бедуиновъ-завоевателей. Для этого элемента арабовъ пеһлевійская литература покореннаго царства славныхъ хосроевъ должна была вскорѣ же представить интересъ, интересъ еще въ эпоху омейядовъ. Такъ и случилось. Персы изъ знавшихъ арабскій языкъ (т. е. прежде всего персы-новомусульмане, ближе стоявшіе къ побѣдителямъ) услужливо явились переводчиками съ пеһлевійскаго на арабскій. А еще рѣшительнѣе дѣло пошло въ этомъ направленіи, когда вмѣсто Омейядовъ на халифскій престолъ взошли (750) Аббасиды.

Торжество иранской культуры въ халифатѣ при Аббасидахъ. Арабская литература, переводимая съ пеһлевійскаго языка.

Династія Аббасидовъ возведена была на тронъ усиліями хорасанскихъ персовъ, относившихся съ ненавистью къ омейядскому правительству, и старалась опираться на персовъ же. Самая столица (Багдадъ) избрана была по близости Персіи. Персидская культура всюду въ халифатѣ возобладала [1]). Если персы-зороастрійцы даже во времена заносчивыхъ Омейядовъ не теряли своего національнаго сознанія, то при Аббасидскихъ халифахъ, естественно, поднялись національныя чувства и у персовъ-мусульманъ.

Много этому содѣйствовало полувѣковое занятіе должности везирей при первыхъ халифахъ-Аббасидахъ персами-Бармекидами, умѣвшими искусно сплотить арабскій и персидскій элементы халифата для совмѣстной государственной и культурной жизни. Бармекиды были конечно, мусульмане, но къ религіи своихъ соотечественниковъ, не принявшихъ мусульманства, относились съ полной терпимостью. Да и сами они не прерывали отношеній съ «Новой обителью» (Нов-беһâр) [2]) въ Бельхѣ, знаменитой

---

[1]) Обстоятельнѣе см. объ этомъ у насъ въ „Исторіи Арабовъ“, ч. II (1912), стр. 133-135 (объ инородцахъ-кліентахъ, „mawâli“); стр. 141 и слѣд. (участіе персовъ въ созданіи аббасидскаго халифата, везири-Бармеки, и т. д.).

[2]) Въ санскритѣ слово „виһâра“ означаетъ буддійскій храмъ, но въ персидскомъ языкѣ „беһâр“ просто „обитель“. Недавно это вновь отмѣтилъ Блоше въ своей „Introduction à l'histoire des Mongols“, Лейд. 1910, стр. 301, по поводу приведенной имъ (стр. 212) эпиграммы на одного изъ Бармекидовъ, который, по словамъ

святыней зороастрійцевъ, существовавшей, по преданію, еще во времена пророка Зороастра и царя Гоштаспа [1]); тамъ ихъ предокъ, Бармекъ, былъ верховнымъ жрецомъ. Бармекиды послѣ полувѣковаго господства въ аббасидскомъ халифатѣ были низвержены съ министерства Хâрȗномъ ар-Рашйдомъ (803), но и послѣ нихъ ростъ вліянія персовъ въ халифатѣ, разъ установившись, продолжался; и показателемъ этого опять являлся персидскій характеръ везирей. Напримѣръ у Харȗн-ар-Рашидова сына, мо'тазилита-халифа Ма'мȗна, сына персіянки и мужа персіянки (813-833), полномочнымъ везиремъ былъ его тесть, персъ Хасанъ ибнъ-Саhль. При Ма'муновомъ братѣ мо'тазилитѣ-халифѣ Мо'тасымѣ (833-842) всемогущимъ любимцемъ былъ персъ Афшйнъ (погибъ 841), который не стѣснялся наказывать заусердствовавшихся мусульманъ въ ихъ проявленіяхъ религіозной нетерпимости противъ зороастрійцевъ, а самъ, хоть принялъ мусульманство, оставался необрѣзанъ [2]). Необрѣзанный мусульманинъ—все равно, что некрещенный христіанинъ; тогдашній верховный кадый,—даромъ, что раціоналистъ-мо'тазилитъ,—энергично выразился по этому поводу: «Въ обрѣзаніи заключается весь исламъ!» [3]). Правда, что эти нетерпимыя слова кадый сказалъ Афшину ужъ тогда, когда всемогущаго временщика постигла немилость, и былъ наряженъ надъ нимъ судъ, выискивавшій всякіе поводы для объявленія Афшину смертной казни (841).

На этомъ судѣ зашла рѣчь и о пеhлевійскихъ книгахъ: Афшину поставили въ вину, что онъ постоянно читаетъ старинную зороастрійскую книгу, въ богатѣйшемъ переплетѣ, а книга эта, съ точки зрѣнія мусульманской, полна невѣрія —«Да, читаю», возразилъ Афшинъ, «и думаю, можно быть мусульманиномъ и читать немусульманскія книги, извлекая изъ нихъ полезную наставительную часть и не соглашаясь съ тѣмъ, что противно мусульманству. Вѣдь вы, судьи, тоже держите въ своихъ жили-

---

эпиграммы, отремонтировалъ бельхскій Нов-беhâръ, чтобы тамъ процвѣтало огнепоклончичество—Что „беhâр“ означаетъ въ персидскомъ просто „обитель“, это не трудно провѣрить даже по словарямъ (напр. у Вуллерса, т. I, стр 283).

[1]) См. „Гоштасп-наме“ зороастрійца Дакыкыя X в.—въ „Chrest. persane“ Шефера, т. I (Пар. 1883), отдѣлъ примѣчаній, стр. 57.

[2]) Динаварій (ум. 895): „Аль-ахбâр ат-тыwâль“ (Лейд 1888), стр. 401 : 11; Табарій (836-923), лейд. изд., сер 3-я, т. II (1881 г.), стр. 1312 : 16.

[3]) ...„би-hи тамâмо ль-ислâми!“ Табарій, 3-я сер., т. II, 401 : 17.

щахъ Калилу и Димну и Книгу про Маздака—и это васъ не отклоняетъ небось отъ ислама!» [1]).

Возраженіе Афшина было очень основательно, потому что арабская литература того времени вся полна была переводовъ съ пеһлевійскаго, и старую сасанидскую литературу читалъ всякій культурный человѣкъ тогдашняго аббасидскаго халифата.

«Калилу и Димну» и «Книгу про Маздака», упомянутыя Афшиномъ, перевелъ на арабскій языкъ съ пеһлевійскаго басрійскій персъ ибнъ-аль-Мокаффа', дѣйствовавшій отчасти еще при Омейядахъ, отчасти ужъ при Аббасидахъ (между 2-ой и 3-ей четв. VIII в.; род. ок. 721, уб. ок. 757) [2]). Ибнъ-аль-Мокаффою переведенъ на арабскій языкъ цѣлый рядъ еще другихъ пеһлевійскихъ книгъ, въ томъ числѣ «Книга владыкъ» [3]) и, повидимому, кое-какія другія сочиненія, касающіяся иранскаго богатырства: вѣроятно, «Исторія Ардешира»; несомнѣнно—исторія Ануширвана. Ибнъ-аль-Мокаффою же обработана была по-арабски (вѣроятно, не вся) правительственно-домостройная «Аинъ-наме» [4]). Онъ же переводилъ для басрійскихъ арабовъ сочиненія греко-философскія и т. п. греко-сиро-пеһлевійскія произведенія сасанидской литературы. По свидѣтельству Мас'удія X в., «Фиһриста» X в. [5]) и другимъ показаніямъ, такъ дѣйствовали и другіе персы, переводя на арабскій языкъ, напр. при Маһдіѣ (775-785), сочиненія еретиковъ Мани, Бардесана, Маркіона, или обра-

---

[1]) Табарій, 3-я сер., т. II, 1309 : 14-15. У Табарія полностью приведенъ весь процессъ Афшина, чрезвычайно характерный въ культурно-религіозномъ отношеніи.

[2]) Біографію и очеркъ литературной дѣятельности ибнъ-аль-Мокаффы см. у меня въ VIII выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію" (1905), стр. LXIV-LXX. Есть русскій (не очень удачный, къ сожалѣнію) переводъ его „Калилы и Димны" М. Рябинина и М. Аттаи (М. 1889).

[3]) „Книгу владыкъ" переводили послѣ ибнъ-аль-Мокаффы на арабскій языкъ не менѣе семи разъ. См. „Объ арабскихъ переводахъ Худай-намэ" бар. В. Розена въ факультетскомъ сборникѣ „Восточныя Замѣтки" (Спб. 1895).

[4]) Срв. выше у насъ, стр. 153-154. Про „Аинъ-намé" см. у К. Иностранцева, въ его работѣ о примѣтахъ („Зап. Вост. Отд.", т. XVIII, 1907) и въ „Сасанидскихъ этюдахъ" (Спб. 1909).

[5]) Свѣдѣнія „Фиһриста" о прочихъ (сверхъ ибнъ-аль-Мокаффы) переводчикахъ съ пеһлевійскаго проанализированы въ „Сасанидскихъ этюдахъ" К. Иностранцева (1907, стр. 31 и слѣд.).

батывая на арабскомъ языкѣ другіе, сверхъ «Калилы и Димны», индо-персидскіе повѣствовательные сборники: «Синдибадову книгу», «Варлаамъ и Іоасафъ» и всякія старыя персидскія романтическія повѣсти и сказки, на которыя затѣмъ налагался и мѣстный арабско-багдадскій слой, взятый изъ сюжетовъ блестящей обстановки двора халифа Хару́на ар-Раши́да, и т. д.; Абанъ Лахыкый (ум. 815), изъ бармекидской среды, для бо́льшей привлекательности излагалъ эти арабскіе прозаическіе переводы съ пеһлевійскаго арабскими же стихами [1]).

Однимъ словомъ, при Аббасидахъ арабская литература обогатилась старо-персидскимъ литературнымъ содержаніемъ.

Мало того: любознательные интеллигентные арабы не довольствовались переводами произведеній пеһлевійской литературы на свой языкъ, а просто изучали персидскій языкъ и обращались къ чтенію пеһлевійскихъ произведеній въ подлинникѣ. Ради этого они готовы были ѣздить въ самую Персію, чтобы тамъ поработать въ какой-нибудь богатой библіотекѣ пеһлевійскихъ рукописей. Они находили, что одна арабская литература не сдѣлаетъ человѣка вполнѣ образованнымъ.

Характерный разсказъ мы читаемъ у историка ибнъ-Тейфура Багдадскаго (819-893). Разсказъ вложенъ въ уста одного арабскаго писателя, перса по происхожденію. Дѣло происходитъ въ Месопотаміи, къ сѣверу отъ Багдада, въ халифство аль-Ма'муна.

— Я находился въ Раккѣ, въ присутствіи [таһирида] Мохаммеда ибнъ-Та́һира ибнъ-аль-Хосейна,—разсказываетъ писатель. Мы сидѣли у водоема, и я кликнулъ своего раба. Обратился я къ нему по-персидски, а въ это время вошелъ аль-'Атта́бій [Абу-'Амръ Кольсумъ аль-'Атта́бій, арабскій поэтъ-суфій изъ алеппской Сиріи, ум. 208=823] [2]). Онъ послушалъ

---

[1]) А. Крымскій: „Абанъ Лахыкый, манихействующій поэтъ (ок. 750-815). Очеркъ изъ исторіи арабской повѣствовательной литературы индо-персидскаго характера VIII-IX в.“ (М. 1913=„Труды по востоковѣдѣнію“ Лазар. Инст., вып 37). Тамъ же литературный очеркъ „Варлаама и Іоасафа“ и вопросъ о переводчикѣ „Синдибадовой книги“. О „Синдибадовой книгѣ“—работа С. Ѳ. Ольденбурга въ юбилейномъ сборникѣ бар. В. Р. Розена (Спб. 1897).—О „1001 ночи“—3-ой вып. „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ (М. 1905).

[2]) Про аль-'Атта̂бія, поэта бармекидскаго круга, см. у Мас'удія (ум. 956): „Золотые луга“, пар. изд., т. VI, 330-333; т. VII, 25-30; т. VIII, 228-229. Въ „Кита̂б аль-агани“ (ок. 963), 1-е изд., т. XII, стр. 2-10. Въ біографич. словарѣ

нашу бесѣду, и самъ заговорилъ со мною по-персидски.—«Вотъ какъ, Абу-Амръ!» сказалъ я: «ты знаешь нашу тарабарщину?» —«Да вѣдь я три раза былъ въ вашей странѣ», отвѣтилъ аль-'Аттáбій:—«я списывалъ персидскія книги (кютоб аль-'Аджам) въ Мервѣ, въ книгохранилищѣ [1],—онѣ и до сихъ поръ тамъ. Сдѣлавши изъ нихъ нужныя выписки, я поѣхалъ было въ Нишапуръ, а потомъ проѣхалъ еще дальше на десять парасанговъ (миль) до села, называемаго Дивдаръ. Тутъ я вспомнилъ про одну книгу, которую не использовалъ какъ слѣдуетъ,—и вернулся въ Мервъ; прожилъ я тогда въ Мервѣ нѣсколько мѣсяцевъ».—«А зачѣмъ, Абу-Амръ, ты переписывалъ персидскія книги?» спросилъ я. Аль-Аттабій мнѣ отвѣчалъ: «Да развѣ есть идеи (аль-маʕáні) гдѣ-нибудь помимо книгъ персидскихъ? Краснорѣчіе и классическій языкъ—у насъ, а идеи—у нихъ». Послѣ того аль-Аттáбій разговорился и много бесѣдовалъ со мною по-персидски» [2]).

Если природный арабъ нач. IX вѣка находилъ, что безъ персидской (пеhлевійской, покамѣстъ) литературы нельзя быть интеллигентнымъ человѣкомъ, то тѣмъ натуральнѣе было, чтобы этимъ сознаніемъ были полны природные персы-мусульмане. Среди нихъ, персовъ-мусульманъ, сознательный націонализмъ («шо'убизмъ», по тогдашней арабской терминологіи) торжествовалъ, и національная гордость всюду прорывалась сквозь оболочку арабскаго языка, которымъ пользовались персы-мусульмане [3]).

Письменное примѣненіе новоперсидскаго языка, ок. нач. IX в.

При всеобщемъ увлеченіи халифата сасанидской литературой, при фактическомъ преобладаніи персовъ въ аббасидскомъ халифатѣ и гордомъ

ибнъ-Халликяна (ум. 1282; № 669 Вюст.; ег. изд. 1310=1893, т. I, стр. 519-520; англ. пер. Слэна III, 99) сказано очень мало, потому что ибнъ-Халликянъ не могъ выяснить точнаго года смерти аль-Аттáбія и оттого могъ сказать о поэтѣ лишь мимоходомъ. Годъ смерти его сохраненъ въ „Ноджум" египтянина Абульмахасына ибнъ-Тагрибердія (1411-1469), лейд. изд I (1855), стр. 599-600; то, что дано у Абульмахасына, переведено у Хаммера: Lit.-Gesch. der Ar., III (1852), стр. 667.

[1]) Пропускаю фразу (рукопись несомнѣнно испорчена), которую съ поправкою арабскаго текста можно перевести такъ: „Книги эти попали къ тамошнимъ изъ Боруджирда" (читаю: „мин Боруджирда").

[2]) Sechster Band des Kitáb Baghdád von Ahmad ibn abi Táhir Taifur, hsg. u. ubers. v. H. Keller (Лейпц. 1908), л. 62.

[3]) О шо'убійствѣ классической работой остается та, которую далъ И. Гольдціэръ въ I томѣ своихъ „Muhammedanische Studien" (Халле 1889).

сознаніи своей національности, почти неизбѣжностью было для аббасидскихъ персовъ не ограничиться заботой о бережномъ храненіи старой сасанидской литературной традиціи (которая, мы видѣли, и не угасала въ Иранѣ послѣ завоеванія страны арабами). Почти неизбѣжностью была попытка—внести и новую струю въ родную литературу, проявить на своемъ родномъ персидскомъ языкѣ такое творчество, которое выходило бы за рамки старины и отражало бы новыя, мусульманско-халифатскія условія жизни иранцевъ.

Это и сдѣлалось. Какихъ нибудь 3/4 столѣтія прошло отъ водворенія Аббасидовъ въ халифатѣ—и мы видимъ теченіе персидской литературы въ новомъ направленіи. Начинается новая литературная слава персидскаго языка.

Только, это былъ ужъ не совсѣмъ тотъ самый языкъ, на которомъ творилась персидская литература славныхъ сасанидскихъ временъ, а другой, болѣе новый, и съ письменами не сасанидскими, а арабскими. При сасанидахъ, мы знаемъ, въ литературѣ употреблялся языкъ средне-персидскій (средній по хронологіи, а не географически), такъ называемый «пеhлеви». Однако мы ужъ высказывались, что, по всему вѣроятію, пеhлеви еще во времена сасанидовъ пересталъ быть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ирана живымъ разговорнымъ языкомъ, и живая рѣчь тѣхъ мѣстностей стала еще при сасанидахъ ново-персидскою. Съ паденіемъ сасанидской имперіи, среди военныхъ треволненій и смутъ, нарѣчіе пеhлеви начало вымирать быстрѣе; а такъ-какъ оффиціальное его значеніе тоже пало (въ пользу арабскаго), то живой новоперсидскій языкъ сталъ его всюду вытѣснять въ повседневномъ употребленіи персидскаго населенія. И вотъ именно къ этому языку и къ помощи буквъ арабскихъ, а не пеhлевійскихъ, аббасидскіе персы-мусульмане обратились въ своей новоперсидской мусульманской литературѣ, предоставляя персамъ-зороастрійцамъ писать на пеhлеви, который имѣлъ для тѣхъ цѣнность религіозную.

Что было первымъ новоперсидскимъ письменнымъ произведеніемъ, не извѣстно: свѣдѣнія персидскихъ историковъ литературы очень въ этомъ отношеніи разнорѣчивы.

'Овфій, авторъ старѣйшаго свода біографій персидскихъ поэтовъ (ок. 1228)—говоритъ, что первымъ ново-персидскимъ произведеніемъ была ода-касыда 'Аббáса, жителя Мерва, въ честь будущаго халифа аль-Ма'мýна (перса по матери да и дѣйствительно друга персовъ),

который въ 809 году прибылъ въ Мервъ. Въ этой одѣ прямо сказано, что никто до сихъ поръ не примѣнялъ персидскаго языка для стиховъ, и что имя Ма'муна призвано облагородить этотъ языкъ для цѣлей поэзіи. Изъ новѣйшихъ историковъ литературы Эте́, вообще осторожный въ своихъ мнѣніяхъ, считаетъ оду Аббаса за подлинную и сообщеніе 'Овфія за достовѣрное [1]). Но еще Казимірскій позволилъ себѣ въ немъ усумниться, въ особенности на основаніи неархаичнаго стиля оды Аббаса Мервскаго [2]); и Пицци счелъ его соображенія убѣдительными [3]); и самый новый историкъ Эдв. Браунъ «всецѣло присоединяется» къ сужденію Казимірскаго [4]).

Во всякомъ случаѣ Браунъ, какъ и Эте́, относятъ начало новоперсидской литературы, именно поэзіи, къ IX вѣку, не раньше, причемъ повидимому не считаютъ нужнымъ различать устное примѣненіе новоперсидскаго языка въ поэзіи отъ письменнаго его примѣненія въ литературѣ. Думаемъ, что едва ли это правильно. Слишкомъ ужъ въ выработанномъ, совсѣмъ готовомъ видѣ является передъ нами персидская поэзія въ IX вѣкѣ; приходится подозрѣвать, что жизнь ея на новоперсидскомъ языкѣ началась раньше.

Изслѣдователь происхожденія арабской метрики бар. Дав. Гинцбургъ въ своихъ «Основахъ арабскаго стихосложенія» 1892, гл. V [5]), сгруппировалъ выразительныя данныя, изъ которыхъ вытекаетъ очень вѣроятная гипотеза, что нѣкоторые арабскіе стихотворные размѣры, изъ числа тѣхъ, которые считаются за придуманные арабами, но которые у нихъ мало въ ходу, а у персовъ очень въ ходу (напримѣръ, «хафифъ», почти неизвѣстный староарабскому стихотворству, но любимый въ новоперсидской поэзіи), заимствованы были доисламскими арабами отъ персовъ еще въ сасанидскую эпоху [6]).

Къ этой догадкѣ примкнулъ извѣстный знатокъ метрики всѣхъ странъ и народовъ акад. Ѳ. Е. Коршъ и сдѣлалъ изъ

---

[1]) См. напр. его послѣднее слово въ Grundriss'ѣ, т. II (1896-1904) стр. 218.

[2]) A. Biberstein-Kazimirski: „Menoutchehri“ (Пар. 1886), стр. 8-9.

[3]) It. Pizzi: Storia della poes. pers. I (1894), стр. 66 (переводъ оды на 128 стр.).

[4]) Edw. Browne: A literary history of Persia, т. II (1906), стр. 13.

[5]) въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія Русск. Археол. Общ.“, т VII=1892, стр. 129-131.

[6]) Появленіе „хафифа“ у доисламскихъ арабовъ, рѣдкое притомъ до крайности, могло бы объясняться вліяніемъ придворной поэзіи князей Хиры, вассаловъ сасанидскаго государства.

нея дальнѣйшіе выводы. Печатно онъ не высказывался, но изъ устныхъ бесѣдъ съ нимъ мнѣ извѣстно его мнѣніе, что новоперсидская поэзія съ ея стихотворными формами, пожалуй, успѣла понемногу выработаться при послѣднихъ сасанидахъ и омейядахъ, въ силу чего и могла при аббасидахъ, если такое выраженіе позволительно, сразу выпрыгнуть въ исторію въ готовомъ, полномъ своемъ вооруженіи.

Слѣдовательно, есть основанія думать, или что касыда Аббаса 809 года апокрифична, или что она, если подлинна, то не была самымъ первымъ по времени новоперсидскимъ стихотвореніемъ [1]). Въ случаѣ ея подлинности надо, однако, считать фактомъ, что среди письменныхъ произведеній на новоперсидскомъ языкѣ касыда Аббаса Мервскаго есть одно изъ старѣйшихъ, какое дошло до насъ.

Литературныя явленія на новоперсидскомъ языкѣ въ государствахъ Таһиридскомъ и Саффаридскомъ IX в.

Какъ бы мы ни смотрѣли на касыду Аббаса Мервскаго 809 г. въ честь халифа Ма'муна, будемъ ли отрицать ея подлинность или не будемъ, тѣмъ не менѣе надо признать, что политическія обстоятельства той поры, т. е. первой четверти IX вѣка, слагались способомъ, благопріятнымъ для возбужденія персидскаго творчества. Огромная персидская область Хорасанъ, подъ властью своего намѣстника, старинно-благороднаго (обарабленнаго впрочемъ) перса Таһира, сдѣлалась въ 822 г. полусамостоятельнымъ владѣніемъ [2]), которое вскорѣ привключило къ себѣ, въ качествѣ вассальныхъ, также прикаспійскія области и Аму-Дарьинскую Правобережную

---

[1]) У Довлетъ-шаха XV в. цитируется якобы принадлежащее сасаниду Беһраму V Гуру (420-438) полустишіе, сказанное имъ на охотѣ за львомъ, и другое полустишіе въ риѳму къ нему, якобы сказанное красавицей Дильарамъ. Есть у Довлетъ-шаха разсказъ про Якуба ибнъ-Лейса Саффара (867-879), будто его сынокъ, увидѣвши, какъ брошенный въ игрѣ орѣхъ катится въ ямку, радостно воскликнулъ: „Гельта́н-гельта́н һемі ревед та́ бон-и ку!"=„Катясь-катясь доходитъ до дна ямки!" и будто придворные ученые признали дѣтскій возгласъ за стихъ, правильно составленный по арабскому размѣру „һезедж" (изд. Брауна, стр. 30-31). Исторической цѣнности подобные анекдоты, конечно, не имѣютъ (у одного писателя XIII вѣка анекдотъ съ орѣхомъ отнесенъ ужъ къ саманидскимъ временамъ; см. Браунъ: A lit. hist I 473), но они могутъ свидѣтельствовать, что среди историковъ персидской литературы не было довѣрія къ первенству оды Аббаса Мервскаго 809 г.

[2]) См. „Исторію Персіи", т. I, вып. 1 (1909) стр. 42.

область (саманидовъ). Такъ началось возрожденіе политической самостоятельности Персіи, а результаты сказались и на литературныхъ настроеніяхъ.

Положимъ, сама-то семья Таhиридовъ (821-873) слишкомъ чувствовала себя омусульманенной и обарабленной, чтобы выказывать большое участіе къ развитію персидской національной литературы на персидскомъ языкѣ. Больше того: когда въ Нишапурѣ Абдаллаху ибнъ-Та́hиру (828-844), превосходному, просвѣщенному и народолюбивому правителю [1]), одинъ изъ его подданныхъ преподнесъ рукопись сасанидскаго пеhлевійскаго романа: «Ва́микъ и ʻАзра́» [2]), то Абдаллахъ велѣлъ бросить рукопись въ воду и заявилъ: «Намъ надо читать Коранъ и хадисы, а не мерзкія зороастрійскія выдумки» [3]). Въ одной антологіи XII в. мы имѣемъ про Абдаллаха ибнъ-Таhира анекдотъ, изъ котораго вытекаетъ, что онъ по-персидски даже, будто бы, ни слова не понималъ [4]). Быть можетъ, въ анекдотѣ есть и преувеличеніе [5]),—во всякомъ случаѣ ибнъ-Таhиръ былъ человѣкъ насквозь обарабившійся, многими корнями тѣсно связанный съ халифскимъ Багдадомъ, куда ему приходилось наѣзжать и гдѣ его обширный и роскошный дворецъ на западномъ берегу Тигра представлялъ собою цѣлый городокъ [6]); личныя его симпатіи въ вопросѣ о языкѣ несомнѣнно склонялись къ арабизму. Но дѣло въ томъ, что Таhириды подняли общій уровень просвѣщенія даже низшаго класса своихъ подданныхъ, и подъемъ національнаго сознанія въ странѣ совершался обстоятельствами (мѣстными и общехалифатскими) помимо всякихъ лич-

---

[1]) См. „Ист. Персіи", т. I, вып. 1 (1909), стр. 43.

[2]) или, какъ понимаетъ Эте́ (Grundriss, II, 1896, стр. 240 : 6-7)—стихотворную новоперсидскую передѣлку пеhлевійскаго оригинала.

[3]) Довлетъ-шахъ, изд. Эдв. Брауна (1901), стр. 30.

[4]) Анекдотъ этотъ находится у багдадскаго арабскаго антологиста ибнъ-Хамдуна (1101-1167; о немъ см у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litt", I, 1898, стр. 280) и былъ ужъ отмѣченъ А. фонъ-Кремеромъ въ его „Culturgeschichte des Orients", т. II (1877), стр. 150.

[5]) Трудно себѣ представить, чтобы Абдаллахъ могъ управлять персидскою областью, заботиться о благосостояніи простого народа и такъ-таки ни одного слова не понимать изъ рѣчи простого народа!

[6]) Кремеръ: Culturgesch. des Or. II (1877) стр. 54-55; Le Strange: Baghdad during the Abbasid Caliphate (Оксф. 1900), стр 118. Описаніе таhиридскаго этого дворца уже въ XIII в см. въ Географич. Словарѣ Якута, изд. Вюстенфельда, т. II, 256.

ныхъ идеаловъ правящей династіи,—такъ что персидскіе своды біографій («тезкире») ужъ и при Таһиридахъ могутъ назвать кое-кого изъ персидскихъ поэтовъ-лириковъ, хотя далеко еще не крупныхъ [1]). Быть можетъ, они не чужды были и княжескаго таһиридскаго двора [2]).

Большее ободреніе и оживленіе получила новоперсидская поэзія отъ той персидской династіи, которая (873) смѣнила таһиридскую—С а ф ф а р и д о в ъ (867-909), еще болѣе независимыхъ отъ Багдада и объединившихъ всю восточную Персію [3]). Саффариды были самаго вульгарнаго происхожденія, кость отъ костей простого народа, и ихъ больше тянуло къ родному, персидскому слову, чѣмъ къ арабщинѣ: они персидскимъ стихотворствомъ вполнѣ интересовались. Называютъ въ ихъ время составителей лирико-пѣсенныхъ произведеній (въ формѣ касыдъ, газелей); но имена это все еще не крупныя и не многочисленныя, хотя напр. одинъ изъ нихъ аттестуется біографами, какъ авторъ стиховъ, которые «слаще сорваннаго поцѣлуя и милѣе свѣта очей» [4]).

До недавнихъ временъ было распространено мнѣніе (которое опиралось на путаницу, внесенную очень поздним преданіемъ), будто основатель династіи Саффаридовъ, Я'кýбъ ибнъ-Лейсъ (867-879), разсчитывая увеличить свою силу оживленіемъ старо-иранскихъ воспоминаній, поручилъ своему визирю 'Абдерреззáку перевести, при помощи особой комиссіи, съ пеһлевійскаго языка на новоперсидскій «Книгу владыкъ» (новоперсидскою прозою съ пеһлевійской прозы) и дополнить ее новыми

---

[1]) Старѣйшій изъ дошедшихъ персидскихъ тезкиристовъ, Овфій (до 1236) въ 8-ой главѣ „Лобáб" называетъ лирика изъ-подъ Херата—Ханзалю Бадгисскаго, интересный анекдотъ о стихахъ котораго см. въ „Чеһар-меqале" XII в (перев. Эдв. Брауна 1899: „Four discources', стр. 43-44, и у него же въ „A liter. hist", т. I, 1902, стр 354-355). Другой поэтъ-лирикъ, начавшій свое творчество при таһиридахъ, былъ Махмудъ Верракъ Хератскій.

[2]) Такъ полагаетъ Эдв. Браунъ: A liter. hist. of Persia I (1902), стр. 347,—безъ достаточной впрочемъ опоры въ историческихъ показаніяхъ, которыя вѣдь устраняютъ таһиридовъ отъ причастности къ новоперсидскому литературному пробужденію.

[3]) См. „Исторію Персіи" I, вып. 1 (1909), стр. 44 и слѣд.

[4]) Имѣется въ виду Фирузъ эль-Мешрикый, жившій при 'Амрѣ ибнъ-Лейсѣ (879-900). Его упоминаетъ Овфій XIII в. въ 8-ой главѣ. Тамъ же цитируется Абу-Селикъ Горганскій, и приводятся обрывки его стиховъ, подъ которыми могъ бы съ честью подписаться и Хафизъ.

данными. Это событіе относили къ 874 г. Теперь, когда Нёльдеке далъ свое изслѣдованіе объ исторіи «Шахъ-наме» [1], мы спокойно можемъ сказать, что это извѣстіе полно хронологической и фактической путаницы и что Саффаридамъ приписано предпріятіе той династіи, которая ихъ смѣнила. А именно: между 900-910 г. саффаридскія владѣнія достались умной, просвѣщенной и великодушной династіи Саманидовъ (875-999; 1005) [2], которые собственно и считаются оживителями персидской національности и возродителями персидской литературы на персидскомъ языкѣ. Они покровительствовали персидской литературѣ у себя въ Бухарѣ еще въ IX вѣкѣ, раньше того времени, когда имъ достались владѣнія Саффаридовъ; главный же ихъ разцвѣтъ и блескъ приходится на X-ый вѣкъ, на цѣлое столѣтіе.

III.

Литература при саманидахъ.

Высокій уровень саманидскихъ земель X в. въ области литературы и науки арабской.

Не надо себѣ представлять водвореніе саманидовъ, какъ наступленіе всесторонняго господства персидскаго языка въ литературѣ и гоненіе на арабщину. Напротивъ, на арабскомъ языкѣ при эмирахъ-саманидахъ и при ихъ покровительствѣ процвѣтала самая живая литературная дѣятельность, притомъ не только въ общемусульманской области научной (что было бы вполнѣ понятно), но и въ области художественной, изящной литературы—стихотворной арабской поэзіи.

Въ арабской поэтической антологіи нишапурца Та'āлибія (род. 961, ум. 1038) [3], третій и четвертый томы посвящены персидскимъ поэтамъ, писавшимъ въ Персіи на языкѣ арабскомъ; и тѣснѣе саманидскимъ—четвертый томъ; матеріалъ, собранный Та'āлибіемъ, очень наглядно показываетъ, какъ хорошо владѣли арабской стихотворной рѣчью тогдаш-

---

[1]) См. ниже, въ спеціальной главѣ про Фирдовсія.

[2]) См. „Исторію Персіи", ч. I, вып. 1 [1909], стр. 48 слѣд.

[3]) Издана „Йетîмет ад-даhр" Та'āлибія въ Дамаскѣ 1304=1885, 4 тт. Про разностороннюю дѣятельность компилятора Та'āлибія, прожившаго полжизни подъ властью саманидовъ, см. у Броккельманна: „Gesch. der arab. Litter.", I (1898), стр. 284-286.

ніе персы и какъ хорошо развивался арабизмъ въ государствѣ саманидовъ [1]).

Не менѣе хорошо процвѣтала въ саманидскомъ государствѣ спеціальная филологія арабскаго языка. Первокласные арабскіе филологи—авторъ десятитомнаго словаря: «Улучшеніе лексикологіи» 'Азhарій Хератецъ (895-980) и «имамъ словарной науки» Джаýhарій (ум. 1003), родившійся и воспитавшійся въ бухарскомъ городѣ Фарабѣ и прожившій большую часть жизни въ Нишапурѣ. Оба они ѣздили, конечно, и въ Багдадъ, проживали и среди арабскихъ бедуиновъ [2]).

Арабоязычной была и болѣе общая наука у саманидовъ. При первыхъ эмирахъ, и въ томъ числѣ у наиболѣе могущественнаго—Исмаила (892-907) [3]), наука велась исключительно на языкѣ арабскомъ, и только во второй половинѣ саманидскаго вѣка новоперсидскій языкъ, какъ увидимъ ниже, явно проникаетъ въ область научной прозы.

Среди арабоязычныхъ саманидскихъ географовъ видное мѣсто въ арабской литературѣ занимаетъ опекунъ малолѣтняго Несра II Кармата (914-943) бухарскій везирь Абу-Абдаллахъ Джейhа́ній, который, кажется—около 907 г., использовалъ ибнъ-Хордадбеhа (844-848) и особенно «Книгу хараджа» Кода́мы Багдадскаго (пис. ок. 902) и далъ, по-арабски же, 7-томное географическое описаніе Азіи мусульманской и немусульманской (напр. Индіи); онъ прибѣгалъ къ разспросамъ иностранцевъ. Его покровительствомъ пользовался Абу-Зейдъ Бельхій (т. е. Бельхскій), составитель по-арабски географіи съ картами (921), которая извѣстна въ обработкѣ Истахрія и ибнъ-Хаукаля того же X в. [4]). По настоянію Джейhа́нія придворный саманидскій поэтъ Несра II Абу-Дóляфъ поѣхалъ съ прибывшимъ индійскимъ посольствомъ (942)

---

[1]] Объ этомъ и о дальнѣйшемъ см. статьи Барбье-де-Мейнара подъ заглавіемъ: „Tableau littéraire du Khorassan et de la Transoxiane au IV-ème siècle de l'Hégire", въ Journal Asiatique 1853 [февр.-мр., стр. 169-239] и 1854 [мр.-апр., 291-361]. Полтора десятка стихотворныхъ арабскихъ образцовъ перевелъ Пицци въ „Storia" I [1894], стр. 124-127.

[2]] Про Азhарія см. у Брокк. I [1898], стр. 129; про Джауhарія I, 128-129.

[3]] Объ эмирѣ Исмаилѣ см. „Исторію Персіи", I, вып. 1 [1909], стр. 49.

[4]] Про Джейhанія и Бельхія см. у Броккельм. I [1898], 228-229. У В. Бартольда: „Туркестанъ" [1900], стр. 12-14 и 251.

черезъ Тибетъ въ Индію и, объѣхавши оба берега полуострова Индустана: Малабарскій (зап.) и Коромандельскій (вост.), вернулся черезъ Кашмиръ, Кабулъ и Систанъ; онъ описалъ по-арабски свое путешествіе въ «Чудесахъ странъ» [1]).

Въ области арабоязычной медицины—съ именемъ дяди Несра II, хорасанскаго правителя Абу-Сáлыха Мансура (погибъ въ возстаніи 914 г.), связывается посвященный ему и написанный на арабскомъ языкѣ извѣстный медицинскій сводъ въ 10 книгахъ: «аль-Мансýрій». Авторъ—пріѣзжій директоръ багдадской больницы, замѣчательнѣйшій врачъ X вѣка Абу-Бакръ Рáзій, «наиболѣе творческій геній средневѣковой медицины, самый знаменитый врачъ средневѣковаго востока» [2]). За поднесеніе свода Рáзій получилъ отъ саманида приличное вознагражденіе; хуже, впрочемъ, вышло у него дѣло съ руководствомъ по алхиміи [3]). Къ концу саманидскаго періода выдвинулась въ Бухарѣ другая медицинская и философская знаменитость ибнъ-Сúнá (980-1037, Avicenna), авторъ почти священно-авторитетнаго и непреложнаго для врачей на востокѣ медицинскаго «Канона». Ибнъ-Сина, еще молодой, ок. 997 г., въ благодарность за лѣченіе получилъ доступъ въ библіотеку бухарскаго эмира Нýха II (976-997).

Онъ эту бухарскую библіотеку описалъ въ своей автобіографіи [4]). Былъ это домъ съ цѣлымъ рядомъ комнатъ, гдѣ для каждаго отдѣла науки или литературы имѣлась особая комната; книги въ каждой комнатѣ хранились въ сундукахъ и были аккуратно каталогизированы, такъ что ибнъ-Сúнá могъ найти нужныя ему сочиненія прямо по каталогу; а ему нужны были древніе авторы (быть можетъ, не только

---

[1]) Про Абу-Доляфа Брокк. I, 228. По-русски статья В. Григорьева въ „Журн. Мин. Нар. Просв." 1872, № 9, стр. 1-45.

[2]) Выраженія Авг. Мюллера: „Исторія ислама", т. II, 205 и т. III, 50. О Разіи см. у Броккельманна: „Geschichte der arab Litteratur", т. I [1898], стр. 233-235. У меня въ „Исторіи арабовъ", ч. I [1912], стр 119

[3]) Князь пожелалъ, чтобы Разій на опытѣ доказалъ правильность предложенныхъ рецептовъ, и, такъ-какъ опыты не удались, онъ отстегалъ пріѣзжую знаменитость по головѣ. Разій отъ этого ослѣпъ, но еще послѣ того прожилъ съ десятокъ лѣтъ.

[4]) См. подробнѣе въ „Исторіи Персіи", т. I, вып. 1 [1909], стр 52 53.

арабскіе, но и пеhлевійскіе) [1]) по его спеціальности, т. е. медицинѣ, естественной исторіи, греческой философіи. У насъ есть описаніе одновременной библіотеки западно- и южно-персидскихъ государей-бовейhидовъ въ Ширазѣ, данное географомъ X вѣка Мáкдисіемъ [2]); тамъ книги хранились на полкахъ, не въ сундукахъ; а собраны были тамъ сочиненія тоже по всѣмъ отраслямъ науки.

Болѣе или менѣе опредѣленно характеръ отдѣловъ обѣихъ этихъ библіотекъ, и бовейhидской, и саманидской, съ ихъ «всѣми отраслями наукъ», мы можемъ себѣ представить по двумъ тогдашнимъ (X в.) энциклопедіямъ наукъ, изъ которыхъ одна появилась во владѣніи бовейhидовъ, въ Басрѣ (энциклопедія «Вѣрныхъ друзей»), другая—во владѣніяхъ саманидовъ въ самой Бухарѣ («Ключи наукъ» Ховаризмія). Обѣ энциклопедіи написаны по-арабски, и вторая изъ нихъ съ особой наглядностью позволяетъ намъ проникнуть въ характеръ арабоязычной саманидской образованности.

Басрійская энциклопедія «Вѣрныхъ друзей» (И х в â н а с-с а ф â) составлена была ок. 980 г. группою философовъ-неоплатониковъ, тайно общавшихся повидимому съ исмаилитскою сектою [3]). Ихъ энциклопедія представляетъ сводъ всѣхъ знаній того времени (2-ой половины X вѣка) въ видѣ 51 популярно написанныхъ статей (по печатному бомбейскому изданію это выходитъ 1134 страницы), которыя распадаются на три отдѣла:

I. Знанія свѣтскія [грамота, словари и грамматика, счетъ, стихотворная метрика, примѣты и ворожба, алхимія, торговля, земледѣліе и т. п.; „повѣствованія"].

II. Знанія религіозныя [крановѣдѣніе, толкованія на Коранъ, хадисы, правовѣдѣніе, подвижничество, мистицизмъ].

III. Знанія философскія [математика съ астрономіей, логика, естественныя науки, антропологія съ медициной, психологія, боговѣдѣніе-метафизика].

---

[1]] Срв. выше, стр. 161, разсказъ у ибнъ-Тейфура Багдадскаго IX в. о пеhлевійскомъ книгохранилищѣ въ Мервѣ.

[2]] См. „Исторію Персіи" I, вып. 1 [1909], стр. 59.

[3]] Библіографію „Ихвâн ас-сафâ" см. у Броккельманна: Geschichte der arab. Litteratur, т. I [1898], стр. 213-214; Edw. Browne: A liter. hist. of Persia, т. I [1902], стр. 378-381. Моя статья: „Братство Вѣрныхъ Друзей" въ новомъ изданіи Энциклопедическаго Словаря Брокгауза и Ефрона, т. VII [1912]; также въ „Исторіи арабовъ", ч. I [1912], стр. 148-149.

Другой, это ужъ собственно саманидскій, энциклопедическій арабоязычный сводъ: «Ключи наукъ» (=«Мафâтîҳ аль-ʿолюм») ученаго Х[о]варизмія. Хваризміева энциклопедія посвящена везирю того самаго эмира Нуха II (976-997), библіотеку котораго и разсматривалъ ибнъ-Сина. Здѣсь тоже всесторонне, и при этомъ въ сжатыхъ содержательныхъ словахъ, изложены плоды тогдашней науки по всѣмъ ея отраслямъ въ видѣ 15 отдѣловъ, образующихъ однако только двѣ части: науки арабскія и науки греко-персидскія [1]). Такимъ образомъ въ «Ключахъ наукъ» содержатся:

I: Законовѣдѣніе, догматическое богословіе, филологія, стилистика, піитика, „повѣствованія" [аль-ахбâр];

II: Философія, логика, медицина, математика, геометрія, астрономія, музыка, хыяль [естественно-научные фокусы], химія.

Очевидно, саманидская эмирская библіотека Нуха II содержала книги по всѣмъ этимъ отраслямъ, и Хваризмій, составляя свою энциклопедію, превосходно могъ вести сложную ученую работу при помощи богатаго бухарскаго книгохранилища.

«Ключи наукъ» Хваризмія—не единственная энциклопедія, составленная въ саманидскомъ государствѣ. Лѣтъ за десять до того, въ 966 г., написалъ для саманидовъ, все по-арабски же, научно-философскую обобщительную энциклопедію съ достаточнымъ элементомъ землевѣднаго и историческаго характера лже-Бельхій: «Книга творенія и исторіи»; подлинный ея авторъ—нѣкій Мотаhhаръ ибнъ-Таhиръ Мáкдисій [2]). Наконецъ въ связь съ саманидской культурой не можетъ не быть поставленъ философскій всеобъемлющій энциклопедическій сводъ, тоже на арабскомъ языкѣ, вышеупомянутаго врача-философа бухарца ибнъ-Сины (980-1037): «Книга исцѣленія [души]»=«Китáб аш-шифá». По своему значенію, какъ и по огромному объему, «Книга исцѣленія» ибнъ-Сины есть для Среднихъ вѣковъ то, чѣмъ былъ для древности аналогич-

---

[1]) Изданы „Ключи наукъ" фанъ-Флотеномъ [van Vloten], Лейденъ 1895. Нѣсколько словъ сказано у Броккельманна, т. I [1898], стр. 244; у Эдв. Брауна, т. I [1902], стр. 382-383. У меня въ „Исторіи арабовъ", ч. I [1912], стр. 125-126.

[2]) Это не тотъ историко-географъ Макдисій X в., который описывалъ библіотеку бовейhидовъ въ Ширазѣ.—Энциклопедія лже-Бельхія издана по-арабски и французски Кл. Хюаромъ, 4 тт. [Пар. 1899-1907]. См. у меня въ „Исторіи арабовъ", ч. I [1912], стр. 125.

ный сводъ Аристотеля (384-322 до Р. X.) и чѣмъ для христіанской Европы явился, послѣ ибнъ-Сины, сводъ Альберта Великаго [1]). Это—лучшее воплощеніе научной мысли X-XI в. И хотя ибнъ-Сина пережилъ династію саманидовъ, онъ есть блестящій показатель и пышный результатъ высокой саманидской культуры.

Все это, напоминаемъ, на языкѣ—арабскомъ.

Разцвѣтъ персидскаго стихотворства при саманидахъ X в.

Однако, вмѣстѣ съ тѣмъ, водвореніе саманидовъ оказалось временемъ обильнаго появленія стихотворныхъ произведеній на персидскомъ языкѣ. Рядъ саманидскихъ стихотворцевъ не довольствуется тѣмъ, что превосходно орудуетъ арабскимъ стихомъ: одновременно испытываютъ свою силу и въ родномъ творчествѣ. Прежде всего это лирика (любовная, рефлексійная и т. п.), соединенная съ придворнымъ панегиризмомъ. По внѣшней формѣ—это касыды и газели, да кромѣ того—четверостишія (форма, кстати сказать, чуждая арабскому стихотворству). Этотъ родъ персидскаго стихотворства мы уже видѣли въ предыдущемъ вѣкѣ при таһиридахъ и саффаридахъ, только въ маломъ количествѣ; при саманидахъ число лирическихъ поэтовъ изобильно. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ на персидскомъ языкѣ при саманидахъ, приблизительно съ половины X в. или незадолго до того, произведенія эпическія, въ формѣ «месневи» (съ парными риѳмами): стихотворную обработку «Калилы и Димны» Рудегі́я и какую-то «Афери́н-наме» Абу-Шокура Бельхскаго [2]).

Два классическихъ, великихъ имени въ исторіи персидской поэзіи далъ X-й вѣкъ подъ властью саманидовъ: Ру́деги́—въ исходѣ IX-го и первой половинѣ X вѣка (ум. или 941, или скорѣе 954) и Дакы́кы́—во второй половинѣ (уб. ок. 977).

---

[1]] О „Книгѣ исцѣленія" ибнъ-Сины см. у меня въ „Исторіи арабовъ", ч. I [1912], стр. 126-127 и 149-150. Теперь M. Horten предпринялъ научный нѣмецкій переводъ энциклопедіи ибнъ-Сины. Вышедшій огромный 1-ый томъ: „Die Metaphysik Avicenna's" [Лейпц. 1909; 800 стр.] содержитъ половину 13-ой части свода.

[2]] „Аферин-наме", вѣроятно, была посвящена доисламскому сасанидскому пѣвцу-поэту Аферину, упоминаемому въ „Китàб аль-маҫасин" псевдо-Джахыза [изд. фанъ-Флотенъ], стр. 363.

„Адамъ стихотворцевъ" Рудегій (ум. ок. 954) при Несрѣ II (914-943) и его плеяда.

Рудегій выдвинулся еще въ послѣдніе годы IX вѣка, при самомъ могущественномъ эмирѣ-саманидѣ Исмаилѣ (892-907), очевидно какъ совсѣмъ еще молодой поэтъ. Но вообще вся дѣятельность Рýдегú тѣсно связана съ именемъ его высокаго покровителя и друга, неправовѣрнаго эмира-кармата Несра II (внука Исмаила) [1]). Царствованіе вольнодумнаго Несра II приходится на 914-943, т. е. почти до половины X вѣка, и съ именемъ Несра II соединяется вообще немало и ученыхъ и поэтическихъ именъ, при чемъ среди поэтовъ персидскихъ есть помимо Рудегія многіе другіе, вполнѣ даровитые [2]). Частію они предшественники Рудегія, частію—его современники, и онъ—ихъ блестящее завершеніе. Прежде назовемъ нѣсколько ихъ именъ, и затѣмъ ужъ обратимся къ Рудегію.

Такъ, при Несрѣ II жилъ и писалъ панегирики и робáй Абу-Шокýръ Бельхскій, котораго имя только-что было упомянуто какъ ранняго составителя (по Овфію, въ 948 г.) месневійной поэмы «Аферúн-нáмé», съ сюжетомъ, вѣроятно, про староиранскаго, сасанидскаго поэта-музыканта Аферина.

1] О принявшемъ карматство Несрѣ II см. „Исторію Персіи" I, вып. 1 [1909], стр. 53-54.

2] Современникамъ Рудеги, съ тщательно выуженными изъ „тезкирâтъ" остатками ихъ произведеній, посвящена кропотливая работа Герм. Эте: „Rûdagi's Vorläufer und Zeitgenossen", помѣщенная [на стр. 35-68] въ юбилейномъ Флейшеровскомъ сборникѣ „Morgenländische Forschungen" [Лейпц. 1875; срв. Нёльдеке въ Zeitschr. d. D. Morg. Ges., томъ 29, стр. 334]. Очень сухо самъ Эте ее резюмировалъ въ „Grundriss der iran. Phil.", т. II [Страссб. 1895, стр. 218-220]. На основаніи Эте очеркъ поэтовъ, современныхъ Рудеги, и вообще всѣхъ саманидскихъ X в.—предложенъ въ видѣ живой, увлекательной, блестящей лекціи Дж. Дармстетеромъ въ его брошюрѣ: „Les origines de la poésie persane" (Пар. 1887, изд. Ш. Леру), послѣ чего—у C. J. Pickering'a: „The beginnings of persian literature" въ „National Review" 1890 (іюль). Довольно живая картина, преимущественно по тезкире 'Овфія XIII вѣка дана въ „A liter. hist. of Persia" Эдв. Брауна, т. I (1902), стр. 450 и слѣд. Образцы произведеній выдающихся поэтовъ саманидскаго періода далъ, транскрибировавши латинскими буквами тексты, изданные у Эте, Ит. Пицци въ своей „Chrestomathie persane" (Торино 1889, стр. 57 и слѣд.), при которой помѣщенъ и спеціальный персидско-французскій словарчикъ. Оттуда, уже буквами арабскими, образцы переизданы въ хрестоматіи Мирзы-Абдуллы Гаффарова: „Образцы персидской письменности" ч. II (М. 1906). Въ своей „Storia della poesia persiana" (1894) Пицци даетъ итальянскій переводъ тѣхъ же стиховъ, какіе внесъ въ хрестоматію, и другихъ.

Типиченъ поэтъ вульгарнаго происхожденія и профессіи — Хекимъ-Хеббáзъ Нишапурскій («лѣкарь-булочникъ», ум. ок. 953), который былъ булочникомъ («хеббáз») и пекъ «хорошія булки и стихотворенія», а потомъ сдѣлался лѣкаремъ («хекім») и, по словамъ его насмѣшливаго сына, тоже поэта, говаривалъ насчетъ больныхъ: «Когда для дичи пробьетъ роковой часъ опредѣленія, она сама бѣжитъ на охотника»......

Набожный Абу-Шоэйбъ Сáлыхъ Хератскій воспѣвалъ искусительную, бѣсовскую красоту одного христіанскаго отрока.

Мохеммедъ Ферáлáвй [1])—авторъ очень нѣжныхъ лирическихъ стиховъ.

Яркій мощный талантъ, съ мрачнымъ пессимистическимъ настроеніемъ—Абуль-Хасанъ Шеһйдъ Бельхскій, въ элегіи на смерть котораго Рудегій выразился, что, хотя умершій—одинъ, но мудрецовъ сошло въ могилу въ его лицѣ больше тысячи. Повидимому, и личная жизнь Шеһйда слагалась не удачно: онъ жалуется, что талантъ и матеріальное довольство не разцвѣтаютъ вмѣстѣ, какъ не цвѣтутъ одновременно нарциссъ и роза. Но и для другихъ людей онъ не видитъ счастья въ мірѣ. Встрѣча съ филиномъ въ развалинахъ отражается въ творчествѣ Шеһида приблизительно какъ встрѣча съ ворономъ у Эдгара По:

Вчера мнѣ пришлось вечеромъ быть въ развалинахъ Туса.
Вижу: въ разрушенномъ курятникѣ сидитъ филинъ вмѣсто пѣтуха.

— Ну, что ты мнѣ скажешь про эти руины? — спрашиваю я.
Онъ въ отвѣтъ: „Скажу: увы, увы!"
Гофтâ: „Хебер-ін-ест, ки эфсус, эфсус!"

У Эдгара По: «Quoth the raven: Never more!»

Шеһйду Бельхскому казалось, что «если бы у скорби былъ дымъ какъ у огня, то міръ вѣчно находился бы во миракѣ»:

Эгяр гем-ра чо атеш дуд буді,
Джеһан тарік буді джавидане.

---

[1]) Не „Фераладй", какъ у Этé (Grundriss II, 219). Срв. у Брауна: A lit. hist. of Persia, I (1902), стр. 455.

Шеhиду приписываютъ составленіе перваго персидскаго «дивана стихотвореній», т. е. систематизированіе собранія стихотвореній по риѳмамъ. Но возможно, что это впервые сдѣлалъ плодовитѣйшій поэтъ Несра II и вообще всего міра—Р у́ д е г і́ й,—тотъ поэтъ, о талантѣ котораго другъ его, Шеhи́дъ Бельхскій, выражался, что для другихъ поэтовъ восклицаніе «чудесно!» есть похвала, а для таланта Рудегі́я—оскорбленіе.

Рудегі́й (ум. 941 или скорѣе 954)—является первымъ классическимъ поэтомъ Персіи, «Адамомъ стихотворцевъ».

О Рудегіѣ есть статья въ старой работѣ С. Назарьянца: «Абулъ-Касемъ Фердауси Тусскій», I (Каз. 1849), стр. 23-38. Скомпилированы свѣдѣнія Джа́мія и Довлетъ-шаха XV в. и, правда—плохимъ русскимъ языкомъ, переведены довольно многіе образцы изъ творчества Рудегія.

Основная работа—Г. Эте: «Rûdagî» въ «Nachrichten von der Königl. Gesellschaft der Wissenschaften» при гёттингенскомъ университетѣ, 1873 (N. 25, стр. 663-742); здѣсь изъ разныхъ «тезкиратъ» выужено и переведено немало образцовъ изъ стихотвореній Рудегія. Его же статья въ Британской Энциклопедіи (9-ое изд., т. XXI, стр. 49-ая) и въ Grundriss'ѣ, т. II (стр. 220-221 и 223).

Популяризація работы Эте и превосходная характеристика Рудегія—у Дарместетера: «Origines de la poésie persane» (1887), стр. 11-28. См. еще популяризацію у Пикеринга по-англійски: «A Persian Chaucer» въ National Review 1890 (май и, отчасти, іюнь).—Ch. Schefer: Chrestomathie persane, т. II (1885), біографія во франц. отдѣлѣ стр. 247-248; образцы въ персид. отдѣлѣ стр. 252-253.

It. Pizzi: Storia della poesia pers. I (1894), стр. 71-74, по Эте и Дарместетеру; стр. 131-135 образцы въ переводѣ. Перс. текстъ, въ латин. транскрипціи, у него же въ «Chrest. persane» (1889), стр. 59-62.

P. Horn: Gesch. der pers. Litt. (1901), стр. 73-77. Хорну съ своей стороны удалось найти (въ словарѣ Эседія XI в.) нѣсколько новыхъ отрывковъ изъ Рудегія.

E. Browne: A liter. hist. of Persia, т. I (1902), стр. 15-17 и 455-458. Пересмотръ біографіи по первоисточникамъ, два-три перевода образцовъ.

Собраніе стихотвореній Рудегі́я не сохранилось, и по крохамъ сколько-нибудь возстановлено его творчество трудами Эте́ и др. Правда, мнѣ пришлось мелькомъ видѣть литографированное небольшое теhранское изданіе т. н. «ди-

> в а н а» Рудеги (помнится, ок. 1308-1310 г. хиджры, т. е. ок. 1891-1893 г.), но подлинность его надо бы сперва поизслѣдовать. Не изъ того ли оно сорта, что и рукописный диванъ Рудегія, доставленный незадолго передъ тѣмъ Казимірскому? (См. Казимирскаго: «Menoutchehri», 1886, стр. 9, сноска).

Родился Рудегій, вѣроятно, тогда, когда Бухара́ (874) только что перешла отъ Саффаридовъ къ Саманидамъ; родной его городъ Рудекъ лежалъ гдѣ-то между Бухарою и Самаркандомъ,—кажется, прямо въ окрестностяхъ Самарканда (Пенджъ-Рудекъ) [1]. Біографы представляютъ Рудегія слѣпорожденнымъ. Утвержденіе это вызываетъ сомнѣнія, если мы примемъ въ соображеніе способность поэта великолѣпно рисовать красочныя картины, большую жизнерадостность и, пожалуй также, поразительную, необыкновенную плодовитость, едва ли возможную для слѣпца, который самъ не пишетъ. Одновременно Рудегій былъ музыкантъ, могъ аккомпанировать себѣ на арфѣ или лютнѣ, и очень вѣроятно, что этимъ объясняется звучность и музыкальность его стиховъ. У бухарскаго эмира Несра II (914-943) Рудегій былъ любимымъ стихотворцемъ, пользовался дружбою государя и получалъ баснословно высокія награды.

Естественно, что хвалебныя оды занимаютъ въ его разностороннемъ творчествѣ не послѣднее мѣсто. Одна ода, вполнѣ простая, не напыщенная, очень славится. Эмиръ Несръ II замѣшкался тогда въ Хератѣ и не торопился возвращаться въ Бухару; быть можетъ, и онъ въ душѣ находилъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми арабоязычными поэтами его дѣда-Исмаила, что городъ Бухара́—это «грязная помойная яма, гдѣ самый добрый конь вскорѣ долженъ обратиться въ осла» [2]; во всякомъ случаѣ жизнь въ

---

[1] В. Бартольдъ: „Туркестанъ" (1900), стр. 12º, по словарямъ Сам'анія Мервскаго XII в. и Якута XIII в. У Сам'анія, какъ мелькомъ отмѣчаетъ В. Бартольдъ (стр. 35; срв. изданные имъ тексты, вып. I, 1899, стр. 54, 58) есть біографическія свѣдѣнія о Рудегіѣ.

[2] Авторъ этихъ арабскихъ насмѣшливыхъ стишковъ про Бухару—Абу-Ахмедъ, секретарь бухарскаго эмира Исмаила. См. статью Барбье де Мейнара въ Journal Asiatique 1853, откуда у Дармстетера: „Origines" (1887, стр. 13) и у Пицци: „Storia" I (1894, стр. 124). Арабскій контекстъ см. въ „Йетîмет ад-даhр" Те'алибія X-XI в.; дамасск. изд., т. IV, стр. 8 : 14. Другой арабскій поэтъ, цитируемый тамъ же въ „Йетîме" (т. IV, стр. 8 : 9), выражается рѣзче: „Бохàра—мин харà: лà шякка ла-hу"=„имя Бухара происходитъ отъ х а р а́ (=экскрементъ): въ томъ сомнѣнія нѣтъ".

Херате была для него пріятнѣе. Но придворнымъ долгое пребываніе въ Хератѣ не нравилась, ихъ тянуло на родину, и они попросили Рудегія воздѣйствовать на монарха. Поэтъ, аккомпанируя себѣ на инструментѣ, спѣлъ:

Буй-и джуй...— —hemi.
Вѣетъ на насъ благоуханіемъ родной нашей рѣчки Муліянъ,
И возстаетъ воспоминаніе о миломъ другѣ:

Чудится: я иду берегомъ Аму-Дарьи; и песокъ, хоть и полонъ крупныхъ камешковъ,
Мягкимъ шелкомъ стелется подъ моими ногами.

Родимыя воды радуются возвращенію друга;
Волны весело плещутся и достаютъ мнѣ до пояса.

Радуйся, Бухарà! живи въ радости!
Придетъ когда-то погостить къ тебѣ и твой государь.

Государь—свѣтелъ мѣсяцъ, Бухарà—небо;—
Гляди, восходитъ уже мѣсяцъ на небо!

Государь—кипарисъ, Бухара—садъ;—
Кипарисъ идетъ въ свой садъ!

Пѣсня подѣйствовала на эмира Несра II; воспоминанія о забытой родинѣ охватили его. Онъ велѣлъ немедленно подать коней и, не дожидаясь верховыхъ сапогъ, просто въ башмакахъ (бі музé, бâ кяфш), сѣлъ на своего коня и покинулъ Хератъ, чтобы скорѣй поспѣть въ Бухарý. Ужъ за двѣ мили отъ Херата нагнали его и привезли ему сапоги.

Съ художественной стороны для насъ цѣннѣе въ творчествѣ Рудегія не панегирики, а общечеловѣческая лирика. Онъ очень незаурядный пѣвецъ-гедоникъ и тонкій, прочувствованный лирикъ-эротикъ, въ общемъ естественный и простой и лишь временами не чуждый ходульности. Такъ-какъ Рудегій раздѣлялъ вольнодумныя «карматскія» воззрѣнія своего государя Несра II, то въ жизнерадостной его лирикѣ мы видимъ полное нежеланіе считаться съ предписаніями Корана и мертвящей узостью правовѣровъ:

Шàд зі...— —бâд.
Веселись съ черноокими красавицами, веселись!
Потому что міръ есть ничто иное, какъ пустая басня и вѣтеръ.

Настоящему—надо радоваться,
А о прошломъ не къ чему помнить.

Мнѣ интересна лишь эта красавица, съ кудрявыми волосами, съ запахомъ мускуса,
Мнѣ интересна лишь эта красавица, съ лицомъ, что свѣтелъ мѣсяцъ, со свойствами хуріи.

Блаженъ, кто и другимъ жить даетъ, и самъ жизнью пользуется;
Злополученъ тотъ, кто ни самъ пользуется, ни другимъ не даетъ.

Увы! этотъ міръ—вѣтеръ и облако.
Подай же сюда вина, и—будь, что будетъ!

Еще восхваленіе вина:

Ан 'eqiqi мей...— —би-шинâхт.
Словно сердоликъ—красно вино! Кто взглянетъ,
Рѣшитъ, что это и есть растопленный сердоликъ.

Да и на самомъ дѣлѣ сердоликъ и вино—одно и то же вещество,
Только, одно—въ твердомъ видѣ, другое—въ жидкомъ [1]).

Образецъ любовной тоски:

Чун коште...— —нійâз.
Когда ты меня увидишь убитымъ, уста—сомкнутыми,
И тѣло—лишеннымъ души, чуждымъ желаній,—

Тогда присядь къ моему изголовью и ласково скажи:
„О ты, кого я убила, и теперь каюсь!"

Кромѣ панегиризма и гедонико-эротическихъ мотивовъ, имѣется въ лирикѣ Рудегія и рефлексія, и пессимистическое морализаторство въ духѣ Шеһида Бельхскаго. Возможно, что этотъ мотивъ особенно развился у него подъ старость, когда онъ потерялъ богатство и впалъ въ нищету. Катастрофа въ жизни Рудегія, надо полагать, находится въ связи съ судьбою его царственнаго покровителя, Несра II. Послѣ того какъ эмиръ-карматъ былъ низложенъ (943), и при дворѣ бухарскомъ восторжествовалъ ханжа-везирь Сюламій, кончилась почетная роль Рудегія при дворѣ, и ему въ наступившей нищетѣ и подкравшейся старости оставалось только со вздохомъ вспоминать былые дни. По Данту, ricordare la felicità nella

[1]) Срв. у Абу-Новаса (ок. 756-813) временъ Харуна-ар-Рашида, „Диванъ", каир. изд. 1898, стр. 243:2-3.

miseria—одна изъ злѣйшихъ мукъ, и старческія элегіи Рудегія полны самого неподдѣльнаго чувства:

Ме-ра̂ бесуд...— —буд [1]).
Выкрошились отъ старости, выпали мои зубы.
А было время, сверкали они ослѣпительной бѣлизною!..

Можешь ли ты представить, красавица, съ лицомъ что свѣтелъ мѣсяцъ, съ волосами надушенными мускусомъ,
Каковъ былъ прежде я, твой нынѣшній рабъ?

Много было изящныхъ дѣвушекъ, которыя въ него влюблялись
И на вечернее свиданіе къ нему тайно выходили.

Много было сердецъ, которыя отъ его поэзіи дѣлались мягки словно шелкъ,
А прежде были тверды, какъ камень и наковальни.

И ты, продавецъ вина, ты видишь нынѣшняго Рудегія.
Не видалъ ты его въ тѣ времена, когда онъ былъ однимъ изъ повѣсъ.

Не видалъ ты его въ тѣ времена, когда онъ привольно шествовалъ въ мірѣ,
Распѣвая пѣсни, какъ соловей, на тысячу ладовъ [2]).

Прошли тѣ времена, когда его поэзія заполняла весь міръ!
Прошли тѣ времена, когда онъ былъ поэтомъ Хорасана!

Теперь вѣкъ сталъ иной, и я сталъ иной.
Дай мнѣ палку!.... Пора ужъ ходить съ клюкою и съ сумою!....

Творческая плодовитость Рудегія была баснословна. Увѣряютъ [3]), будто Рудеги составилъ одинъ милліонъ и четыреста тысячъ стиховъ (т. е. 700.000 двустишій),—«изъ которыхъ, къ счастію, до насъ дошла

---

[1]) Извлекаю лишь нѣкоторые стихи изъ элегіи, дѣлаю пропуски.

[2]) hезáр-дастáн=съ тысячею повѣстей,—обычный эпитетъ соловья. Оттого переводъ Дармстетера („Origines" стр. 25): „il était l'homme de Mille Histoires" совершенно не вѣренъ. Но ужъ совсѣмъ дико звучитъ данное сюда Дармстетеромъ поясненіе: „Le livre de K a l i l a, origine de Mille et une Nuits".

[3]) См. напр. въ „Táріх-и Гозідé" XIV в., гл. V, № 32.

только какая-нибудь тысяча»,—ядовито замѣчаетъ Хорнъ [1]). Вполнѣ возможно, что въ такой массѣ стиховъ многіе, дѣйствительно, были слабы, водянисты и не заслуживаютъ сожалѣнія своей потерей. Но,—это ужъ несомнѣнно къ сожалѣнію,—совсѣмъ не дошла до насъ, за исключеніемъ маленькихъ цитатъ, эпическая работа Рудегія: стихотворное изложеніе «Калилы и Димны», сдѣланное имъ (ок. 932 г.?) по порученію эмира Несра II.

Дакыкый (уб. ок. 977), поэтъ-классикъ второй половины саманидскаго вѣка, и его плеяда.

Классическимъ поэтомъ начала второй половины саманидскаго періода является поэтъ-зороастріецъ, немусульманинъ Дакы́кы́й (уб. ок. 977), предшественникъ Фирдовсія въ обработкѣ иранскаго національнаго эпоса: «Шâh-нâмé». Составленную Дакыкыемъ исторію царя Гоштаспа (авест. Виштаспы), котораго обратилъ въ свою религію пророкъ Зердоштъ (Зороастръ, авест. Заратуштра), Фирдовсій цѣликомъ внесъ въ свою «Шâh-нâмé» [2]). Но Дакыкый взялся за эпосъ въ самомъ концѣ своей, внезапно прервавшейся жизни, и взялся по порученію нововзошедшаго бухарскаго эмира Нуха II (976-997). До того же времени Дакыкый широко былъ извѣстенъ какъ талантливый лирикъ, беззаботнаго, гедоническаго направленія:

— Дакыкый четыре вещи выбралъ
Изъ всего міра, хороши ли онѣ или плохи—все равно:

Рубиновыя уста, стонущую мелодію лютни,
Кроваво-красное вино и религію Зороастра,—

говоритъ поэтъ самъ про себя [3]).

Ка́шкі...— —ністі.
О если бы въ мірѣ не было ночи,
Чтобы мнѣ не было разлуки съ этими устами!......

---

[1]) P. Horn: Gesch. der pers. Litter. (1901), стр. 73. Онъ, вѣроятно за Джаміемъ XV вѣка, говоритъ о милліонѣ и трехстахъ тысячахъ (т. е. даетъ Рудегію на сто тысячъ стиховъ меньше).

[2]) Въ связи съ Фирдовсіемъ, намъ придется еще разъ вернуться къ Дакыкыю въ особой большой главѣ, посвященной Фирдовсію, и дать тамъ „Экскурсъ о Дакыкыѣ". Тамъ указывается и библіографія, относящаяся къ Дакыкыю.

[3]) „Deqiqi чар хислет...... о зиштî".

Правда, на душѣ моей не было бъ раны, словно отъ скорпіоньяго жала,
Не будь вьющихся локоновъ у моего друга, подобныхъ жалящихъ скорпіонамъ.

Но не будь ямочки-звѣздочки подъ губою у него,
Не посчастливилось бы мнѣ всю ночь сладко бесѣдовать со звѣздою.

И не будь весь онъ сотканъ изъ прелести,
Душа моя не была бы вся соткана изъ любви къ нему.

И если бы мнѣ судилось жить безъ друга,
То дай Господи, чтобы совсѣмъ мнѣ не жить!

Ночь съ однимъ изъ такихъ отроковъ-друзей стоила Дакыкыю жизни. Около 977 года поэтъ былъ заколотъ любимымъ невольникомъ-турченкомъ, и его задачу по обработкѣ «Книги царей» взялъ на себя, какъ знаемъ, другой великій хорасанецъ Фирдовсій [1]), закончившій ее послѣ многихъ лѣтъ труда почти одновременно съ паденіемъ саманидской династіи.

Между двумя главными саманидскими классиками, Рудегіемъ и Дакыкыемъ, и послѣ Дакыкыя до конца династіи саманидовъ есть цѣлая цѣпь очень талантливыхъ и интересныхъ поэтовъ, далеко притомъ не монотонныхъ и не однородныхъ по настроенію; не даромъ эпоха Саманидовъ считается з о л о т ы м ъ в ѣ к о м ъ персидской поэзіи.

Интересенъ напримѣръ бывшій восхвалитель эмира Несра II (914-943), Абуль-Аббáсъ З е н д ж и́ Бухарскій; онъ, задолго предвосхищая французскій принципъ: «Le roi est mort—vive le roi!»—оплакалъ свергнутаго и погибшаго эмира Несра II (943) въ такой искусной элегіи, каждый стихъ которой содержитъ и тоску объ ушедшемъ эмирѣ, и привѣтственную похвалу его преемнику и сыну Нуху I ибнъ-Несру (943-954). Восхвалитель слѣдующаго эмира Абдельмелика I (954-961) М е ʿ р у ф і й Б е л ь х с к і й заявлялъ, въ стилѣ арабской «Хамасы», что эмиръ—для враговъ горькій колоквинтъ, для друзей—медъ. Долголѣтній эмиръ Нухъ II (976-997, современникъ Себоктегина Газневидскаго) восхваляемъ былъ Г е з á л і е м ъ Л у к я р с к и м ъ, который, какъ и Дакыкый, въ области любви прославлялъ отроковъ, въ частности—прелести одного курдскаго мальчика.

---

[1]) Это мы будемъ видѣть ниже съ подробностью.

Замѣчателенъ Абу-Та́һиръ Хосрева́ній, пессимистъ, отпускавшій эпиграммы на состарившагося Рудеги (ум. ок. 954), отпускавшій эпиграммы и на тѣхъ, кто окружалъ его собственный смертный одръ: «Четверо безсильныхъ людей окружаютъ меня, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ проку: лѣкарь, святой старецъ, звѣздочетъ и колдунъ,—со своими снадобьями, молитвами, гороскопами и талисманами». Въ скорби Хосреванія о бренности міра звучитъ иногда мистицизмъ. Самъ Фирдовсій впослѣдствіи, горюя объ ушедшей юности, счелъ достойнымъ закончить свое стихотвореніе ссылкой на Хосреванія: «И повторяю я стихъ Хосреванія: «Гдѣ ты теперь, моя юность! Гдѣ ты теперь, моя юность! Дері́га́, джева́ні! дері́га́, джева́ні!» [1]).

И поэтамъ покровительствовалъ (въ томъ числѣ Дакыкы́ю, уб. ок. 977) и самъ былъ хорошимъ поэтомъ воинственный, храбрый и литературно образованный князь Абуль-Хасанъ Алій эль-Эга́чи́; онъ, повидимому, управлялъ Кирманомъ (на югѣ Хорасана), т. е. дворъ его былъ довольно далеко отъ саманидской столицы Бухары.

Изъ другихъ князей-меценатовъ, подчиненныхъ саманидамъ, выдѣляется династія Феригунидовъ, въ Джузджанѣ, къ западу отъ Бельха. «Собраніе лѣтописей» везиря Решидеддина XIII в. обрисовываетъ литературныя заслуги Феригунидовъ X вѣка не ниже, чѣмъ саманидскія:

> — Страна Джузджанъ во время правленія Саманидовъ принадлежала роду Феригуна въ непрерывной наслѣдственной преемственности отъ отцовъ и дѣдовъ. Возвышенность ихъ стремленій, глубина ихъ щедрости достигали степени, которую трудно даже постичь и представить. Предѣлы ихъ области стали цѣлью, къ которой стремились люди другихъ мѣстностей, литераторы другихъ странъ. Благодаря щедрости Феригунидовъ, цѣны на стихотворенія стояли высоко.... Наиболѣе достойные, наиболѣе образцовые люди міра становились вмѣстилищемъ ихъ благодѣяній и питомцами ихъ щедротъ,—

— говоритъ цвѣтисто везирь Решидеддинъ [2]). Изъ поэтовъ, покровительствуемыхъ Феригунидами, интересенъ Менджи́къ, въ языкѣ котораго были рѣдкія выраженія—или архаичныя, или діалектическія мѣстныя. Ихъ плохо понимали ужъ какой-нибудь вѣкъ спустя.

---

[1]) Про Хосреванія см. Герм. Этé: „Fünf Lieder Khusrawání's" въ Sitzungsberichte der bayrischen Akademie 1873, стр. 654 и слѣд.

[2]) См. выписку изъ Решидеддина съ переводомъ А. Туманскаго въ „Запискахъ Восточнаго Отдѣленія", т. X (1897), стр. 128-129.

Стихи въ защиту мира, противъ войны и раздоровъ и въ похвалу идеальному братству людей, писалъ Абуль-фетхъ Бостскій (изъ округа Кандаhара), ум. въ 1009 г. Онъ—и арабскій поэтъ, очень вычурный, съ игрой словами [1]).

Любовь къ ближнимъ воспѣвалъ и Ме'невій-бухарецъ, поэтъ полный возвышенныхъ и оригинальныхъ мыслей, чему соотвѣтствовало и его прозвище («ме'нá»=смыслъ, идея). Онъ—понятно—ужъ изъ младшей плеяды Дакыкыя, равно какъ другой его сотоварищъ Абуль-Моэййедъ Ровнекый Бухарскій; этотъ второй при взглядѣ на ногти милой, окрашенные по восточному обычаю хенною, представлялъ себѣ, что красный этотъ цвѣтъ—кровь его сердца, растерзаннаго милою.

Аскетъ Абу-Исхáкъ (Абуль-Хасанъ?) Кисáі́й Мервскій (род. 953, ум. въ глубокой старости въ XI вѣкѣ) [2]) сперва былъ очень жизнерадостный поэтъ, а потомъ проникся пессимизмомъ и аскетизмомъ. Въ его любовной и нѣжной лирикѣ бываетъ немало искусственности и вычурности, но иногда она трогательна по изяществу:

Голь...— —не'ім-и голь.
Роза—благо, даръ ниспосланный изъ рая.
Люди дѣлаются благороднѣе, очутившись среди розъ.

О, продавецъ цвѣтовъ! Къ чему ты продаешь розу за деньги?
На вырученныя деньги чтó ты можешь купить цѣннѣе розы?

Замѣчательна старческая элегія Кисáй, гдѣ онъ скорбитъ о своей жизни, безплодно прожитой подъ верблюжьимъ бременемъ, въ качествѣ раба своихъ дѣтей, въ оковахъ семьи, и, подводя жизненные счеты, видитъ всюду только дефициты и невозвратное банкротство: «Гозáштíм о гозештíм о будені hеме буд»=«Я провелъ жизнь, и самъ прошелъ,—и все, что должно было быть, было» [3]). Шейху Кисаію принадлежатъ также стихотворныя восхваленія Алія и 12 шіитскихъ имамовъ.

---

[1]) Про Абульфетха Бостскаго см. у Броккельманна: Gesch. der arab. Litter. I (1898), стр. 251, и у Брауна: A lit. hist. of Persia, II (1906). стр. 98-100.

[2]) Съ Кисаіемъ имѣлъ столкновенія уже въ XI вѣкѣ Насир-и Хосровъ (род. 1004, ум. 1088), о которомъ подробно см. ниже.

[3]) О Кисáіѣ см. прежде всего статью Этé: „Die Lieder des Kisâ'i" въ Sitzungsberichte der bayrischen Akademie, philos.-philol. Classe 1874, стр. 133-153. Статья нуждается въ поправкахъ, и онѣ частью сдѣланы самимъ же Этé въ

'Омáра Мервскій (ум. въ XI в., послѣ саманидовъ) знаменитъ своимъ геніальнымъ двустишіемъ о пѣснѣ, которая цѣлуетъ уста поющей красавицы:

Хотѣлъ бы я спрятаться въ своемъ стихотвореніи,
Чтобы поцѣловать тебя въ губы, когда ты будешь его пѣть [1]),

а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ извѣстный ученый-астрономъ:—«Малое количество научности удаляетъ человѣка отъ поэзіи, а большое количество научности опять ведетъ къ ней», выражается по этому поводу Дармстетеръ [2]).

Если въ 1-ой половинѣ X вѣка центральное меценатское имя было эмиръ Несръ II съ везирями Джейһаніемъ и Бель'эміемъ Старшимъ (ум. 940), то во второй половинѣ X вѣка царственными покровителями всѣхъ этихъ поэтовъ-лириковъ (съ Дакыкыемъ въ центрѣ) были преимущественно два саманидскіе государя: Мансуръ I ибнъ-Нухъ (961-976) со своимъ везиремъ Бэль'эміемъ Младшимъ (ум. 996) и современникъ Себоктегина Газневидскаго Нухъ II ибнъ-Мансуръ (976-997). Въ политическомъ отношеніи ихъ царствованіе было уже эпохой ослабленія саманидской династіи; газневидъ Себоктегинъ держалъ Хорасанское воеводство въ своихъ рукахъ и оказывалъ политическое давленіе даже на внутреннія дѣла Бухары; но въ культурномъ отношеніи это и былъ самый высокій подъемъ.

„Grundriss der iran. Philol." II (1896, стр. 281). По матеріаламъ Этé, хорошая характеристика поэта у Дармстетера: „Les origines de la poésie pers." (1887, стр. 45-50). То же у Пицци: „Storia della poes. pers." I (1894, стр. 74-76) съ переводомъ образцовъ на стр. 135-136, персидскій текстъ которыхъ см. у него въ хрестоматіи (1889), стр. 62-64; тексты перепечатаны арабскими буквами въ „Образцахъ" Абд. Гаффарова (М. 1906). Важныя поправки къ Этé и новыя данныя у Edw. Browne'a: „A lit. hist. of Persia", т. II (1906, стр. 160-164), причемъ Браунъ касается Кисаія въ періодѣ газневидскомъ.

[1]) Омàра могъ заимствовать этотъ образъ изъ арабской поэзіи перса Башшàра ибнъ-Бюрда (ум. 783), у котораго есть нѣчто въ этомъ же родѣ. См. „Китàб аль-агàни", 1-е изд., т. III, стр. 33:8-9, и русскій переводъ у меня въ „Арабской литературѣ аббасидскаго періода".

[2]) „Origines" (1887), стр. 56 Даже въ XV в. Джамій съ восторгомъ говорилъ о знаменитомъ двустишіи 'Омары Мервскаго (см. предисл. къ автографу Джамія, изд. бар. Розеномъ въ описаніи перс. рукописей Петерб. Мин Ин. Дѣлъ, 1886, стр. 230: 20-24).

Персидская поэзія X в. у государей зап. и южн. Персіи— Бовейhидовъ.

Саманидское государство, т. е. восточная Персія (Хорасанъ, съ гг. Нишапуромъ, Мервомъ, Хератомъ, Бельхомъ, и Трансоксіана съ г. Бухарою), было истиннымъ мѣсторожденіемъ новоперсидской поэзіи X в. Въ западной и южной Персіи, которая въ X вѣкѣ находилась подъ удѣльной властью дейлемскаго дома Бовейhидовъ, литературное движеніе, несмотря на персидскую кровь государей и ихъ шіизмъ, сказывалось преимущественно на языкѣ арабскомъ. Не составляла исключенія, въ общемъ, и литература художественная. Ширазъ, Испаhанъ, Рей (=Теhранъ), коренныя персидскія области, были солидными центрами арабской литературы [1]), не худшими, пожалуй, чѣмъ арабскій Багдадъ, который тоже входилъ во владѣнія бовейhидовъ, какъ одна изъ бовейhидскихъ резиденцій. Постоянное, близкое культурное общеніе южной и западной Персіи съ культурнымъ арабскимъ центромъ Багдадомъ и не было ли одною изъ непослѣднихъ причинъ подавляющаго вліянія арабизма на бовейhидскую мусульманскую литературу? [2]) Зороастрійцы же, которыхъ въ южныхъ владѣніяхъ Бовейhидовъ было много, продолжали, разумѣется, хранить литературу пеhлевійскую, не заботясь о новоперсидской.

Все же, и бовейhидская Персія не совсѣмъ устранилась отъ той новоперсидской литературной жизни X в., которая дѣятельно развивалась въ Персіи саманидской. Рей (приблизительно нынѣшній Теhранъ), близкій къ саманидскому Хорасану, былъ повидимому важнѣйшимъ меценатскимъ центромъ, гдѣ и новоперсидскіе поэты, хотя бы захожіе изъ саманидскаго Хорасана, находили себѣ покровительство. У удѣльнаго бовейhида Рокнеддовле Рейскаго (ум. 976) былъ довѣренный везирь, родомъ изъ Тал[а]кана (т. е., б. м., Хорасана) [3]), а сынъ этого везиря, въ будущемъ тоже везирь, состоялъ въ тѣсной дружбѣ съ сыномъ государя и носилъ поэтому прозвище «ас-с а́ х ы б»=«наперсникъ». Подлинное имя этого молодого рейскаго «са́хыба» было Исмаилъ и б н ъ - ʻА б б а́ д ъ Талаканскій (род. ок. 936, ум. 995; везиремъ былъ, кажется, съ 977 г.).

---

[1]) Между прочимъ, составленіе огромнаго свода классической арабской поэзіи: „Китаб аль-агани" (ок. 963 г.) есть дѣло испаhанца,—положимъ, чистокровнаго араба.

[2]) Саманидская Бухара, какъ высоко она тоже ни стояла въ смыслѣ арабизма, не была такъ тѣсно связана съ Багдадомъ.

[3]) Есть Тал[а]канъ въ Хорасанѣ, къ сѣверу отъ Херата, къ югу отъ Мерва; есть Талаканъ возлѣ Казвина, т. е. недалеко и отъ Рея.

Былъ это человѣкъ въ высокой степени образованный; когда саманидъ Нухъ II (976-997) хотѣлъ переманить Са́хыба ибнъ-Абба́да отъ бовейhидовъ къ себѣ на везирство же, Са́хыбъ отвѣтилъ, что для перевозки одной лишь библіотеки понадобилось бы ему 400 верблюдовъ [1]). Превосходный арабскій филологъ, поклонникъ классической арабской поэзіи (онъ многотомную «Кита́б аль-ага́ни» всюду возилъ съ собою въ дорогу), ибнъ-ʻАббадъ сочувственно относился и къ поэзіи новоперсидской.

Источники свѣдѣній про Са́хыба ибнъ-ʻАбба́да:

1) главный и очень подробный источникъ—арабская антологія «Йетíмет ад-даhр» Таʻа́либія Нишапурскаго (род. 961, ум. 1038), т. III, гл. 3 (по дамасскому изданію ч. III, стр. 31-118).

2) ибнъ-аль-Анба́рій месопотамецъ (1119-1181): словарь филологовъ «Нозhет аль-алибба́», литограф. каир. изд. 1294=1877, стр. 397-401.

3) Якутъ (1179-1229): біографич. словарь «Ирша́д аль-арíб», т. II (Лейд. 1909, въ Гиббовой серіи), стр. 273-342. Эта обширная статья никѣмъ еще не была использована.

4) ибнъ-Халликянъ (1211-1282): біографич. словарь «Wафайа́т», по каир. изд. 1310=1893, т. I, стр. 75-76=англ. перев. Слэна, т. I (1843), стр. 212-217.

Европейскія работы (не считая очень старыхъ, какова статья «Saheb Ben Ebad» въ словарѣ Эрбло XVII в. и замѣтка Рейске XVIII в. въ «Annales Muslemici» Абульфыды, т. II, 1790, стр. 586):

A. F. Mehren: Die Rhetorik der Araber (Вѣна 1853), стр. 263.

Hammer-Purgstall: Literaturgeschichte der Araber, т. V (1854), стр. 649-655 (по «Йетíме») и 115-118 (по ибнъ-Халликяну).

G. Flügel: Die grammatischen Schulen der Araber (Лпц. 1862), стр. 240-242.

[Вюстенфельдъ въ «Die Geschichtsschreiber der Araber und ihre Werke, Гётт. 1882, допускаетъ совершенно непонятную ошибку: онъ, стр. 44, строка снизу 6-ая, назы-

---

[1]) Источникъ сообщенія—грамматикъ Фарисій изъ круга Сахыба, отъ котораго черпаетъ Таʻалибій Нишапурскій (род. 961). См. „Йетіме", дамасск. изд. т. III, стр. 35-36. Очевидно оттуда—у ибнъ-Халликяна (ум. 1282), егип. изд. 1310=1893, т. I, стр 76=англ. перев. Слэна I, 215.

ваетъ ибнъ-'Аббáда Талаканскаго везиремъ хамданида Сейфеддовли Алеппскаго].

C. Brockelmann: Gesch. der arab. Litter. I (1898), стр. 130-131. Перечислены сохранившіяся рукописи арабскихъ сочиненій Сáхыба ибнъ-'Аббáда.

Edw. Browne: A lit. hist. of Persia, I (1902), стр. 374-375 и стр. 463-467 passim; т. II (1906), стр. 93-94 и 102-103.

—«Я не могу найти достаточно сильныхъ выраженій», говоритъ антологистъ Та'áлибій Нишапурскій (961-1038), «чтобы надлежащимъ образомъ характеризовать ученость ибнъ-Аббáда, его щедрость и великодушіе». Число арабоязычныхъ поэтовъ, толпившихся при везирѣ ибнъ-Аббадѣ въ Реѣ, было огромно (образцы ихъ хвалебныхъ касыдъ въ арабской антологіи Та'áлибія наглядно намъ это показываютъ), и персидскіе поэты тоже находили у него радушное покровительство. Въ числѣ ихъ находились:

Мáнтыкый (Мансуръ ибнъ-Алій Рейскій)—напыщенный, вычурный реторикъ, противоположность очень естественнымъ поэтамъ Хорасана [1]). Сáхыбъ ибнъ-Аббадъ настолько однако цѣнилъ его цвѣтистыя хвалебныя касыды, что, когда къ бовейhидскому двору явился ок. 979 г. юный Баді'аззамáнъ Хамаданскій (род. ок. 967, ум. 1008), будущій составитель извѣстныхъ арабскихъ «макамъ», везирь для испытанія юнца въ тайнахъ высокаго арабскаго стиля предложилъ ему перевести арабскими стихами три персидскихъ стиха Мáнтыкыя.

Абу-Абдаллахъ Мохеммедъ Джонейдій, сверхъ панегириковъ везирю (частію арабскихъ), составлялъ по-персидски вакхическія стихотворенія, въ честь вина. Онъ совѣтуетъ пить вино и при утреннемъ разсвѣтѣ и на ночь; молоко, по словамъ Джонейдія, хорошо для маленькихъ дѣтей, а старику подобаетъ пить вино [2]).

---

[1]) Образцы стиховъ Мантыкыя, почерпнутые изъ тезкире 'Овфія XIII в., далъ по англійски Эдв. Браунъ въ „A liter. hist. of Persia“, т. I, (1902), стр. 463-465.

[2]) Такъ-какъ Джонейдій помѣщенъ въ „Лобаб“ Овфія XIII в въ главѣ VIII-ой, которая посвящена поэтамъ таhиридскимъ, саффаридскимъ и саманидскимъ, то Этé считалъ его за саманидскаго поэта, изъ предшественниковъ Рудегія, и пѣснь его о винѣ называлъ „das erste persische Weinlied“ (срв. и въ Grundriss, II, 1896, стр. 219).

Такимъ же поэтомъ «зу ль-лиса́не́йн» (т. е. двуязычнымъ, арабскимъ и персидскимъ) бывалъ при бовейhидскомъ дворѣ Мохаммедъ ибнъ-Алій Хосревій Серехскій. Родомъ онъ, судя по прозвищу [1]), былъ хорасанецъ, а велъ жизнь странствующаго трубадура. Заѣзжалъ онъ въ бовейhидскія владѣніи восхвалять везиря Са́хыба ибнъ-Абба́да, чаще однако искалъ покровительства и щедротъ у вассальнаго саманидамъ Табаристанскаго князя, зіярида Кабуса ибнъ-Вешмгира (976-1012, иначе: Шемс-эль-меʻа́ли).

При везирѣ Сахыбѣ началъ свою карьеру и Кямаледдинъ Пенда́ръ Рейскій (ум. 1010), оставшійся придворнымъ восхвалителемъ и въ первые годы регентства ас-Се́йийиды, матери послѣдняго рейскаго бовейhида Межджедеддовли (котораго въ 1029 г. свергъ султанъ Махмудъ Газневидскій) [2]). Въ разноязычномъ творчествѣ Пенда́ра (онъ писалъ и по-арабски и по-персидски) интересны его опыты на діалектѣ, на дейлемскомъ (гилянскомъ) сѣверно-персидскомъ нарѣчіи,— черта, аналогію къ которой мы уже наблюдали у феригунидскаго (джузджанскаго) поэта Менджи́ка [3]). Творчество Пенда́ра долго славилось и у потомства. Двѣсти лѣтъ спустя, въ XII вѣкѣ, панегиристъ азербейджанскихъ атабековъ Зеhи́ръ Фаръябій (ок. 1156-1201), желая себя превознесть, доказывалъ, что онъ выше Пенда́ра Рейскаго [4]).

ИСТОРИЧЕСКАЯ И ИНАЯ НАУЧНАЯ ПРОЗА НА НОВОПЕРСИДСКОМЪ ЯЗЫКѢ ПРИ САМАНИДАХЪ.

Только съ саманидскихъ временъ мы имѣемъ старѣйшіе дошедшіе до насъ образцы новоперсидской прозы.

Начатки примѣненія новоперсидскаго языка для прозаическаго писанія, покамѣстъ, совершенно неясны для насъ. Писали ли прозою раньше саманидской эпохи? Образчики новоперсидскаго стихотворства мы имѣемъ еще отъ IX вѣка: существовала ли тогда же и прозаическая письменность?

---

[1]) Серехсъ—къ югу отъ Мерва.

[2]) См. выше стр. 100-102.

[3]) См. выше, стр. 183. У ʻОвфія XIII в. нѣтъ образцовъ „дейлемскихъ“ стихотвореній Пендара. Одинъ образчикъ имѣется у Довлетъ-шаха XV в. (гдѣ про Пендара см. стр. 42-44 по изд. Брауна, 1901).

[4]) Въ правильномъ видѣ (у Довлетъ-шаха XV в. они извращены) стихи Зеhира Фаръябія цитируются у Брауна: „A liter. hist.“, т. II (1906), стр. 417.

Одну, совершенно неожиданную отрасль письменнаго употребленія прозаической новоперсидской рѣчи мы можемъ уловить, пожалуй, еще въ IX вѣкѣ. Но она—не у природныхъ персовъ, а у иранскихъ евреевъ. Вполнѣ возможно, что къ IX вѣку относится появленіе на новоперсидскомъ языкѣ напр. іудаистическаго Откровенія Даніила [1]): оно, въ своихъ пророчествахъ, ясно доведено до временъ халифа аль-Ма'муна (813-833). Іудаистическіе переводы извѣстныхъ частей Библіи на новоперсидскій языкъ тоже могутъ восходить къ этому же раннему періоду. Въ лингвистическомъ отношеніи эта персидско-еврейская письменность, съ буквами еврейскими (не арабскими и не пеhлевійскими), высоко интересна для филологовъ-иранистовъ: евреи писали на новоперсидскомъ языкѣ безъ искусственныхъ мусульманско-литературныхъ ухищреній, близко къ простонародной рѣчи [2]).

Главныя работы по изученію еврейско-персидской литературы:

S. Munk въ «La Bible de Cahan» IX, стр. 134-159, первый обратилъ вниманіе на эту литературу, причемъ относилъ Откровеніе Даніила къ XII вѣку.

H. Zotenberg: Persische Geschichte Daniels—въ Мерксовомъ «Archiv für wissenschaftliche Erforschung des Alten Testamentes», Халле, I (1869-1870), стр. 385-427. Изданъ съ переводомъ текстъ Откровенія.

Paul de Lagarde: Persische Studien, ч. II (Гётт. 1884), съ переводомъ Исаіи, Іереміи, Іезекіиля. Къ этому срв. Нельдеке въ «Literarisches Centralblatt» 1884, № 26 (стр. 888-891) и Залеманнъ въ «Orient. Litteraturblatt», II (1884-1885, стр. 74-86).

J. Darmsteter: a) статья въ «Revue Critique» 1882, іюнь (стр. 450-454);—б) L' apocalypse persane de Daniel, въ «Bibliothèque de l'école des hautes études» 1887, fasc. 73. Дармстетеръ относитъ памятникъ къ монгольской эпохѣ, XIII в.

Edw. Browne: A liter. hist. of Persia, I (1902), стр. 479-480. Стоитъ за происхожденіе еврейско-персидской литературы въ IX-X в.

Новыя цѣнныя работы дастъ акад. К. Г. Залеманнъ въ «Извѣстіяхъ» Акад. Наукъ.

---

[1]) съ оригинала, конечно, арамейскаго.

[2]) И въ другихъ странахъ аналогичныя еврейскія произведенія не разъ оказываютъ лингвистикѣ высокія услуги. Литература кіевскихъ жидовствующихъ еретиковъ, переведенная съ еврейскаго языка очевидно мѣстными евреями же, позволяетъ намъ проникнуть прямо въ базарную малорусскую рѣчь Кіева XV вѣка.

Къ исторіи персидской литературы—еврейско-персидская письменность едва ли, однако, имѣетъ какое-либо отношеніе. Сомнительно даже, знали ли персы IX-X вѣка, что евреи пишутъ иногда и на новоперсидскомъ языкѣ, а не только на своемъ священномъ.

Что касается мусульманско-персидской прозы, то существованіе ея мы съ несомнѣнностью констатируемъ только ок. половины X в., тогда, когда персидское стихотворство давно ужъ достигло высокаго разцвѣта. Одною изъ первыхъ отраслей новоперсидской прозы была, какъ увидимъ ниже, исторія. Раньше же того времени историческіе труды саманидскаго государства, по крайней мѣрѣ тѣ, какіе мы знаемъ, оказываются на языкѣ арабскомъ.

На двухъ изъ арабоязычныхъ произведеній саманидской исторіографіи, по времени тоже ок. половины X в., слѣдуетъ намъ остановить свое вниманіе прежде, чѣмъ касаться исторіографіи на языкѣ персидскомъ. Оба эти арабоязычныя произведенія посвящены прошлой исторіи Бухары́ и Хорасана и занимательны, а потому, даже безъ умышленнаго желанія составителей, должны были содѣйствовать укрѣпленію сознательнаго персидскаго націонализма. Извѣстно, какую силу имѣютъ для возбужденія патріотизма разсказы о прошломъ страны, хотя бы и на чужомъ языкѣ [1]). Оба труда впослѣдствіи (правда, уже въ XI и XII вв.) были использованы или переработаны также на персидскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, вошли даже въ прямую область персидской литературы. Арабоязычные ихъ авторы—Нершахîй и Селля́мій.

Первый изъ нихъ, Мохеммедъ Нершахîй (ум. 959) поднесъ свою писанную по-арабски «Исторію Бухары́» бухарскому эмиру-саманиду Нуху I ибнъ-Несру (943-954). Эта арабская Нершахіева «Исторія Бухары» до насъ дошла не въ подлинномъ своемъ видѣ, а въ персидской передѣлкѣ XII вѣка, съ сокращеніями, измѣненіями, дополненіями, съ сохраненіемъ однако имени автора въ заглавіи: «Та́рîх-и Нерша́хî» [2]). Такъ-какъ персидская передѣлка XII в. пред-

[1]) Въ исторіи славянскаго возрожденія нач. XIX в. сыграли первостепенную роль сочиненія на латинскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

[2]) „Тâрîх-и Нершахî" издана по персидски Ш. Шеферомъ: „Description topographique et historique de Boukhara" (Пар. 1892), а на русскій языкъ переведена, подъ редакціей В. В. Бартольда, Н. С. Лыкошинымъ: „Мухаммедъ Наршахи, Исторія Бухары" (Ташкентъ 1897; 123 стр.), послѣ чего и персидскій текстъ переизданъ въ Туркестанѣ (Бухара 1322=1904; 125 стр.). Изъ характери-

назначалась для главы бухарскаго духовенства, то очень вѣроятно, что первоначальный слишкомъ свѣтскій характеръ арабскаго подлинника X в. былъ изрядно вытравленъ. Арабская Нершахіева «Исторія Бухары» трактовала «о состояніи Бухары, о ея достоинствахъ, прелестяхъ, обо всемъ, что есть въ Бухарѣ и ея окрестностяхъ изъ удобствъ жизни и что вообще до нея относится»,—словомъ, была чисто свѣтскаго характера, безъ религіозныхъ тенденцій, хотя при этомъ и приводились священные (конечно, выдуманные) хадисы со словъ, якобы, Пророка о превосходствѣ Бухары. Арабскій слогъ Нершахія былъ очень витіеватъ («очень краснорѣчивъ», какъ говоритъ персидскій передѣлыватель XII в.), что, быть можетъ, въ тѣ времена даже нравилось и увеличивало кругъ читателей.

Другой важный арабоязычный историческій трудъ, хорасанца [Абу-]Алія Селлямія (ок. 955), родомъ изъ-подъ Нишапура, касается судебъ Хорасана и озаглавленъ былъ: «Ат-тáріх фі ахбáр wолáт Хорáсáн»=«Исторія правителей Хорасана», т. е. тѣхъ династій, которыя властвовали въ Хорасанѣ, до саманидовъ включительно. Исторія Селлямія была написана, несомнѣнно, очень живымъ, интереснымъ слогомъ и содержала много бытовыхъ подробностей (авторъ былъ и беллетристъ, и составлялъ сборники анекдотовъ) [1]), такъ что читалась, надо полагать, охотно, а значитъ—возбуждала въ читателяхъ и мѣстный патріотизмъ. Она—очень небезслѣдное явленіе въ исторіографіи [2]).

Высокозамѣчательное примѣненіе персидской прозы сдѣлано было въ Хорасанѣ, въ г. Тусѣ (недалеко отъ нын. Мешһеда), коммиссіей ибнъ-'Абдерреззака 957-958 года. Мохеммедъ Абу-Мансуръ ибнъ-'Абдерреззакъ былъ саманидскимъ правителемъ Туса и

стикъ труда Нершахія достаточно указать сжатую и выразительную на русскомъ языкѣ у В. Бартольда: „Туркестанъ въ эпоху монгольскаго нашествія" II (Спб. 1900), стр. 15-16.

[1]) См. „Йетімет ад-даһр" Та'âлибія Нишапурскаго (род. 961), дамасск. изд. 1304=1885, т. IV, стр. 29 : 4.

[2]) „Исторія Хорасана" Селлямія не сохранилась въ своемъ арабскомъ подлинникѣ, но именно она послужила главнымъ источникомъ для дошедшей до насъ персидской исторіи газневидца Гярдизія XI в. (о немъ см. ниже) и соотвѣтствующихъ отдѣловъ араба ибнъ-аль-Асира XIII в. (ум. 1232). Кромѣ того пользованіе Селляміемъ мы находимъ у персидскаго историка Джовейнія монгольскихъ временъ (XIII в.; см. „Исторію Персіи", т. III, 1914, стр. 40-43) и очень сильно въ арабскомъ біографическомъ словарѣ ибнъ-Халликяна (ум. 1282). Указанія эти см. въ „Туркестанѣ" В. Бартольда (1900), стр. 11, гдѣ есть краткая замѣтка о Селлямiѣ.

любилъ иранскую старину, въ глуби которой онъ, къ тому же, склоненъ былъ искать свою собственную генеалогію [1]). Одинъ вельможа озаботился составить для него переводъ съ пеһлевійскаго языка на новоперсидскій «Книги владыкъ» (=сасанидской «Хватâй-нâмак»). Создана была для этой цѣли коммиссія изъ четырехъ зороастрійцевъ. Она не просто переводила сасанидскую «Хватâй-нâмак» на новоперсидскую рѣчь, но вносила также дополненія по другимъ пеһлевійскимъ источникамъ. И такимъ образомъ въ 958 году появилась на новоперсидскомъ языкѣ прозаическая «Шáһ-нáмé». Будущему стихотворному обработчику ея, Фирдовсію, который жилъ тамъ же въ Тусѣ, было тогда немногимъ больше двадцати лѣтъ. Государемъ саманидскимъ, эмиромъ Бухары, былъ въ это время Абдельмеликъ I ибнъ-Нухъ (954-961).

Къ сожалѣнію, прозаическая «Шáһ-нáмé» 958 г. до насъ не дошла. Самая старая прозаическая персидская книга, какую мы имѣемъ въ рукахъ, составлена пять лѣтъ спустя (963).

На престолъ Бухары взошелъ тогда братъ Абдельмелика эмиръ Мансуръ I ибнъ-Нухъ (961-976). Черезъ два года послѣ своего вступленія на престолъ онъ (963) поручилъ своему просвѣщенному везúрю Бель'эмíю перевести съ арабскаго языка на персидскій всеобщую исторію Абу-Джа'фара Мохаммеда ат-Табари, составленную по-арабски съ полвѣка тому назадъ. Бель'эмíй не просто перевелъ, но и сократилъ расплывчатое, громоздкое и, оттого, не всегда легко читаемое арабское произведеніе. Эта Бель'эміева передѣлка: «Тáріх-и Теберí» и есть первое историческое сочиненіе, какое сохранилось отъ X вѣка на новоперсидскомъ, а не на арабскомъ языкѣ [2]). Вслѣдствіе своей удобочитаемости этотъ сокращенный переводъ Бель'эмія сталъ въ широкой

---

[1]) Заключить это позволяетъ своимъ сообщеніемъ аль-Бируній (род. 973, ум. 1048). См. классическую работу Т. Нельдеке: „Das iranische Nationalepos“ въ „Grundriss der iran. Philol.“, т. II (1896), стр. 144.

[2]) Имѣется съ персидскаго рукописнаго текста полный французскій переводъ H. Zotenberg: „La chronique de Tabari“, 4 тт. (Парижъ 1867-1874). Вскорѣ же послѣ того Навалькишоръ въ Лакнау отлитографировалъ персидскій текстъ. Не перепечатку ли его представляетъ „Тáріх-и Теберí“, вышедшая въ Каунпорѣ (1896; 800 стр. in-folio)? У меня есть впрочемъ подозрѣніе, что послѣднее изданіе—нынѣшній переводъ съ арабскаго, а не Бел'эміевскій.

непереводный персидскій коранскій тефсиръ и фармакологія Моваффака Хератскаго)—это самые старые образцы персидской прозы, какіе дошли до насъ. Датируются они, какъ мы видѣли, царствованіемъ эмира Мансура I (961-976). Отъ временъ его преемника, Нуха II (976-997), царствовавшаго долго и, собственно, закончившаго собою саманидскую эпоху, мы по случайности не имѣемъ прозаическихъ персидскихъ произведеній. (Въ XI вѣкѣ ихъ ужъ много).

„Шáh-нáмé"—вѣнецъ всей саманидской литературы.

Эмиръ Нухъ II ибнъ-Мансуръ (976-997) прославленъ, мы ужъ видѣли, какъ покровитель многочисленныхъ талантливыхъ персидскихъ поэтовъ. Но едва ли не наиболѣе прославленъ эмиръ Нухъ II своимъ стремленіемъ возродить воспоминанія о староперсидскихъ эпическихъ богатыряхъ въ художественной новоперсидской формѣ.

Мы упоминали о прозаической «Шаh-наме». Это тотъ прозаическій, дѣловой новоперсидскій переводъ сасанидско-пеhлевійской «Книги владыкъ», который былъ исполненъ коллегіей 957-958 года. Эмиръ Нухъ II, едва взошелъ на престолъ (976), немедленно сталъ заботиться о томъ, чтобы прозаическій переводъ подвергся артистической стихотворной обработкѣ. Выборъ его палъ на поэта-зороастрійца, тоже вышеупоминавшагося, знаменитаго Дакы́кы́я. Дакы́кый приступилъ было къ этому дѣлу, но вдругъ погибъ [1]). Вмѣсто него сейчасъ же взялся за это дѣло другой подданный саманидамъ поэтъ, великій хорасанецъ Фирдовсій, но онъ работалъ не въ Бухарѣ, а въ южной Персіи, по близости Испаhана, у одного саманидскаго вельможи. Послѣ болѣе чѣмъ двадцатилѣтняго труда «Шáh-нáмé» была готова, 17 янв. 999 года, и посвящена этому саманидскому вельможѣ.

И въ томъ же 999 году саманидское государство, въ моментъ высокаго своего развитія и матеріальнаго и духовнаго, только политически ослабѣвши, было низвергнуто, и лѣвобережныя области (Хорасанъ и другія) достались представителю нововыдвинувшейся династіи газневидской—султану Махмуду Газневидскому (998-1030), грубому тюрку, фанатику-сонниту.

---

[1]) См. стр. 182 Подробнѣе будетъ рѣчь о Дакыкыѣ ниже, въ главѣ о Фирдовсіѣ и о его „Шâh-нâмé".

Выпускъ XXI: Исторія Сасанидовъ и завоеваніе Ирана арабами, съ указаніемъ главныхъ моментовъ литературной исторіи христіанъ-сиріянъ и политической исторіи вассальныхъ Ирану арабовъ. Съ обзоромъ источниковъ и пособій и приложеніемъ главы объ Аршакидахъ и Парѳіи. Лекціи *А. Крымскаго*. М. 1905. Ц. **2** р. Изд. 2-ое.

Выпускъ XXII: Пособіе по арабскому языку для студентовъ Лазаревскаго Института въ переводахъ съ русск. языка на арабскій, ***М. О. Аттая***. 1905. **Ц. 75** к.

Выпускъ XXIII: Трапезундская хроника Михаила Панарета съ предисловіемъ, переводомъ и примѣчаніями *А. Хаханова*. М. 1905. Ц. **1** р.

Выпускъ XXIV и **XXVI**: Татскіе этюды, ч. I. Тексты и татско-русскій словарь. *Всев. Миллера*. М. 1903. **Ц. 1** р.—ч. II. Грамматика. М. 1907. **Ц. 1** р.

Выпускъ XXVII: Сказка о Камарэземанѣ изъ 1001 ночи, подъ ред. ***М. Аттаи***. М. 1908. Ц. **75** к.

Выпускъ XXVIII: Исторія Турціи и ея литературы, отъ возникновенія до начала разцвѣта. *А. Крымскаго*. (Готовится.) Есть студ. литогр. изд. 1909. Ц. **1** р.

Выпускъ XXIX: Исторія Турціи и ея литературы, отъ разцвѣта до начала упадка. *А. Крымскаго*: а) Золотой XVI-й в. (М. 1910). Ц. **1** р. **50** к.;—б) XVII-й в. (печатается).

Выпускъ XXX: Исторія Арменіи. I. Древній періодъ. *Г. Халатьянца* (лит.). М. 1910. **Ц. 3** р.

Выпускъ XXXI: Матеріалы по грузинской агіологіи по рукописямъ X вѣка. Изд. *А. Хаханова*. М. 1910. **Ц. 80** к.

Выпускъ XXXII: Пѣсни крымскихъ турокъ (съ переводомъ и музыкою), *А. Олесницкаго*, подъ редакціей ***Вл. Гордлевскаго***. М. 1910. Ц. **2** р.

Выпускъ XXXIII: Матеріалы для изученія тайной персидской секты „Люди Истины" ***В. Ѳ. Минорскаго***. Часть I. М. 1911. Ц. **3** р.

Выпускъ XXXIV: Образцы османской народной словесности. ***Вл. Гордлевскаго***. **М.** 1913 (печатаются).

Выпукъ XXXV: Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ ***А. Е. Крымскаго***. I. Общій очеркъ исторіи араб. литературы. II-III. Доисламская поэзія и ея корифеи (съ обильными переводами на русскій языкъ). М. 1911. **Ц. 3** р. **50** к.

Выпускъ XXXVI: Арабская литература въ очеркахъ и образцахъ. IV. Хамаса (съ Тааббатой-шарромъ и Шанфарой). V. Хозейлитскія стихотворенія. VI. „Книга пѣсенъ" X вѣка (печатается.)

Выпускъ XXXVII: Абанъ Лâхыкый. Изъ исторіи арабской повѣствовательной литературы индоперсидскаго характера. ***А. Крымскаго***. Приложенія: 1) Арабск. текстъ Судія (нач. 900-хъ г.) по уникатной рукописи Хедивской библіотеки: 2) „Варлаамъ и Іоасафъ", истор.-лит. очеркъ. М. 1913. Ц. **2** р. **25** к.

Выпускъ XXXVIII: Антіохійскій патріархъ Макарій XVII вѣка и его „Путешествіе на Русь" (Матеріалы ***М. Аттаи, А. Олесницкаго*** и ***А. Крымскаго***). М. 1913. Ц. **60** к.

Выпускъ XXXIX: Очерки по новой османск. литературѣ, ***Вл. Гордлевскаго***. М. 1912. Ц. **1** р. **25** к.

Выпускъ XL: Руководство для изученія османскаго языка, ***Г. Егмички***. **Русское** переработанное изданіе подъ редакціей ***Вл. Гордлевскаго***. Москва (печатается).

Выпускъ XLI: Семь спящихъ отроковъ Эфесскихъ. Историко-литературный очеркъ и переводы арабскихъ версій VII—XIII в. ***А. Крымскаго*** и ***М. Аттаи***. М. 1914. Ц. **1** р. **50** к.

Въ Правленіи Лазаревскаго Института Восточныхъ Языковъ имѣются для продажи слѣдующія большею частію р ѣ д к і я изданія *):

1) 75-лѣтіе Лазаревскаго Инстит. Вост. Яз. (1815—1890), историческій очеркъ *Г. Канапова*, съ приложеніями и портретами, М. 1891 . . 1 р. 50 к.
2) Тридцатилѣтіе Спеціальныхъ Классовъ Лазаревскаго Инст. В. Яз., *А. Хаханова* съ 10 фототипическими портретами. М. 1903 . . . 1 „ 50 „
3) *Каталогъ* книгъ и рукописей библіотекъ Лазарев. Инстит. Вост. Яз., а) библіот. спеціал. клас. и восточ. отдѣл. фундам. библ. М. 1888;— б) библіотека Н. О. Эмина, М. 1896;— в) библіот. Г. И. Кананова, М. 1901;—г) 4-ое добавленіе. М. 1903. . . . . . за 4 выпуска 1 „ 50 „

*) Цѣны книгъ назначены со включеніемъ стоимости за ихъ пересылку; выписывающіе **наложеннымъ платежемъ** прилагаютъ сверхъ того отъ 15 до 50 коп. за каждую книгу, смотря по вѣсу.

4) Объ искусствен. образовани парныхъ словъ—М. Джафара. М. 1900 . — р. 25 к.
5) *М. Аттая:* а) Арабская хрестоматія. Казань, 1886 . . . . 1 „ 50 „
6) „ в) *„Калила и Димна“*, переводъ съ арабскаго М. Аттая и М. Рябинина, съ введеніемъ, XLIV+285. М. 1889. 2 „ 50 „
7) „ г) Практич. руков. для изуч. *арабскаго* яз. М. 1910. . . 3 „ — „
8) Ключъ *А. Крымскаго* къ переводамъ руководства *Аттая*—М. 1907. — „ 95 „
9) Таблица поправокъ *А. Крымскаго* къ руководству Аттая — въ V выпускѣ „Трудовъ по востоковѣдѣнію“ 1912 (ч. III) . . . . 2 „ — „
10) *А. Крымскій:* а) Школа, образованность и литература россійскихъ мусульманъ. Переводъ съ малорусскаго. М. 1905. . . — „ 50 „
11) „ б) لفظ الجيم العربيّة أحلقيّة هى ام شجريّة («المشرق»=1898, № 11) 1 „ 50 „
13) „ в) (и *В. Минорскій*): Очерки изъ исторіи востоковѣдѣнія въ XVI и XVII вв. М. 1903 . . . . — „ 50 „
14) „ г) Лекціи по Корану. Суры старѣйшаго періода (переводъ съ объясненіями). Изд. 2-е. М. 1905 . . . . — „ 50 „
15) „ д) Мусульманство и его будущность. М. 1899 . . . . — „ 80 „
16) „ е) Дополненное малорусское изданіе (Львів, 1904) . . . . . . — „ 85 „
17) „ ж) О книгѣ пастора І. Гаури: Исламъ въ его вліяніи на жизнь его послѣдователей. М. 1896 . . . . — „ 20 „
18) „ з) Очеркъ развитія суфизма. М. 1895 . . . . 1 „ — „
19) „ и) (и *Б. Миллеръ*). Всемусульманскій университетъ при мечети Азхаръ въ Каирѣ, его прошлое, его современная наука, печать и журнальная дѣятельность (съ 3 рис. М. 1903). — „ 75 „
20) „ і) Шаг-наме. Львів. 1896 . . . . — „ 50 „
21) „ к) Народні казки та вигадки, як вони блукають та перевертаються. Переклад з англійської мови, з Клоустона, з увагами й додатками. Львів. 1896 . . . . — „ 60 „
22) „ л) (и *Горстеръ*). Изъ исторіи 1001 ночи. М. 1900 . . . . . . — „ 50 „
23) „ м) О бродячемъ сюжетѣ турецкой сказки про удачливаго самозванца—изъ сборника И. Куноша. Здѣсь же *Вл. Гордлевскаго:* Обзоръ турецкихъ сказокъ. М. 1900. . . . . 1 „ — „
24) „ н) Къ вопросу о старинныхъ малорусскихъ религіозныхъ сказаніяхъ. Кіевъ. 1896 . . . . — „ 15 „
25) „ о) Іоаннъ Вышенскій, его жизнь и сочиненія. К. 1895 . . . . — „ 50 „
26) „ п) О малорусскихъ отглагольныхъ существительныхъ на енне и інне. М. 1900. — „ 25 „
27) „ р) Отзывъ, представленный въ Академію Наукъ, о книгѣ И. Стешенка: Поэзія Котляревскаго. Спб. 1904 . . . . — „ 20 „
28) „ с) Филологія и Погодинская гипотеза (Судьбы кіевскаго малорусскаго нарѣчія XI—XVI в.). Кіевъ. 1904 . . . . . . 1 „ — „
29) „ т) Критерії для діалектологічної класіфікації староруських рукописів. Львів 1905 . . . . 1 „ — „
30) „ у) Древне-кіевскій говоръ. Спб 1907 (отт. изъ „Извѣстій“ Акад. Наукъ) . . . . — „ 50 „
31) „ ф) Украинская грамматика, т. I, вып. 1-й—1 р. 10 к.; вып. 2-й и 6-й—65 к.; т. II, вып. 1-й . . . . — „ 65 „
32) „ х) Два любопытныхъ арабскихъ документа изъ коллекціи А. Е. Крымскаго, *Г. Чиркова*, и Изъ области древне-арабской лирической поэзіи, *С. Олферьева*. М. 1900 . . . . — „ 50 „
33) „ ц) Къ описанію арабскихъ рукописей собранія А. Е. Крымскаго: а) Изъ бейрутской церковной лѣтописи; б) Полемика мусульманъ противъ христіанъ. М. 1907 г. . . . . 1 „ 50 „
34) *Вл. Минорскій:* а) Константинопольскія увеселенія (Карагёзъ и пр.). Тиф. 1903. . . . . — „ 25 „
35) „ б) Поэзія Эминъ-бея въ связи съ новымъ направленіемъ осман. поэзіи (съ прил. неизд. сборника: „Гёз Йашы“). М 1903. 1 „ — „

Цѣна 1 руб. 10 коп.

Складъ изданій (кромѣ вып. VI) въ Правленіи Лазар. Инст. В. Яз. въ Москвѣ и въ магазинахъ „Новаго Времени“ и Карбасникова.